

Ивана Роанья

Защита
**права на уважение
частной
и семейной жизни**
в рамках Европейской конвенции
о защите прав человека

Пособия по правам человека Совета Европы

COUNCIL OF EUROPE

CONSEIL DE L'EUROPE

Ивана Роанья

**Защита права на
уважение частной и семейной жизни
в рамках Европейской конвенции
о защите прав человека**

Пособия по правам человека Совета Европы

Совет Европы
Страсбург , 2014

Европейская Конвенция

УДК .....

ББК .....

И18

Перевод на русский язык – Центр защиты прав СМИ, 2014
www.mmdc.ru

Редактор русскоязычного издания – Г.Ю. Арапова
Корректор – Е.В. Желтикова

И18 Ивана Роанья. Защита права на уважение частной и семейной жизни в рамках Европейской конвенции о защите прав человека. Серия пособий Совета Европы. Воронеж: ООО Фирма «Элист», 2014 – 196 с.

ISBN 978-5-87172-062-2

Настоящее пособие подготовлено Советом Европы с целью всесторонне рассмотреть применение Статьи 8 Европейской конвенции о защите прав человека и предоставить практикующим юристам стран-членов Совета Европы рабочий инструмент, облегчающий понимание как самой Конвенции, так и прецедентной практики Европейского Суда.

УДК .....

ББК .....

© Совет Европы, издание на русском языке, 2014
© Перевод с английского – Центр защиты прав СМИ, 2014

ISBN 978-5-87172-062-2

Ивана Роанья – адвокат по уголовным делам и эксперт в области прав человека. Работала в Совете Европы, включая Европейский суд по правам человека, и была сотрудником ОБСЕ в Боснии и Герцеговине. Подготовила целый ряд экспертных оценок для офиса Управления ООН по наркотикам и преступности (УПН ООН) в Афганистане в отношении проектов, связанных с вопросами правосудия и пенитенциарными системами, составляла рекомендации для Совета Европы, Международной организации по миграции (МОМ), Бюро ОБСЕ по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ), Межрегионального научно-исследовательского института ООН по вопросам преступности и правосудия (ЮНИКРИ) и Посольства Италии в Афганистане по целому спектру вопросов, связанных с правами человека, такими как независимость правосудия, торговля людьми, защита свидетелей и международное уголовное право. Была автором экспертных заключений и законодательных экспертиз, касающихся Молдовы, Турции, Украины и Италии. По просьбе Совета Европы проводила тренинги по правам человека для юристов, судей, прокуроров, сотрудников правоохранительных органов и активистов НКО в Юго-Восточной Европе. В настоящее время, будучи старшим специалистом по тренингам в ЮНИКРИ, разрабатывает учебные программы и проводит тренинги по правам человека и европейским стандартам для юристов из Италии, Египта, Бразилии и Анголы, а также для сотрудников операций ООН и ЕС по поддержанию мира.

Мнения, изложенные в настоящем издании, принадлежат автору и не влекут ответственность Совета Европы. Юридическим документам, которые упоминаются в издании, не дается никаких официальных толкований, способных связать обязательствами правительства государств-членов Европейского Союза, уставные органы Совета Европы или любые органы, созданные в соответствии с Европейской конвенцией о защите прав человека.

Генеральная Дирекция по правам человека и верховенству права
Совет Европы
F-67075 Страсбург CEDEX
www.coe.int/justice

© Совет Европы, 2012 год
Иллюстрация обложки © rolffimages – Fotolia.com
1-е издание, январь 2012 год
Издано Советом Европы

Содержание

Статья 8 Европейской конвенции о защите прав человека	8	Защищает ли Статья 8 половую идентичность?	27
Введение	9	Существует ли право на имя?	27
Часть I – Общие положения	11	Существует ли право на этническую идентичность?	28
Определение защищаемых прав	13	Фотографии людей	29
Подпадает ли жалоба под действие Статьи 8?	13	Право на репутацию	30
Двухступенчатый тест	14	Сбор персональных данных и доступ к ним	31
Стадия 1 (п.1 Статьи 8). Подпадает ли жалоба под действие положений Статьи 8?	15	Частная жизнь в общественном контексте	34
Стадия 2 (п.2 Статьи 8). Имело ли место вмешательство?	15	Обыски и наблюдение на рабочем месте	35
Четыре аспекта Статьи 8	16	Становиться родителем – право или обязанность? Применение Статьи 8 к абортам и правам в области охраны репродуктивного здоровья	37
Сущность понятия «частная жизнь»?	17	Охватывает ли Статья 8 определение законных связей?	40
Какие отношения составляют частную жизнь?	18	Затрагивают ли частную жизнь ограничения, налагаемые государством в целях обеспечения безопасности?	41
Право устанавливать отношения с внешним миром	21	Что означает право на физическую и моральную неприкосновенность?	41
Существует ли право на самоопределение и самостоятельность личности согласно Статье 8? Завершение жизни и посмертные распоряжения	23	Взаимосвязь между Статьями 8 и 3	43
Является ли сексуальная активность составляющей частной жизни?	25	Сущность понятия «семейная жизнь»	48
Многостороннее понятие частной жизни	26	Что понимается под «семейной жизнью» в контексте Статьи 8?	49

Необходимо и/или достаточно брака или совместного проживания для установления факта семейной жизни? ..51	Перлюстрация корреспонденции лиц, находящихся в заключении, и регулирование их посещений 72
Необходимы и достаточны ли кровные связи для установления семейной жизни?..... 53	Применение мер скрытого наблюдения..... 74
Когда заканчивается семейная жизнь?..... 54	Применение полицией полномочий на остановку и досмотр ...76
Семейная жизнь вследствие усыновления..... 55	Дела об иммиграции 78
Что считается “жилищем”?..... 55	Законная цель вмешательства 78
Является ли право собственности необходимым или достаточным для наделения статусом жилища? 58	Государственная безопасность 79
Право на корреспонденцию: какие виды связи им охватываются? 59	Общественный порядок 80
Имеет ли значение личность отправителя или получателя? 61	Экономическое благосостояние страны 80
Имеет ли значение содержание коммуникации? 61	Предотвращение беспорядков и преступлений..... 81
Часть II – Ограничения 62	Защита здоровья или нравственности 82
Что относится к вмешательству в права, гарантированные Статьей 8?..... 62	Защита прав и свобод третьих лиц 83
На ком лежит бремя доказывания, что вмешательство имело место?..... 66	Критерий необходимости..... 83
Обосновано ли вмешательство? Общие соображения..... 67	Пропорциональность и пределы усмотрения 85
«Соответствовало ли вмешательство закону»?..... 68	Практическое применение доктрины свободы усмотрения 87
Что является законом в контексте Конвенции? 69	Вмешательство в частную и семейную жизнь заключенного 88
Практическое применение принципа законности..... 71	Вмешательство в осуществление права на изображение и репутацию..... 89
Передача детей под опеку государства..... 71	В отношении отказа в выдаче документов, удостоверяющих личность..... 91
	При передаче детей под опеку государства..... 92
	При определении пропорциональности ограничений на аборт..... 93
	В отношении экстракорпорального оплодотворения 95
	В отношении мер скрытого наблюдения 98

В отношении права знать свое происхождение	99	В защите от внешних угроз.....	136
В отношении права на усыновление.....	102	В защите жилища.....	138
В отношении использования персональных данных.....	103	В защите корреспонденции.....	144
В отношении трудовой занятости.....	105	Часть IV – Избранные проблемные области.....	145
В отношении защиты частной жизни	108	Охрана окружающей среды в рамках Конвенции	145
В отношении права на благоприятную		Статья 8 и право на окружающую среду	145
окружающую среду.....	110	Статья 8 и право на <i>здоровую</i> окружающую среду.....	147
Часть III – Позитивные обязательства	112	Применение Статьи 8 в иммиграционных делах	150
В области защиты частной жизни	113	Выдворение и депортация	151
Половая принадлежность.....	116	Выдворение вследствие осуждения в уголовном порядке: “критерии Бултифа” и их эволюция	154
Право знать свое происхождение.....	119	Право иммигрантов на воссоединение с семьями.....	163
Определение законных связей.....	120	Условия предоставления вида на жительство и легализация долговременных нелегальных иммигрантов: применима ли Статья 8?.....	168
Защита «светской частной жизни».....	121	Взаимодействие Статьи 8 и Гаагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей	172
В области регулирования частной промышленности	122	Алфавитный указатель судебной практики.....	178
В предоставлении информации об экологических рисках и угрозе здоровью.....	124		
В обеспечении альтернативных мест проживания вместо мест с неблагоприятной экологической обстановкой.....	128		
В защите семейной жизни.....	128		
В признании родственных связей.....	129		
В охране семейной жизни	131		

Статья 8 Европейской конвенции о защите прав человека

Право на уважение частной и семейной жизни

1. Каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции.
2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случая, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц.

Введение

Настоящее пособие создано с целью всесторонне рассмотреть применение Статьи 8 Европейской конвенции о защите прав человека (Конвенции) и предоставить практикующим юристам рабочий инструмент, облегчающий понимание как самой Конвенции, так и прецедентной практики Европейского Суда. Это особенно важно, когда Конвенция полностью включается в состав национального законодательства, что и происходит в большинстве стран, подписавших этот документ. Профессиональные юристы должны понимать, что постановления Европейского Суда носят не только рекомендательный характер и касаются не только страны-ответчика, но могут и напрямую применяться национальными юрисдикциями, особенно если международные нормы имеют приоритет над внутригосударственными.

За последние десять лет Европейский суд по правам человека (Суд) значительно расширил область защиты, охватываемую Статьей 8. Такая эволюция стала возможна благодаря самому характеру ее положений: Статья 8 – первая в Конвенции, где ограничиваются права, и отличительной чертой которой является то, что при ее применении требуется нахождение баланса между защитой прав человека и свободой усмотрения государств-участников Конвенции. Свобода усмотрения может простирается довольно широко, особенно при отсутствии в Европе согласия по вопросам, имеющим глубоко укоренившиеся социальные и культурные коннотации, в связи с чем государства-участники Конвенции предпочитают тщательно оценивать их и реагировать на нужды общества. Предоставляя общий обзор принципов, применимых к Статье 8, настоящее пособие также коснется и влияния, которое последние культурные и политические изменения оказали на толкование ее положений.

Настоящее пособие состоит из 4 частей, в которых приводятся обширные ссылки на соответствующую судебную практику. Часть I открывается общим введением в Статью 8. Затем подробно рассматриваются четыре сферы неприкосновенности личной жизни, защищаемые положениями статьи. Их следует толковать и интерпретировать как автономные понятия. Определение сферы применения Статьи 8 составляет первый шаг двухступенчатого теста, осуществляемого Судом при рассмотрении соответствующих жалоб. Если по заключению судей обстоятельства дела подпадают под действие Статьи, то переходят ко второй части теста. Этот второй этап тщательно изучен в части II, сосредоточенной на элементах ограничительных условий. Часть III дополняет обзор исследованием вытекающих из Статьи 8 позитивных обязательств, развитие которых представляет одну из основных характеристик эволюции, произошедшей при толковании Конвенции Судом. Последняя часть, часть IV, рассматривает три проблемные зоны, внимание к которым в последнее время усилилось вследствие растущей информационной открытости и доступности информации населению, и вытекающие из них требования, представляемые Суду. Имеются в виду право на окружающую среду, применение Конвенции к случаям иммиграции и взаимосвязь между Статьей 8 и Гаагской конвенцией по гражданским аспектам международного похищения детей.

Для удобства чтения в тексте указывается ссылка лишь на название дела. Полные ссылки на постановления по упоминаемым делам представлены в алфавитном указателе на странице 178. Все постановления Суда и значительная выборка решений и отчетов опубликованы в базе данных Европейского суда по правам человека HUDOC, доступной по адресу <http://hudoc.echr.coe.int/>. Упоминаемые дальше постановления, обозначенные астериском, не были окончательными на момент составления пособия.

ЧАСТЬ I – Общие положения

Целью исследуемого права является «защита личности против произвола государственных властей». Такая цель достигается обеспечением неприкосновенности четырех аспектов самостоятельности личности: частной жизни, семейной жизни, жилища и корреспонденции. Структура Статьи 8 та же, что и у всех квалифицированных прав Конвенции: первый пункт формулирует суть гарантий, а в ограничительных положениях, содержащихся во втором пункте, излагаются общие условия и конкретные основания, на которых государство-участник Конвенции может базировать ограничения указанных прав и свобод. Хотя в большинстве случаев Суд не ставит под сомнение законность вмешательства государства в права отдельных граждан, он требует от него доказательств того, что это вмешательство, обоснованность которого ставится под сомнение, необходимо в демократическом обществе в той степени, в которой это отвечает насущной общественной потребности и соответствует разделяемым ценностям. Таким образом, именно концепция необходимости, одним из элементов которой является пропорциональность вмешательства преследуемой цели, представляет собой то поле боя, на котором, в основном, и разгораются битвы между людьми и государствами. При этом границы этого поля меняются с течением времени и под влиянием продолжающегося социального и экономического развития общества. В связи с вышеизложенным практическое применение Статьи 8 стало вызывать затруднения, поскольку пытаться предсказать результаты ее применения в социально противоречивых ситуациях непросто. В этом смысле можно сказать, что Статья 8 является одним из наиболее вариативных положений Конвенции, которое за многие годы доказало свою способность охватить все растущее число вопросов и предоставить защиту в тех ситуациях,

которые не попадали под действие ни одной другой статьи. Частично это происходит и благодаря тому, что страсбургские органы так и не дали всеобъемлющего определения прав, охватываемых Статьей 8, что позволило ей адаптироваться к изменениям времени. В последние годы учащаются попытки расширить сферу применения Статьи 8 на социальные и экономические жалобы, связанные с проблемами благосостояния, например, доступа к медицинскому обслуживанию и медикаментам. До сих пор Страсбургский Суд не принимал такие жалобы к рассмотрению, полагая, например, что Статья 8 не может применяться в отношении предоставления медицинских ресурсов. С другой стороны, не было обнаружено оснований для возложения на государства согласно Статье 8 «позитивной обязанности» предоставить лицу, страдающему тяжелым умственным биполярным расстройством, возможность без рецепта приобрести средство, позволяющее ему безболезненно и гарантированно покончить жизнь самоубийством¹. При этом Суд постановил, что сферу применения Статьи 8 можно расширить для включения прав национальных меньшинств вести традиционный для них образ жизни² и для охвата части экологического законодательства в делах, в которых на человеческую жизнь прямое воздействие оказывали шумы или различные формы загрязнения³.

---

¹ Хаас против Швейцарии (*Haas v. Switzerland*).

² Дела Чэпмэн, Костер, Беард, Ли и Джейн Смит, все дела против Соединенного Королевства (*Chapman, Coster, Beard, Lee and Jane Smith, all v. the United Kingdom*), (БП).

³ Хэттон и другие против Соединенного Королевства (*Hatton and others v. the United Kingdom*), (БП); Пауэлл и Рейнер против Соединенного Королевства (*Powell and Rayner v. the United Kingdom*); Лопез Остра против Испании (*López Ostra v. Spain*); Гуэрра и другие против Италии (*Guerra and others v. Italy*), (БП); Ташкин и другие против Турции (*Taşkın and others v. Turkey*).

Определение защищаемых прав

Анализ практики Суда показывает, что именно заявитель должен указать право, в которое, по его мнению, было допущено вмешательство, и убедить Суд, что оно подпадает под действие Статьи 8. В деле *Е.В. против Франции* заявителю удалось убедить большинство членов Суда, что отказ национальных властей подтвердить ее пригодность для усыновления являлся жалобой не на ее право на усыновление или на право обрести семью через усыновление, в удовлетворении которой ей было бы отказано вследствие того, что оно не подпадает под действие Конвенции, а на вмешательство в ее частную жизнь, поскольку она не смогла установить отношения с внешним миром через усыновление. Если бы заявитель указал больше, чем одно право, защищенное Статьей 8, Суд мог бы точно и не определить, какое именно право человека имеется в виду. В деле *Класс* Суд постановил, что жалоба относительно прослушивания и перехвата телефонных разговоров и почтовой корреспонденции входила в сферу, на которую распространяется Статья 8, представляя вмешательство в частную и семейную жизнь и нарушение тайны корреспонденции.

Подпадает ли жалоба под действие Статьи 8?

Чтобы обеспечить защиту согласно Статье 8, жалоба должна касаться одного из четырех аспектов, гарантированных данной статьей, а именно: вопроса частной жизни, семейной жизни, неприкосновенности жилища или корреспонденции. Значение этих четырех аспектов далеко не самоочевидно и в большой степени зависит от фактов. Кроме того, эти сферы не являются взаимоисключающими, и какое-либо деяние может одновременно затрагивать несколько сфер. Суд не стал излагать особые

правила толкования разных составляющих этих аспектов: обычно разбирательства проводятся в зависимости от конкретного случая, причем данным понятиям придается самостоятельное значение. Эта гибкость, которую Суд проявляет в отношении социального, юридического и технологического развития, должна приниматься во внимание, хотя зачастую нелегко точно определить данное содержание. Анализ судебной практики и конкретные обстоятельства дел, тем не менее, предоставляют достаточно материала для понимания ситуаций с точки зрения Статьи 8, не забывая о ее эволюции и динамике.

Двухступенчатый тест

Чтобы оценить, действительно ли изложенные в жалобе факты являются нарушением Конвенции, Суд проводит двухступенчатый тест. Стадии 1 и 2 взаимосвязаны: отрицательный ответ на первый вопрос, устанавливающий, подпадает ли жалоба под действие Статьи 8, неизменно заставит Суд прекратить изучение обстоятельств дела. Но не всегда отсутствие невмешательства со стороны государства, оцениваемое на стадии 2, позволяет Суду прекратить изучение дела, поскольку в этом случае могут затрагиваться невыполненные позитивные обязательства. Описанный ниже структурированный подход применяется Судом всякий раз при обращении к Статье 8. Во многих случаях Суд не обсуждает каждый вопрос в подробностях, тем не менее, изучение жалоб по Статье 8 никогда не отступает от данной схемы.

Стадия 1 (п.1 Статьи 8). Подпадает ли жалоба под действие положений Статьи 8?

Чтобы убедиться в применимости Статьи 8 в конкретной ситуации, Суд задает следующий вопрос:

❖ подпадает ли жалоба под действие положений Статьи 8?

Ответ на него зависит от возможности в конкретных условиях заключить, задействованы ли в данной ситуации «частная жизнь», «семейная жизнь», «неприкосновенность жилища» или «корреспонденции» в том значении, которое им придают положения статьи. Если ответ отрицателен и Статья 8, соответственно, неприменима к данному случаю, дальнейшее рассмотрение жалобы прекращается. Если же Суд приходит к выводу, что действие Статьи 8 распространяется на данную жалобу, он переходит ко второй ступени теста.

Стадия 2 (п.2 Статьи 8). Имело ли место вмешательство?

Вторая стадия теста имеет двусторонний характер, причем актуальность того или иного ее аспекта зависит от того, имело ли место вмешательство в рассматриваемые права. И снова, чтобы помочь себе произвести оценку, Суд прибегает к вопросам. В большинстве случаев жалоба по Статье 8 подвергается рассмотрению на соответствие Конвенции какого-либо распоряжения о депортации или переселении, обыске, допросе или принудительном лечении, или, говоря в целом, о любом действии со стороны государства. В таких обстоятельствах Суд ищет ответа на следующий вопрос:

❖ Нарушались ли охраняемые Статьей 8 права?

Если да, задаются следующие вопросы:

- ❖ Осуществлялось ли такое вмешательство в соответствии с законом?
- ❖ Преследовало ли оно законную цель?
- ❖ Было ли оно необходимо в демократическом обществе?

Если Суд приходит к заключению, что вмешательство в право, защищаемое в соответствии с первым пунктом Статьи 8, отсутствовало, анализ не завершается. Наоборот, Суд устанавливает, возложено ли на государство-участника Конвенции позитивное обязательство относительно принятия мер по обеспечению выполнения им своих действий согласно Конвенции. Соответственно, задается такой вопрос:

- ❖ Было ли у государства позитивное обязательство по защите указанного права?

Четыре аспекта Статьи 8

Для осуществления первой части вышеупомянутого двухступенчатого теста настало время представить практические рекомендации по содержанию четырех аспектов Статьи 8. Далее они разбираются в свете судебной практики Страсбургского Суда. Не будучи исчерпывающим, наш обзор дает существенные указания, которые должны быть приняты во внимание, памятуя о живой природе Конвенции и о том, что изменения в обществе могут все больше и больше расширять рамки Статьи 8.

Сущность понятия «частная жизнь»

Страсбургский Суд так и не дал четкого и точного определения того, что означает частная жизнь: по его мнению, это широкое понятие, которому невозможно дать исчерпывающее определение⁴. Становится ясно, что понятие частной жизни куда шире, чем интимная жизнь, и включает сферу, внутри которой каждый человек может свободно развиваться и реализовывать свой потенциал как в отношении других, так и в отношении внешнего мира. Вместо того чтобы предоставить однозначное определение частной жизни, Суд указал (на основании многих дел) ситуации, подпадающие под это понятие. Результатом стала довольно неясная концепция, которую Суд старается широко толковать и интерпретировать: за долгие годы понятие частной жизни применялось к самым разнообразным ситуациям, включая обладание конкретным именем, защиту права на изображение и репутацию, знание своих семейных корней, физическую и моральную неприкосновенность, половую и социальную идентичность, сексуальную жизнь и сексуальную ориентацию, благоприятную окружающую среду, самоопределение и самостоятельность личности, защиту от обысков и задержания, а также конфиденциальность телефонных переговоров. Кроме того, Суд постановил, что признание правового гражданского статуса лица также попадает в сферу действия Статьи 8 и позволяет применять ее положения, например, в случаях, связанных с наймом⁵: увольнение с работы в частном секторе и ограничения занятости, налагаемые по закону на бывших сотрудников секретных служб, также были

---

⁴ Костелло-Робертс против Соединенного Королевства (*Costello-Roberts v. the United Kingdom*).

⁵ Бигаева против Греции (*Bigaeva v. Greece*).

признаны относящимися к вопросу обеспечения уважения частной жизни⁶. Применение Статьи 8 к делам, касающимся натурализации граждан, оказалось непростым: хотя ее положения и не гарантируют право на получение того или иного гражданства, в деле *Дженовезе (Genovese)* Суд постановил, что нельзя исключать, что произвольный отказ в получении гражданства может в некоторых случаях подпадать под действие Статьи 8 Конвенции ввиду того влияния, которое такой отказ окажет на социальную идентичность, одну из составляющих понятия частной жизни, защищаемой данной статьей⁷. Чрезмерная задержка с регистрацией брака также была сочтена вопросом, подпадающим под действие положений статьи⁸.

Какие отношения составляют частную жизнь?

Понятие частной жизни часто употреблялось Судом совершенно по-разному, почти как всеобъемлющий термин для предоставления защиты в таких заслуживающих ее защиты ситуациях, которые не подпадали под рамки определения семейной жизни. Таким образом, первая категория отношений, охватываемая данной концепцией, может быть определена как квазисемейная.

---

⁶ Райнис и Гаспаравичус против Литвы (*Rainys and Gasparavicius v. Lithuania*), (реш.), на основании дела Сидабрас и Джяутас против Литвы (*Sidabras and Džiautas v. Lithuania*), (реш.).

⁷ Дженовезе против Мальты* (*Genovese v. Malta**), с упоминанием решения о приемлемости в деле Карасев против Финляндии (*Karashev v. Finland*), (реш.).

⁸ Дадуш против Мальты (*Dadouch v. Malta*).

Среди них:

- ❖ отношения между приемными родителями и детьми, о которых они заботятся⁹;
- ❖ отношения между не вступившими в брак парами¹⁰.

До самых недавних пор отношения между партнерами одного пола как имеющими, так и не имеющими детей, не получали защиту Статьи 8 согласно положениям о «частной жизни»¹¹. Тем не менее, в 2010 году при разъяснении, что Конвенция не заставляет государства-члены формулировать законодательство о браках между лицами одного пола или признавать их, Суд впервые признал, что гомосексуальные отношения представляют собой форму «семейной жизни»:

«... в свете своей судебной практики Суд лишь признавал, что эмоциональные и сексуальные отношения внутри однополрой пары представляют собой «частную жизнь», но не постановлял, что они представляют собой «семейную жизнь», даже если речь шла о долгосрочных отношениях или совместном проживании партнеров. Приходя к такому заключению, Суд отметил, что, несмотря на развивающуюся в некоторых государствах Европы тенденцию к юридическому и судебному признанию стабильных фактических партнерств между гомосексуалистами, а также с учетом недостаточности общих принципов между государствами-участниками, данный вопрос оставался сферой, в которой им все еще предоставлялась большая свобода усмотрения. [...] Суд замечает,

---

⁹ X против Швейцарии (*X v. Switzerland*).

¹⁰ Уэйкерфилл против Соединенного Королевства (*Wakerfiel v. the United Kingdom*).

¹¹ Керкховен и Хинке против Нидерландов (*Kerkhoven and Hinke v. the Netherlands*).

что [...] во многих странах-участницах Конвенции произошла быстрая эволюция отношения общества к однополым парам. С тех пор значительное число государств-участников обеспечило юридическое признание однополых пар [...]. Некоторые положения законодательства также отражают развивающуюся тенденцию к включению однополых пар в понятие «семья» [...]. В свете таких событий Суд считает неестественным поддерживать мнение, что, в отличие от разнополых пар, однополая пара не может вести «семейную жизнь» согласно Статье 8. Соответственно, отношения заявителей (проживающей совместно однополой пары, поддерживающей постоянное фактическое партнерство) подпадают под понятие «семейной жизни», равно как и отношения разнополой пары в аналогичной ситуации»¹².

И напротив, Суд постановил, что следующее не является частной жизнью:

- ❖ отношения между владельцем и домашним животным¹³;
- ❖ отношения между лицом и его телом (экстумация для анализа ДНК с целью установления родства)¹⁴;
- ❖ письменные отношения между заключенным и лицом, с которым ведется переписка, с целью начать кампанию протеста против условий содержания в заключении¹⁵.

---

¹² Шальк и Копф против Австрии (*Schalk and Kopf v. Austria*).

¹³ X против Исландии (*X v. Iceland*).

¹⁴ Управление наследством Крестена Филтенборга Мортенсена против Дании (*Estate of Kresten Filtenborg Mortensen v. Denmark*), (реш.).

¹⁵ X против Соединенного Королевства (*X v. the United Kingdom*), реш. от 6 октября 1982 г.

Право устанавливать отношения с внешним миром

Право на частную жизнь охватывает не только уже сформировавшиеся отношения, но простирается и на возможность «устанавливать отношения с внешним миром». Эта концепция лежит в основании Статьи 8. В 1992 году Суд разъяснил,

«... что было бы недостаточно определить границы понятия частной жизни «внутренним кругом», в котором то или иное лицо живет частной жизнью по своему выбору, полностью исключив из него внешний мир, не попавший внутрь такого круга»¹⁶.

Это право вступать в контакт с остальными, тем не менее, несколько ограничено. Например, в деле *Ботта (Botta)* Суду пришлось решать, имеет ли заявитель-инвалид право на доступ к частным пляжам определенного курорта. Жалоба строилась вокруг того, что указанный заявителем курорт не имел необходимого оборудования для предоставления инвалидам доступа на пляжи и к морю, как того требует законодательство. Суд отклонил жалобу, сочтя, что она не подпадает под действие Статьи 8. Он решил, что указанное право, а именно право на доступ к пляжам и морю в месте, которое было отдалено от обычного места проживания заявителя, касалось межличностных отношений такого широкого и неопределенного диапазона, что прямая связь между мерами, которые государство обязалось принять с целью компенсировать бездействие владельцев частных мест купания, и

---

¹⁶ Нимитц против Германии (*Niemetz v. Germany*).

частной жизнью заявителя отсутствовала. Аналогично в деле *Френд и Кантрисайд Эллаянс и другие (Friend and Countryside Alliance and others)* Суд посчитал, что, несмотря на очевидное удовольствие и личное самовыражение, которое заявители получали от охоты, и, несмотря на межличностные отношения, установившиеся между ними в результате занятий охотой, спектр данных понятий был слишком широким и неопределенным, чтобы запреты на охоту начали представлять собой вмешательство в их права согласно Статье 8.

Понятие частной жизни, заключенное в Статье 8, было в дальнейшем прояснено и расширено в 2009 году в деле *Е.В. против Франции (E.B. v. France)*. Дело касалось процедуры, которую прошел одинокий учитель-гомосексуалист, чье заявление об усыновлении было отвергнуто, по его мнению, в связи с его сексуальной ориентацией. Суд удовлетворился констатацией, что жалоба касалась не прав на образование семьи или усыновление, которые не защищены Конвенцией¹⁷, а прав одиноких людей, прямо предоставляемых французским законодательством, подавать заявления на усыновление. Создав такое право (возможность для этого предоставлялась согласно Статье 53 Конвенции), Франция вышла за рамки своих обязательств по Статье 8 – по этой причине жалобу можно было рассматривать.

---

¹⁷ Фретте против Франции (*Fretté v. France*), (реш.).

Существует ли право на самоопределение и самостоятельность личности согласно Статье 8? Завершение жизни и посмертные распоряжения

В 2002 году Суд столкнулся с проблемой запрета внутригосударственным законодательством оказания содействия в самоубийстве и вынес решение о приемлемости жалобы по Статье 8, впервые сделав прямую ссылку на понятие самостоятельности личности (“personal autonomy”)¹⁸. Заявительница, страдавшая от разрушительных последствий дегенеративного заболевания, в результате которого ее состояние все ухудшалось, а физические и нравственные страдания усиливались, заявила о своем праве покончить с жизнью с помощью своего супруга. С точки зрения заявительницы, решение относительно способа ухода из жизни должно было рассматриваться как часть самого процесса жизни, которую Статья 8 недвусмысленно защищает. Вынося решение о приемлемости такой жалобы, Суд постановил, что

«... сама суть Конвенции – уважение к достоинству и свободе человека. Ни в коей мере не отрицая неприкосновенность жизни, защищаемую Конвенцией, Суд считает, что согласно Статье 8 вопросы качества жизни приобретают значительный вес. В эпоху усложняющейся медицины в сочетании с увеличивающейся продолжительностью жизни многие люди озабочены тем, что их нельзя принуждать вести существование в пожилом возрасте или в состоянии прогрессирующей физической или умственной немоги, что противоречит нерушимости представлений о личности и личной идентичности. [...] В данном случае законодательство запрещает заявителю сделать

---

¹⁸ Претти против Соединенного Королевства (*Pretty v. the United Kingdom*).

свой выбор, чтобы избежать того, что оно считает недостойным и мучительным концом жизни. Суд не готов исключить, что таковое не является вмешательством в права на уважение частной жизни, гарантированные согласно п.1 Статьи 8 Конвенции».

Было также решено, что желания оставшихся в живых членов семьи в отношении похорон их родственников подпадают под действие положений Статьи 8, хотя Суд часто воздерживался от определения, относится ли такое вмешательство к понятию частной или семейной жизни¹⁹. Желание развеять свой прах на территории своей собственности²⁰, и право матери изменить выгравированную на могильном памятнике фамилию своего мертворожденного ребенка²¹ рассматривалось с точки зрения частной жизни. Затянувшаяся задержка со стороны национальных властей с выдачей родителю трупа 4-летней девочки после вскрытия была сочтена нарушением частной и семейной жизни²². В других случаях Суд ограничивался указанием на то, что ситуация подпадает под действие Статьи 8, не конкретизируя соответствующие ее аспекты: так произошло с запросом о праве матери присутствовать на похоронах ее мертворожденного ребенка, возможно, сопровождаемых похоронной церемонией, и обеспечить провоз тела ребенка на соответствующем транспортном средстве²³, а также с отказом на перенос урны с прахом супруга заявительницы²⁴.

---

¹⁹ Жирар против Франции (*Girard v. France*).

²⁰ X против Германии (*X v. Germany*), (реш.).

²¹ Знаменская против России (*Znamenskaya v. Russia*).

²² Панулло и Форте против Франции (*Panullo and Forte v. France*).

²³ Адри-Вионне против Швейцарии (*Hadri-Vionnet v. Switzerland*), (реш.).

²⁴ Элли Полухас Доодзбо против Швеции (*Elli Poluhas Dödsbo v. Sweden*), (реш.).

Является ли сексуальная активность составляющей частной жизни?

В одном из ранних дел в 1970-х годах Суд разъяснял, что

«право на уважение частной жизни простирается настолько, насколько это необходимо для предоставления личности сферы, в которой она может свободно развиваться и проявлять себя. Для этого индивидуум должен иметь возможность формировать отношения разного рода, включая сексуальные, с другими личностями»²⁵.

Такое утверждение проясняет, что сексуальные отношения являются частью частной жизни. Быстрый обзор судебной практики по этому вопросу выявляет, насколько важными и интимными считаются такие отношения для любой личности, заслуживая сильнейшей защиты. Необходимость защиты настолько сильна, что в деле *Даджен против Соединенного Королевства (Dudgeon v. the United Kingdom)* Суд постановил, что само существование законодательства, объявляющего вне закона гомосексуальное поведение взрослых мужчин по обоюдному согласию, оказывает влияние на частную жизнь, даже если такие лица и не привлекались к уголовной ответственности за это.

Тем не менее, не всякие сексуальные действия, производимые за закрытыми дверями, защищены Статьей 8. Заявители в деле *Ласки, Джаггард и Браун (Laskey, Jaggard and Brown)* сочли, что их

---

²⁵ Брюггеман и Шойтен против Германии (*Brüggeman and Scheuten v. Germany*), (реш.).

преследование и обвинение в нападении и нанесении телесных повреждений в результате садомазохистских действий, производимых по обоюдному согласию между взрослыми мужчинами, нарушили положения Статьи 8. Хотя Суд не стал вдаваться в подробности того, насколько поведение заявителей согласовывалось с понятием частной жизни, он выразил некоторые сомнения относительно расширения защиты по Статье 8 на действия многочисленной группы людей, требующей наличия специально оборудованных помещений и приспособлений, привлечения новых лиц и записи видеопленки для общественного потребления. Эта концепция получила свое дальнейшее развитие в деле *К.А. и А.Д. против Бельгии* (*K.A. and A.D. v. Belgium*). Здесь Суд разъяснил, что право вступать в сексуальные отношения также включает право распоряжаться своим телом, что является неотъемлемой частью самостоятельности личности. Это означает, что чье-то намерение жить согласно своим желаниям должно включать и возможность того, что такое лицо будет осуществлять действия, воспринимаемые как физически или морально ущербные или опасные²⁶. Иными словами, такое утверждение предполагает, что понятие самостоятельности личности должно толковаться как включающее в себя право на распоряжение своим телом.

Многостороннее понятие частной жизни

Кроме межличностных отношений, понятие частной жизни охватывает и иные ситуации или действия, обозначенные Судом в его практике. Ниже представлены неисчерпывающие примеры таких наиболее существенных ситуаций (действий), разделенных по их предмету.

---

²⁶ Претти против Соединенного Королевства (*Pretty v. United Kingdom*).

Защищает ли Статья 8 половую идентичность?

Защита и уважение человеческого достоинства и свободы человека была бы во многом лишена значения, если бы интерпретировалась как исключение прав транссексуалов на развитие личности и физическую и моральную безопасность. Хотя Статья 8 не содержит права на самоопределение как такового, в деле *Ван Кюк (Van Kück)* Суд разъяснил, что неуважение свободы определять себя как мужчину или женщину в качестве одной из основ самоопределения противоречило бы Конвенции²⁷. Изменение имени и выдача официальных бумаг, отражающих смену пола, таким образом, было отнесено к вопросам, касающимся права на уважение частной жизни согласно п.1 Статьи 8²⁸.

Существует ли право на имя?

Вопрос применимости Статьи 8 к выбору имени и фамилии впервые рассматривался Судом в начале 1990-х гг.. В деле *Бурхарцц (Burghartz)* об использовании супругом фамилии жены Суд ясно указал, что, хотя такое и не указано в Статье 8 напрямую, имя человека как средство идентификации личности и связи с семьей должно рассматриваться как один из аспектов частной и семейной жизни, право на которое должно осуществляться без дискриминации по половому признаку. В деле *Гуйо (Guillot)*, посвященном отказу французских властей зарегистрировать дочь заявителя под именем

---

²⁷ Так же в деле Шлумпф против Швейцарии (*Schlumpf v. Switzerland*).

²⁸ В. против Франции (*V. v. France*).

Флер де Мари в связи с отсутствием такового в Святцах, Суд также разъяснил, что выбор родителями имени своего ребенка является личным, эмоциональным делом и поэтому относится к сфере их частной жизни.

Существует ли право на этническую идентичность?

Гарантии защиты Статьи 8, охватывают не только право на этническую идентичность²⁹, но и право национальных меньшинств жить в соответствии с их традиционным укладом жизни. Большая Палата сочла, что проживание цыганки в ее фургоне являлось

«...неотъемлемой частью ее этнической идентичности как цыганки, отражающей давнюю традицию данного меньшинства вести бродячий образ жизни. Это остается реальностью, хотя как под воздействием процесса развития и различных политических мер, так и по собственной воле многие цыгане больше не живут исключительно кочевой жизнью и все чаще надолго оседают на одном месте, чтобы облегчить, например, получение образования их детьми. Меры, влияющие на места остановки фургонов заявителя, таким образом, имеют более широкую сферу воздействия, чем право на уважение жилища. Они также влияют на наличие возможности поддерживать свою идентичность как цыганки и вести частную и семейную жизнь в соответствии с данной традицией»³⁰.

---

²⁹ Чуботару против Молдовы (*Ciubotaru v. Moldova*).

³⁰ Чэпмэн против Соединенного Королевства (*Chapman v. The United Kingdom*), (БП).

Фотографии людей

До 2009 года право на изображение людей рассматривалось Судом в контексте публикации снимков в прессе³¹. Тем не менее, последующие жалобы в Суд позволили значительно расширить понятие «обнародования» чьего-либо изображения. Дело *Реклос и Давурлис (Reklos and Davourlis)* касалось фотографирования новорожденного ребенка, включая лицо, профессиональным фотографом, нанятым частной клиникой, в которой родился указанный ребенок, для подготовки фотосессии для клиентов. Суд разъяснил, что уже сам факт фотографирования другими людьми, вне зависимости от публикации или распространения такой фотографии, влияет на частную жизнь человека. В рассматриваемом случае фотографирование осуществлялось в стерильном помещении, доступ к которому был разрешен только для медицинских работников. Решив, что дело подпадает под понятие частной жизни, Суд особо подчеркнул, что фотоснимок человека раскрывает его уникальные характеристики и основные черты личности. Эффективная защита последней требует, чтобы фотографируемое лицо давало на то свое согласие уже во время фотосъемки, а не только при наличии возможности публикации снимка.

Аналогичные аргументы приводились в деле *Георгия Николаишвили (Georgi Nikolaishvili)*, в котором Суд приравнял размещение фотографии человека в нескольких полицейских участках различных районов страны к публичному распространению снимка, поскольку свободный доступ к нему был у

---

³¹ Фон Ганновер против Германии (*Von Hannover v. Germany*); Шакка против Италии (*Sciacca v. Italy*); Мозли против Соединенного Королевства (*Mosley v. the United Kingdom*); Гургенидзе против Грузии (*Gurgenidze v. Georgia*).

огромного числа людей. В данном случае вывод о вторжении в частную жизнь заявителя основывался на том факте, что заявитель, который на момент размещения материала еще не подвергнулся уголовному преследованию, должен был рассматриваться как «обычный человек», в отношении которого вмешательство не может быть обосновано никакими законными целями. Наконец, маркировка «разыскивается» в связи с делом об убийстве подорвала его репутацию, нанесла ущерб социальной идентичности и психологическому здоровью, нарушая, таким образом, право заявителя на частную жизнь, защищенное Статьей 8.

Право на репутацию

В 2007 году Суд, вынося постановление³², представляющее собой прогрессивный шаг в развитии права на уважение частной жизни, однозначно признал, что Статья 8 относится и к защите репутации. Суд указал, что репутация составляет часть идентичности личности и ее психологического здоровья, налагая на национальные суды обязательство по обеспечению защиты, даже если критика выражена в контексте общественной дискуссии³³.

---

³² Пфайфер против Австрии (*Pfeifer v. Austria*).

³³ К такой позиции обращались и в деле Петрина против Румынии (*Petrina v. Romania*).

Сбор персональных данных и доступ к ним

Информация, находящаяся в распоряжении государства, может подпадать под сферу действия понятия частной жизни, если органы власти систематически собирают и хранят ее в своих документах. Это еще больше относится к случаям, когда информация касается отдаленного прошлого какого-либо лица³⁴.

Такое утверждение Суда иллюстрирует, что сбор и хранение государством информации и данных об отдельных лицах с их согласия или без него, равно как и доступ к ним, всегда относятся к частной жизни человека, таким образом подпадая под действие положений Статьи 8. Их последующее использование не имеет никакого значения для такого вывода. Среди дополнительных примеров:

- ❖ официальная перепись, в которой обязательно собираются данные о поле, семейном положении, месте рождения, этнической идентичности наряду с другой личной информацией³⁵;
- ❖ снятие полицией отпечатков пальцев, снимков, образцов клеток, профилей ДНК³⁶ и другой личной или публичной информации³⁷, даже если на нее распространяются условия конфиденциальности³⁸;

---

³⁴ Ротару против Румынии (*Rotaru v. Romania*), (БП). Суд отметил, что ситуация, по которой была подана жалоба в деле Ротару, то есть недостаточность обеспечения защиты частной жизни личности, все еще имела место на момент вынесения решения в деле Ассоциация 21 декабря 1989 года и др. против Румынии (*Association 21 December 1989 and others v. Romania*).

³⁵ X против Соединенного Королевства (*X v. the United Kingdom*), реш. от 6 октября 1982 г.

- ❖ сбор и хранение медицинских данных и иных медицинских записей³⁹;
- ❖ принуждение предоставлять подробную информацию о личных расходах с фискальной целью (раскрытие интимных аспектов частной жизни)⁴⁰;
- ❖ прослушивание, запись и/или хранение телефонных разговоров⁴¹;
- ❖ система идентификации личности, разработанная для административных и гражданских целей, например, базы данных в области здравоохранения, социальной помощи и налоговых органов;
- ❖ снимки системы охранного видеонаблюдения, сделанные на улице⁴²;
- ❖ система перехвата разговоров между заключенными и их родственниками в комнатах для свиданий в местах заключения⁴³.

---

³⁶ S. и Марпер против Соединенного Королевства (*S. and Marper v. the United Kingdom*), (БП).

³⁷ Мюррей против Соединенного Королевства (*Murray v. the United Kingdom*).

³⁸ Леандер против Швеции (*Leander v. Sweden*).

³⁹ Шав, урожд. Жюльен, против Франции (*Chave née Jullien v. France*), (реш.).

⁴⁰ X против Бельгии (*X v. Belgium*), (реш.).

⁴¹ Амман против Швейцарии (*Amman v. Switzerland*).

⁴² Пэк против Соединенного Королевства (*Peck v. the United Kingdom*).

⁴³ Виссе против Франции (*Wisse v. France*).

При определении, затрагивает ли личная информация, находящаяся в распоряжении властных структур, какие-либо аспекты частной жизни, защищенные Статьей 8, Суд обращает особое внимание на конкретный контекст, в котором такая информация была записана и помещена на хранение, характер записей, продолжительность хранения, способ использования и обработки таких записей и потенциально получаемые результаты⁴⁴.

В любом случае какая бы информация о ком-либо ни находилась в руках государства, такое лицо должно иметь к ней оперативный доступ⁴⁵. Реализация такого права на доступ может быть ограничена, например, в связи с наличием уголовного расследования против такого лица или необходимостью соблюдения баланса между правами отдельного человека и коллективными или индивидуальными интересами⁴⁶. При любых обстоятельствах отказ в доступе порождает предмет спора согласно Статье 8. То же самое происходит и при раскрытии личной информации каким-либо учреждениям или прессе⁴⁷. Ведет ли отказ в доступе к нарушению прав – во многом зависит от причин, выдвинутых государством в обоснование такого решения, а также от того, можно ли считать такой отказ необходимым в демократическом обществе и соразмерным преследуемой цели⁴⁸.

---

⁴⁴ S. и Марпер против Соединенного Королевства (*S. and Marper v. The United Kingdom*), (БП).

⁴⁵ Шестилетняя задержка в предоставлении заявителю доступа к личному досье, созданному секретной службой при коммунистическом режиме, была признана нарушающей Статью 8 в деле Хараламбие против Румынии (*Haralambie v. Romania*).

⁴⁶ Смещение бремени доказательства вмешательства государства в право заявителя, особенно если соответствующие правила неизвестны, было признано противоречащим принципу равенства в деле Турек против Словакии (*Turek v. Slovakia*).

⁴⁷ Z. против Финляндии (*Z v. Finland*) и M.S. против Швеции (*M.S. v. Sweden*).

⁴⁸ Зегерштедт-Вибберг и другие против Швеции (*Segerstedt-Wiberg and others v. Sweden*).

Частная жизнь в общественном контексте

При определении широких границ понятия «частная жизнь» Суд признает наличие зоны взаимодействия личности с другими людьми даже в общественном контексте, что может подпадать под такое понятие. Чтобы определить, задействована ли частная жизнь личности вне дома или вне частной собственности, применяется целый ряд элементов. В этой связи обоснованные ожидания соблюдения неприкосновенности частной жизни могут стать важным, хотя и не всегда определяющим фактором⁴⁹. Применение законодательного принуждения личности подчиниться детальному личному досмотру, обыску одежды и имущества на улице было признано вмешательством в право на уважение частной жизни⁵⁰. Тот факт, что обыск произведен в общественном месте, не исключает применимости Статьи 8. В самом деле, по мнению Суда, общественный характер обыска или досмотра может в некоторых случаях даже усиливать степень вмешательства вследствие наличия в нем элемента унижения и неловкости. Такие предметы, как сумки, кошельки, тетради и дневники могут, кроме того, содержать личные вещи, которые владелец стесняется демонстрировать прилюдно. В деле *Фока (Foka)*, в котором заявительница подверглась принудительному досмотру сумки со стороны пограничной службы, Суд постановил, что

---

⁴⁹ P.G. и J.H. против Соединенного Королевства (*P.G. and J.H. v. the United Kingdom*).

⁵⁰ Гиллан и Квинтон против Соединенного Королевства (*Gillan and Quinton v. the United Kingdom*).

«...любой личный досмотр со стороны властных структур представляет собой вмешательство в частную жизнь такой личности».

Это положение может не распространяться на авиапассажиров и лиц, посещающих определенные общественные здания, чье согласие на досмотр может признаваться, исходя из факта выбора ими такого типа перевозок или прохода в соответствующие места, с учетом возможности оставить личные вещи в другом месте или уйти, не подвергаясь досмотру.

Обыски и наблюдение на рабочем месте

Все чаще и чаще места, которые раньше считались общественными, становятся частными, исходя из положений Статьи 8. Начало такой тенденции было положено еще в 1992 году в деле *Ниметц (Niemetz)*. При рассмотрении законности обыска в кабинете адвоката Суд отверг аргументацию немецкого правительства, согласно которой Статья 8 не обеспечивала искомой заявителем защиты, поскольку указанное действие имело место в рабочем помещении. Судьи Страсбургского Суда отметили, что никакой принципиальной причины, по которой понятие «частная жизнь» исключало бы профессиональную или производственную деятельность, не имеется, поскольку именно на работе у большинства людей есть существенные возможности устанавливать и развивать отношения с другими. Отрицание защиты Статьи 8 на том основании, что предпринятые меры, на которые была подана жалоба, затрагивали лишь деловую сферу, могло бы породить неравенство отношения в том смысле, что такая защита вряд ли оставалась бы доступной для лиц, чью профессиональную деятельность и деятельность, не связанную с профессией, трудно разграничить. Суд также упомянул,

что в некоторых государствах-участниках Конвенции слово «жилище» стало распространяться и на рабочие помещения. Такое толкование соответствует французскому тексту Статьи 8 (*domicile*). В 2002 году Суд решил, что толкование Статьи 8 должно включать право на уважение штаб-квартиры какой-либо компании, ее филиала или места ведения хозяйственно-экономической деятельности. В деле *Компания «Колас Эст» и другие (Stés Colas Est and others)* Суд счел, что следователи попали в помещение заявителя без ордера, что стало нарушением неприкосновенности его жилища.

В деле *Пеев против Болгарии (Peev v. Bulgaria)* Суд имел возможность точнее определить сферу частной жизни в контексте обыска, проведенного в кабинете должностного лица, работающего в управлении Верховного кассационного прокурора, где и располагался его кабинет. С точки зрения Суда, указанное должностное лицо могло обоснованно ожидать отношения к своему рабочему месту как к частной собственности, что по меньшей мере могло бы относиться к его рабочему столу и канцелярскому шкафу, где он хранил свои личные вещи. Таким образом, обыск представлял собой вмешательство в его частную жизнь. Аналогично в деле *Копланд (Copland)* Суду было необходимо принять решение в отношении незаконного прослушивания телефона правительственного служащего, отслеживания его электронной почты и использования им Интернета. Суд постановил, что электронные сообщения, отосланные с рабочего места, могли охватываться понятиями «частная жизнь» и «корреспонденция», как и информация, полученная в результате слежки за персональным использованием Интернета на рабочем месте. Поскольку заявительницу не предупреждали, что ее звонки подлежат прослушиванию, у нее могли быть обоснованные основания ожидать, что ее переговоры и сообщения, отосланные с помощью устройств, имеющихся на ее рабочем месте, останутся конфиденциальными.

Становиться родителем – право или обязанность? Применение Статьи 8 к абортam и правам в области охраны репродуктивного здоровья

Уже в 1976 году Комиссия признала, что Статья 8 распространяется и на вопросы, связанные с абортami:

«... законодательство, регулирующее прерывание беременности, затрагивает сферу частной жизни, поскольку, как только женщина беременеет, ее частная жизнь становится близко связанной с развивающимся эмбрионом»⁵¹.

Решение Большой Палаты по делу против Ирландии разъясняло⁵², что, хотя Статью 8 нельзя толковать так, как будто она предоставляет право на аборт, запрещение последнего подпадает под право заявителя на уважение физического и психологического здоровья, которое совершенно явственно охватывается понятием «частная жизнь». Это также означает, что Статья 8 предоставляет право на своевременный доступ к соответствующим диагностическим услугам, необходимым для принятия обоснованного решения (и требует действительного наличия таких услуг), совместно с правом эффективного доступа к медицинскому сопровождению беременности. В этом смысле государства несут обязательства обеспечить оказание услуг так, чтобы уважение к свободе совести медицинских

---

⁵¹ Брюггеман и Шойтен против Германии (*Brüggegan and Scheuten*), (реш.).

⁵² А, В и С против Ирландии (*A, B, and C v. Ireland*), (БП).

работников на практике не мешало осуществлению права на доступ к таким услугам со стороны заинтересованной в них женщины⁵³.

При этом прерывание беременности включает в себя права не только потенциальной матери, но и отца. Заняв позицию, которая была позднее разъяснена в деле *Эванс (Evans)* (см. ниже), судьи Европейского Суда пришли к заключению, что права потенциального отца на уважение к его частной и семейной жизни не должны толковаться настолько широко, чтобы подразумевать право на получение консультаций или обращение в суд по поводу аборта, которого добивалась его жена, поскольку уважение частной жизни беременной женщины – «лица, более тесно связанного с беременностью и ее продолжением или прерыванием» – интерпретируется так, что отменяет любые права отца. Как следствие, в деле *Бозо (Boso)* жалоба отца на то, что решение его супруги сделать аборт не обсуждалось с ним, была отклонена как явно необоснованная⁵⁴. Судебная практика по большей части показывает, что, когда задействованы интересы двух будущих родителей, решение не становится родителем доминирует над решением стать таковым. Если под угрозой оказывается телесная неприкосновенность матери, доминирование ее личностных прав становится почти автоматическим.

Хотя в делах по вопросам аборта Суд признавал, что права отца ниже, чем права матери, эта перспектива меняется, когда дело касается начала беременности. Дело *Эванс (Evans)* предоставило Суду

---

⁵³ R.R. против Польши (*R.R. v. Poland*).

⁵⁴ Бозо против Италии (*Boso v. Italy*), (реш.). Понятие жертвы-отца в случае прерывания беременности см. в деле X против Соединенного Королевства (*X v. the United Kingdom*), реш. от 13 мая 1980 г..

возможность проанализировать применение положений о правах человека к «новым репродуктивным технологиям» и к правам и отношениям, окружающим репродукцию. Такой сложный вопрос этического характера был решен Судом в 2007 году. Дело касалось извлечения яйцеклеток из яичников заявительницы для осуществления экстракорпорального оплодотворения. Заявительница пожаловалась, что внутренние законы позволили ее бывшему партнеру отозвать свое согласие на длительное хранение и использование эмбрионов, таким образом помешав ей иметь ребенка, с которым она была генетически связана. Суд, прежде всего, признал, что понятие частной жизни включает право на уважение решения стать родителем. Затем было подчеркнуто, что как мужчина, так и женщина, участвующие в экстракорпоральном оплодотворении, заслуживают равного отношения, несмотря на различие в степени их вовлеченности в данную процедуру, по этой причине хранение и имплантация оплодотворенных яйцеклеток требует постоянного согласия всех вовлеченных сторон.

Поскольку невозможность иметь детей не является неизбежным следствием тюремного заключения, Статья 8 не содержит никаких ограничений по отношению к заключенным⁵⁵. Ее положения в последнее время интерпретировались так, что охватывали также и выбор метода, используемого, чтобы стать родителем: в деле *Терновски (Ternovsky)* заявительница жаловалась, что не могла родить ребенка дома, а не в больнице, поскольку медицинские работники не могли помочь ей в этом согласно законодательству, т.к. рисковали подвергнуться уголовному преследованию. Суд заметил, что

---

⁵⁵ Диксон против Соединенного Королевства (*Dickson v. the United Kingdom*).

«...понятие свободы личности является фундаментальным принципом, на котором основано толкование гарантий Статьи 8. Таким образом, право принять решение стать родителем включает и право выбора обстоятельств, при которых можно стать родителем. Суд удовлетворен тем, что обстоятельства рождения ребенка, безусловно, являются частью частной жизни в контексте данных положений».

Охватывает ли Статья 8 определение законных связей?

Суд не единожды постановлял⁵⁶, что слушания по вопросам отцовства подпадают под действие Статьи 8. Хотя обычно Страсбургскому Суду приходится рассматривать случаи, требующие определения юридических или биологических отношений между ребенком, рожденным вне брака, и его биологическим отцом, ответ на вопрос о применимости Статьи 8 не отличается от рассмотрения вопроса о законном расторжении существующих семейных связей⁵⁷. Все такие дела Суд рассматривал не с точки зрения семейной жизни, поскольку, в любом случае, право знать своих предков является важнейшим аспектом идентичности личности и, таким образом, подпадает под сферу действия понятия «частная жизнь»⁵⁸.

---

⁵⁶ См., помимо прочих, Баклунг против Финляндии (*Backlund v. Finland*); Микулич против Хорватии (*Mikulić v. Croatia*); Йагги против Швейцарии (*Jäggi v. Switzerland*).

⁵⁷ Расмуссен против Дании (*Rasmussen v. Denmark*).

⁵⁸ Анайо против Германии (*Anayo v. Germany*).

Затрагивают ли частную жизнь ограничения, налагаемые государством в целях обеспечения безопасности?

Меры, предпринимаемые государством для защиты населения от какой-либо опасности, например, обязанность пристегивать ремни безопасности или использовать предохранительные приспособления в промышленности также подпадает под действие Статьи 8, хотя в большинстве случаев их необходимо обосновывать на соответствие требованиям об ограничении права на уважение частной жизни.

Что означает право на физическую и моральную неприкосновенность?

Как уже было сказано, понятие частной жизни довольно широко. В зависимости от обстоятельств оно может простирается и на моральную и физическую неприкосновенность личности, несколько перекликаясь с ситуациями, подпадающими под действие Статьи 3, например, при задержании или лишении человека свободы иным способом, чем определено в Статье 5 Конвенции. Принудительное или обязательное медицинское лечение или обследование, вне зависимости от степени его незначительности, прямо подпадает под защиту понятия частной жизни согласно Статье 8. Разумеется, возможность обоснования вмешательства пунктом 2 Статьи 8 – это совсем другой вопрос, который изучается Судом на более поздней стадии. Примеры случаев, в которых физическое или моральное здоровье рассматривалось (или могло бы рассматриваться) с позиции Статьи 8, включают: введение медицинских препаратов серьезно больному ребенку персоналом больницы против желания мате-

ри⁵⁹; досмотр с полным раздеванием всех посетителей в тюрьме вне зависимости от наличия обоснованного подозрения в совершении уголовного преступления⁶⁰; насильственное введение рвотных средств подозреваемому в распространении наркотиков, чтобы вызвать рвоту, для извлечения из желудка проглоченных психотропных средств⁶¹; принудительное гинекологическое обследование заключенной⁶². Примеры психологической неприкосновенности включают: насильственное перемещение умственно больного лица туда, где ему практически не будет предоставляться лечение⁶³; повторяющиеся психиатрические обследования через короткие промежутки времени в связи с аналогичными уголовными делами, рассматриваемыми тем же судом⁶⁴.

---

⁵⁹ Гласс против Соединенного Королевства (*Glass v. the United Kingdom*).

⁶⁰ Уэйнрайт против Соединенного Королевства (*Wainwright v. the United Kingdom*), (реш.).

⁶¹ Яллох против Германии (*Jalloh v. Germany*), (БП). В конечном итоге решение по делу было вынесено со ссылкой на Статью 3 вследствие жестокого обращения.

⁶² Y.F. против Турции (*Y.F. v. Turkey*).

⁶³ Бенсаид против Соединенного Королевства (*Bensaid v. the United Kingdom*), (реш.).

⁶⁴ Ворва против Польши (*Worva v. Poland*), (реш.). Примеры принудительного психиатрического осмотра, подпадающие под действие Статьи 8, можно найти в деле Гласс, Y.F., Маттер против Словакии (*Glass, Y.F., Matter v. Slovakia*).

Взаимосвязь между Статьями 8 и 3

Суду часто приходилось рассматривать жалобы, касающиеся применения как Статьи 3, так и Статьи 8. Взаимосвязь между ними имеет место благодаря тому, что понятие частной жизни настолько широко, что могут возникать обстоятельства, в которых Статья 8 может рассматриваться как предоставляющая защиту в отношении условий содержания лиц, находящихся в заключении, если степень жестокости этих условий не доходит до уровня, запрещенного Статьей 3⁶⁵. И наоборот, Суд постановил, что в некоторых обстоятельствах обнаружение нарушения согласно Статье 3 делает рассмотрение жалобы по Статье 8 необязательным⁶⁶. Хотя в деле *Костелло-Робертс (Costello-Roberts)* Суд не исключил, что Статья 8 могла бы обеспечить большую защиту, чем Статья 3, его позицией стало применение исключительно одной из указанных статей⁶⁷. С 2003 года Суд, тем не менее, стал чаще рассматривать жалобы во взаимосвязи Статей 8 и 3. Первым делом, в котором был применен интегрированный подход, стало дело *М.С. против Болгарии (M.C. v. Bulgaria)*. 14-летняя

---

⁶⁵ Ранинен против Финляндии (*Raninen v. Finland*). В деле Флорья против Румынии (*Florea v. Romania*) вынужденное пассивное курение уже больного некурящего заявителя при нахождении в местах лишения свободы, противоречащее национальному законодательству, требующему разделения помещений для курящих и некурящих, было сочтено нарушением Статьи 3.

⁶⁶ Дела Яллох против Германии (*Jalloh v. Germany*); Язгуль Йилмаз против Турции (*Yazgul Yilmaz v. Turkey*), касающиеся принудительного гинекологического обследования, которое, в принципе, подпадает под Статью 8.

⁶⁷ В деле Лопез Остра (*López Ostra v. Spain*) Суд единогласно постановил, что хотя условия, в которых проживали заявительница и ее семья в течение многих лет, были очень тяжелыми (заявительница жаловалась на неудобства, создаваемые предприятием по переработке отходов, расположенным всего в нескольких метрах от их дома), они не достигли минимального порога для рассмотрения их дела с точки зрения Статьи 3.

девочка⁶⁸ была изнасилована двумя мужчинами. Поскольку следствие по уголовному делу обнаружило недостаточно доказательств того, что заявительницу принудили иметь секс с обвиняемыми и что половой акт стал результатом применения силы или угроз, дело было прекращено. В Страсбургском Суде заявительница ссылаясь, помимо прочего, на Статьи 8 и 3. Согласно ее жалобе болгарское законодательство и практика не предоставляют эффективной защиты против насилия и преступлений на сексуальной почве, требуя доказательств активного сопротивления со стороны жертвы. Была оспорена и эффективность расследования. Суд подтвердил, что Статьи 3 и 8 Конвенции требуют от государств-участников не только установления уголовной ответственности за изнасилование, но и применения соответствующего законодательства посредством эффективного расследования и уголовного преследования. Хотя свидетельства применения физической силы обвиняемым и физического сопротивления со стороны жертвы исторически применялись для доказательства совершения преступления в некоторых правовых системах, на европейском уровне ситуация была иной: любое упоминание физической силы было устранено из законодательства и/или судебной практики, в результате чего особый вес был придан не согласию, а неприменению силы.

Напоминая о консенсусе, достигнутом государствами-участниками Совета Европы в вопросе наказания за принудительные сексуальные акты⁶⁹, и учитывая мнения Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии относительно того, что в международном уголовном праве любое сексуальное проникновение без согласия жертвы представляет собой насилие, а также принимая во

---

⁶⁸ Таков возраст, когда, согласно болгарскому законодательству, половая связь не считается нарушением закона, если на нее получено согласие.

⁶⁹ Рекомендация Комитета Министров Совета Европы Res (2002) 5 о защите женщин от насилия.

внимание взгляды ученых о том, что жертвы сексуального насилия, в особенности несовершеннолетние, часто реагируют на насилие с так называемым «застывшим страхом» (синдром травматического психологического инфантилизма, включающий физический шок, дезориентацию и оцепенение, из-за которого жертвы нападения либо пассивно подчиняются насилию, либо психологически отгораживают себя от насилия), Суд подчеркнул необходимость для законодательства и судебной практики, связанной с вопросами насилия, отражать изменяющиеся общественные отношения, требующие уважения к сексуальной свободе личности и равенству. Как следствие, он заключил, что Статьи 3 и 8 Конвенции возлагают на государства-члены позитивное обязательство выводить насилие в разряд противозаконных деяний и эффективно осуществлять преследование любого принудительного сексуального акта вне зависимости от отношения к этому жертвы. Суд также отметил, что наличие двух совершенно несовместимых версий фактов в изложении жертв и обвиняемых требовало (в свете соответствующих современных стандартов в сравнительном и международном праве) контекстной оценки достоверности сделанных заявлений и подтверждения всех сопутствующих обстоятельств, что произведено не было. Не вдаваясь в обстоятельства доказанности уголовной ответственности обвиняемых, Суд постановил, что эффективность расследования, характерные черты и подход к расследованию не соответствовали позитивным обязательствам Болгарии согласно Статье 3 и Статье 8 Конвенции об установлении и внедрении системы уголовного права, обеспечивающего наказание за любые формы насилия и сексуального домогательства.

Аналогичные выводы были сделаны и в деле *E.S. и другие против Словакии (E.S. and others v. Slovakia)*. Заявительница жаловалась на невозможность получить ордер на выселение своего мужа, позже приговоренного к четырем годам заключения за жестокое обращение, насилие и сексуальные

домогательства по отношению к жене и детям, из муниципальной квартиры, в которой они вместе были квартиросъемщиками. Согласно внутривнутригосударственному законодательству она имела право на инициирование процесса с целью прекращения совместного проживания в указанной квартире только после вынесения окончательного решения в бракоразводном процессе. До той поры она могла подать заявление на выдачу ордера, требующего от ее мужа воздержаться от неподобающего поведения. Конституционный суд, рассматривавший дело, пришел к заключению, что права заявительницы нарушены не были, поскольку она не подавала заявления на выдачу такого ордера. Тем не менее, он постановил, что суды низшей инстанции не приняли подходящих мер для защиты детей от жестокого обращения. При этом никакой компенсации присуждено не было, поскольку Конституционный суд счел, что сама констатация факта насилия являлась достаточно справедливой компенсацией. После принятия нового законодательства заявительница получила два охранных судебных ордера: первый запрещал ее бывшему мужу появляться в квартире, а второй предоставлял ей исключительное право на жилплощадь. Тем не менее, за это время заявительнице пришлось уехать из дома, от семьи и друзей, а двум ее детям сменить школу. Лишь после окончательного расторжения брака и спустя год после того, как были выдвинуты обвинения в жестоком обращении и домогательствах, заявительница смогла подать заявление на разделение найма квартиры. Суд пришел к выводу, что альтернативная мера, предложенная правительством Словакии (постановление, запрещающее неподобающее поведение со стороны бывшего супруга заявительницы), не смогла бы предоставить адекватную защиту от неправомерного поведения мужа и отца и, соответственно, не стала эффективным средством внутривнутригосударственной судебной защиты⁷⁰. С точки зрения Суда,

---

⁷⁰ Поэтому возражения Правительства о том, что заявительницей не были исчерпаны внутренние средства правовой защиты, были необоснованными.

характер и серьезность обвинений, признанных правительством, требовали того, чтобы заявительница и ее дети получили немедленную защиту, какая им вовремя предоставлена не была. Что касается детей, Суд также отметил, что констатация факта насилия внутренним судом не стала адекватным возмещением вреда, который им был нанесен. Таким образом, в итоге было признано, что Словакия не выполнила свое обязательство защищать всех заявителей от жестокого обращения, что нарушало положения Статей 3 и 8.

Затяжные разбирательства также могут стать вопросом, требующим применения Статей 3 и 8 Конвенции. Дело *Эбсин (Ebcin v. Turkey)* обратило внимание Суда на насилие, широко распространенное в юго-восточной Турции между 1984 и 1995 гг., когда гражданские служащие подвергались нападению на улицах, получали серьезные ранения, некоторые были убиты террористами из РПК. Заявительница стала жертвой одной из таких атак, когда ей плеснули в лицо кислотой. Это происшествие повлекло нетрудоспособность заявительницы в течение полутора лет и стало причиной необратимого вреда ее здоровью, включая хроническую опухоль на шее. Суд решил изучить жалобы заявительницы через призму обязательства государства защищать ее и следить, чтобы ответственные за бесчеловечное обращение, имевшее место в ее случае, неотвратимо и оперативно представляли перед судом согласно Статьям 3 и 8 Конвенции. Придя к выводу, что власти не несли ответственности за отсутствие каких-либо мер, направленных на индивидуальную защиту заявительницы (не исключалась возможность получения угроз государственными служащими, нападения на них или убийства в местах, подвергавшихся террористическим атакам; заявительница не была публичной фигурой и не представила доказательств запугивания или получения угроз до нападения), Суд вынес противоположный вердикт в отношении процедурных обязательств расследовать данный случай и

начать уголовное преследование. С учетом длительности и зафиксированных задержек в уголовном производстве, а также общей длительности административного производства по присуждению компенсации, Суд постановил, что Турция не предоставила адекватную защиту против серьезного акта насилия, что являлось нарушением Статей 3 и 8⁷¹.

Сущность понятия «семейная жизнь»

Первое, что требует разъяснения при обращении к такому компоненту Статьи 8 как «семейная жизнь», это смысл, придаваемый слову «семья». Понятие, применяемое Судом, с течением времени трансформировалось в соответствии с изменением отношения европейского общества и может продолжить свои изменения в свете эволюции традиций. Суд постоянно повторял в своей практике, что понятие семейной жизни в Статье 8

«...не ограничивается исключительно семьями, основанными на узах брака, и может включать иные фактически существующие отношения. Принятие решения о том, подпадают ли какие-либо отношения под понятие «семейная жизнь», базируется на целом ряде существенных факторов, включая факт совместного проживания пары, продолжительность их отношений, наличие у них взаимных обязательств по отношению друг к другу, выражающихся в наличии детей или в любых иных средствах»⁷².

---

⁷¹ С учетом постановлений согласно Статье 3 и 8 Суд счел, что необходимость изучать жалобу согласно п.1 Статьи 6 отсутствовала.

⁷² X, Y и Z против Соединенного Королевства (*X, Y and Z v. the United Kingdom*).

Гибкий подход Суда принимает во внимание разнообразие семейных отношений, принятых в государствах-участниках Совета Европы, а также указания на их кризис и направления их текущего развития. Таким образом, семейная жизнь *de facto* получила признание Конвенции наравне с официально оформленными отношениями⁷³. Тот факт, что Суд признает наличие семейной жизни в зависимости от каждого случая, оценивая близость личных связей, существующих между сторонами, означает, что перечислить все отношения, представляющие собой семейную жизнь, невозможно. В любом случае, если ситуация не подпадает под понятие семейной жизни, она может быть защищена Статьей 8 с точки зрения частной жизни.

Что понимается под «семейной жизнью» в контексте Статьи 8?

Было установлено, что в контексте Статьи 8 под понятие семейной жизни подпадают следующие отношения:

- ❖ между детьми и их дедушками и бабушками⁷⁴;
- ❖ между единоутробными братьями и сестрами вне зависимости от возраста⁷⁵;
- ❖ между дядей или тетей и его/ее племянником или племянницей⁷⁶;

---

⁷³ Шальк и Копф против Австрии (*Schalk and Kopf v. Austria*).

⁷⁴ Маркс против Бельгии (*Marckx v. Belgium*).

⁷⁵ Олссон против Швеции (*Olsson v. Sweden*); и в контексте взаимоотношений взрослых братьев и сестер см. дело Буганеми против Франции (*Boughanemi v. France*).

⁷⁶ Бойл против Соединенного Королевства (*Boyle v. the United Kingdom*).

- ❖ между родителями и детьми, рожденными в последующих семейных отношениях, или детьми, рожденными вне брака или в связи, нарушающей супружескую верность, особенно если отцовство детей было установлено, и стороны поддерживают близкие межличностные связи⁷⁷;
- ❖ между усыновителями/приемными родителями и детьми⁷⁸.

Семейная жизнь не ограничивается социальными, моральными или культурными отношениями, но охватывает и интересы материального свойства, такие как обязательства⁷⁹ финансовой поддержки, права и ограничения прав на наследство, а также случаи распоряжения собственностью близкими родственниками⁸⁰. Тем не менее, Статья 8 не должна рассматриваться так, как будто она налагает на государства обязанность признавать религиозные браки или устанавливать особый режим для определенных категорий лиц, живущих без заключения брака, с целью распоряжения наследством⁸¹.

---

⁷⁷ X против Швейцарии (*X v. Switzerland*).

⁷⁸ Жоли и Лебрюн против Бельгии (*Jolie and Lebrun v. Belgium*).

⁷⁹ Велча и Мазэре против Румынии (*Velcea and Mazăre v. Romania*). В деле Пла и Пунсернау против Андорры (*Pla and Puncernau v. Andorra*) Суд разъяснил, что права наследования между внуками и дедушками/бабушками входят в категорию семейной жизни, даже если завещательница умерла до усыновления ее внука.

⁸⁰ Мержер и Кросс против Франции (*Merger and Cross v. France*).

⁸¹ Шерифе Йигит против Турции (*Şerife Yiğit v. Turkey*).

Интересно отметить, что все вышеупомянутые отношения также перечислены и в разделе данного пособия, посвященного частной жизни. В зависимости от силы, свойств и характеристик личностных связей их можно рассматривать согласно тем или иным положениям Статьи 8. При этом окончательный результат (защита) остается неизменным.

Необходимо и/или достаточно брака или совместного проживания для установления факта семейной жизни?

Наличия законного и подлинного брака достаточно для получения защиты по Статье 8 всеми заинтересованными лицами: таким образом, дети считаются частью таких отношений с момента рождения⁸². С другой стороны, это означает, что фиктивные браки за плату, например, заключенные с целью обойти иммиграционные правила или получить гражданство, выпадают из сферы применения данного положения. Будучи достаточным, действительный брак не обязателен для существования семейной жизни: отношения между матерью и ребенком получают защиту Конвенции вне зависимости от ее семейного положения⁸³. В деле *Джонстон против Ирландии (Johnston v. Ireland)* Суд разъяснил, что живущие вне брака пары, постоянно и стабильно проживающие совместно с их детьми, обычно считаются ведущими семейную жизнь, становясь неотличимыми от аналогичной

---

⁸² Беррехаб против Нидерландов (*Berrehab v. the Netherlands*).

⁸³ См. дело Маркс против Бельгии (*Marckx v. Belgium*) или дело Х против Соединенного Королевства (*X v. the United Kingdom*), реш. от 1 июля 1977 г., Суд, тем не менее, счел, что между матерью и сыном, отданным ею для усыновления двумя годами ранее, не существовало семейных отношений.

общественной формации, основанной на браке. Аналогично совместное проживание не обязательно для существования семейной жизни⁸⁴. Как разъяснил Суд:

«...понятие семейной жизни, на котором основана Статья 8, охватывает, даже при отсутствии совместного проживания, связи между родителем и его ребенком, вне зависимости от законности последнего. Хотя указанная связь может быть нарушена последующими событиями, такое может происходить лишь в исключительных случаях»⁸⁵.

Это означает, что ситуации, подобные возникающим вследствие задержки признания ребенка отцом, отсутствия с его стороны финансовой поддержки или его решения оставить ребенка на попечении родных при эмиграции в одно из государств, подписавших Конвенцию, были признаны исключительными обстоятельствами, которые не обязательно сами по себе прекращают семейную жизнь. Статья 8 может также распространять свою защиту на ситуации, в которых установление контактов между ребенком и его опекуном затруднительно или невозможно из-за поведения другого родителя. В таких случаях суд признает потенциальную угрозу семейной жизни, принимая во внимание сопутствующие (и часто предшествующие) обстоятельства, такие как характер взаимоотношений между родителями ребенка, семейные планы, обстоятельства распада семьи, эмоциональная связь с ребенком⁸⁶.

---

⁸⁴ Содербек против Швеции (*Söderbäck v. Sweden*).

⁸⁵ Буганеми против Франции (*Boughanemi v. France*).

⁸⁶ Киган против Ирландии (*Keegan v. Ireland*).

Необходимы и достаточны ли кровные связи для установления семейной жизни?

Наличие биологической связи между ребенком и каким-либо родителем не образует само по себе собой семейной жизни *ipso facto*. Аналогично отсутствие кровной связи автоматически не препятствует рассмотрению отношений с точки зрения семьи. Хотя Суд решил и не прибегать к подходу, основанному на «социальной, а не биологической реальности», на самом деле он лишь однажды обнаружил наличие семейной жизни между людьми, не связанными между собою кровно. Это произошло в деле *X, Y и Z против Соединенного Королевства*, в котором Суд счел, что отношения между транссексуалом, поменявшим женский пол на мужской, и его ребенком, рожденным вследствие искусственного оплодотворения, представляли собой семейную жизнь. Суд обосновал свое заключение тем, что отношения между заявителями ничем не отличались от отношений в традиционной семье, а партнер транссексуала участвовал в процессе искусственного оплодотворения в роли отца ребенка. Простого наличия биологического родства без юридических или фактических составляющих, которые подтверждали бы существование близких личных отношений, с точки зрения Суда, недостаточно для обеспечения защиты согласно Статье 8⁸⁷.

---

⁸⁷ G. против Нидерландов (*G. v. the Netherlands*).

Когда заканчивается семейная жизнь?

Установившиеся семейные связи могут нарушаться последующими событиями, хотя такое происходит только в исключительных обстоятельствах. Это особенно справедливо в отношении усыновления и высылки. Согласно практике Страсбургского Суда, дальнейшие события не могут сами по себе автоматически положить конец семейной жизни. Такое может произойти только в исключительных обстоятельствах⁸⁸:

- ❖ развод⁸⁹;
- ❖ прекращение совместной жизни, а также после высылки⁹⁰;
- ❖ решение отдать ребенка под опеку⁹¹;
- ❖ усыновление⁹².

---

⁸⁸ Буганеми против Франции (*Boughanemi v. France*).

⁸⁹ Беррехаб против Нидерландов (*Berrehab v. the Netherlands*); Хендрикс против Нидерландов (*Hendriks v. the Netherlands*).

⁹⁰ Юсеф против Соединенного Королевства (*Yousef v. the United Kingdom*).

⁹¹ Маргарета и Роджер Андерссон против Швеции (*Margareta and Roger Andersson v. Sweden*).

⁹² X против Соединенного Королевства (*X v. the United Kingdom*).

Семейная жизнь вследствие усыновления

Дело *Вагнер и J.M.W.L. (Wagner and J.M.W.L.)* поднимало вопрос о признании решения, полностью имеющего силу в иностранном государстве, об усыновлении в пользу незамужней приемной матери. Последняя вела себя как мать несовершеннолетнего ребенка с момента вынесения решения. Отказ люксембургских судов признать иностранное решение имеющим силу проистекало из отсутствия во внутригосударственном законодательстве положения, позволяющего одиноким родителям усыновлять детей. Суд счел, что такой отказ представлял собой вмешательство в право на уважение семейной жизни, и заметил, что в Европе по данному вопросу существует широкий консенсус: фактически разрешение на усыновление не состоящим в браке лицам было дано большинством стран-членов Совета Европы. Еще раз утверждая, что интересы ребенка должны были возобладать в делах подобного рода, Суд счел, что внутренние суды не имели права не принять во внимание юридический статус, созданный на основе решения, имеющего силу в другой стране, и соответствующий понятию семейной жизни согласно значению Статьи 8. Суды не должны были отказываться от признания семейных уз, которые *de facto* связали заявительницу и ее ребенка и заслуживали полнейшей защиты.

Что считается «жилищем»?

Согласно Статье 8 термин «жилище» толкуется как автономное понятие – это означает, что для того, чтобы убедиться, что некое жилое помещение можно признать «жилищем» в терминах Конвенции, необходимо тщательно изучить конкретные обстоятельства дела. Вообще дом определяется как ме-

сто, в котором человек проживает на постоянной основе или с которым у человека есть достаточно постоянные связи⁹³. Принимая во внимание, что две версии Конвенции отличаются именно в этом (термин *home* – дом, жилище – используется в английской версии, в то время как французский перевод использует более широкое понятие *domicile*), Суд смог истолковать термин более гибко⁹⁴.

Было решено, что данное понятие охватывает:

- ❖ загородные дома, вторые дома и гостиницы, предоставляющие комнаты на длительный срок⁹⁵;
- ❖ принадлежащий другому лицу дом, занимаемый в течение длительного времени или ежегодно кем-то еще⁹⁶;
- ❖ социальное жилье, которое заявитель занимает на правах найма, даже если право занимать жилье окончилось согласно местному законодательству⁹⁷;
- ❖ служебные помещения, в которых отсутствует четкая разница между рабочим кабинетом и местом проживания или между частной и деловой деятельностью⁹⁸;

---

⁹³ Прокопович против России (*Prokopovich v. Russia*), (реш.); Гиллоу против Соединенного Королевства (*Gillow v. the United Kingdom*), (реш.); Маккей-Копецка против Польши (*McKay-Kopieczka v. Poland*), (реш.).

⁹⁴ Нимитц против Германии (*Niemetz v. Germany*).

⁹⁵ Демадес против Турции (*Demades v. Turkey*), (реш.).

⁹⁶ Ментеш и другие против Турции (*Menteş and others v. Turkey*), (реш.).

⁹⁷ Макканн против Соединенного Королевства (*McCann v. the United Kingdom*).

- ❖ штаб-квартира компании, ее филиалы и иные служебные помещения⁹⁹;
- ❖ нетрадиционные места проживания, такие как фургоны и иные нестационарные места жительства¹⁰⁰;
- ❖ жилищные условия (совокупно подпадающие под понятие частной, семейной жизни и жилища)¹⁰¹.

И наоборот, следующее не было признано жилищем в контексте Статьи 8:

- ❖ прачечная, совместно принадлежащая совладельцам многоквартирного дома и предназначенная для использования от случая к случаю¹⁰²;
- ❖ артистическая уборная¹⁰³;
- ❖ земля, на которой владелец занимается или разрешает заниматься спортом, например, охотой¹⁰⁴.

---

⁹⁸ Ниметц против Германии (*Niemetz v. Germany*).

⁹⁹ Компания «Колас Эст» и другие против Франции (*Stés Colas Est and others v. France*).

¹⁰⁰ Бакли против Соединенного Королевства (*Buckley v. the United Kingdom*); Чэпмэн против Соединенного Королевства (*Chapman v. The United Kingdom*).

¹⁰¹ Молдован и другие против Румынии №2 (*Moldovan and others v. Romania (no. 2)*).

¹⁰² Келу против Румынии (*Chelu v. Romania*).

¹⁰³ Хартунг против Франции (*Hartung v. France*), (реш.).

Вопросы, относящиеся к пользованию жилищем, такие как отчуждение или уровень арендной платы, обычно рассматриваются с точки зрения статьи 1 Протокола №1 и поэтому не изучаются в данном пособии.

Является ли право собственности необходимым или достаточным для наделения статусом жилища?

Право собственности не является необходимым и достаточным для рассмотрения жалобы согласно Статье 8. Место вынужденного проживания на законных основаниях также не считается «жилищем»¹⁰⁵. Тем не менее, если «жилищем» объявляется какая-либо собственность, которая никогда или почти никогда не была заселена заявителем или которая не заселялась в течение продолжительного промежутка времени, то может случиться так, что связи с такой собственностью ослаблены настолько, что не могут более представлять предмет спора согласно Статье 8¹⁰⁶. В этом смысле Суд разъяснил, что возможность наследования собственности не подразумевает достаточно конкретной связи с ней, чтобы считать ее «жилищем»¹⁰⁷, как не подразумевает ее и намерение построить дом на данном участке земли, на котором, по утверждению заявителя, находятся его семейные корни¹⁰⁸.

---

¹⁰⁴ Френд и Кантрисайд Эллайанс и другие против Соединенного Королевства (*Friend and Countryside Alliance and others v. the United Kingdom*), (реш.).

¹⁰⁵ См. дела Бакли, Прокопович (*Buckley, Prokopovich*).

¹⁰⁶ Андреу Папи против Турции (*Andreou Papi v. Turkey*), (реш.).

¹⁰⁷ Демопулос и другие против Турции (*Demopoulos and others v. Turkey*), (БП).

Право на корреспонденцию: какие виды связи им охватываются?

Право на неприкосновенность личной корреспонденции нацелено на защиту конфиденциальности частных сообщений и толкуется как гарантия прав на непрерываемое и не подвергающееся цензуре общение с другими. Порог защиты высок, поскольку отсутствует принцип *de minimis* для возникновения вмешательства: перлюстрации одного письма уже достаточно¹⁰⁹. Технологические новшества, зафиксированные в сфере коммуникаций, регулярно принимаются Судом в расчет, причем Суд разработал эволюционное толкование слова «корреспонденция». Кроме традиционных писем на бумаге, в контексте Статьи 8 «корреспонденцией» считается следующее:

- ❖ устаревшие формы электронной связи, такие как телекс¹¹⁰;
- ❖ телефонные разговоры¹¹¹, включая информацию о них, такую как дата, продолжительность и набранные номера¹¹²;
- ❖ послания на пейджер¹¹³;

---

¹⁰⁸ Луизиду против Турции (*Loizidou v. Turkey*).

¹⁰⁹ Наринен против Финляндии (*Narinen v. Finland*).

¹¹⁰ Кристи против Соединенного Королевства (*Christie v. the United Kingdom*).

¹¹¹ Класс, Малоун, Маргарета и Роджер Андерссон (*Klass; Malone; Margareta and Roger Andersson*).

¹¹² P.G. и J.H. против Соединенного Королевства (*P.G. and J.H. the United Kingdom*).

- ❖ электронные сообщения (электронная почта) и информация, почерпнутая из слежения за личным использованием Интернетом¹¹⁴;
- ❖ частная радиосвязь¹¹⁵, но не на общественной волне, где она доступна другим¹¹⁶;
- ❖ корреспонденция, перехваченная при осуществлении хозяйственно-экономической деятельности или из служебного помещения¹¹⁷;
- ❖ электронные данные, изъятые при обыске юридической фирмы¹¹⁸;
- ❖ упаковки, изымаемые таможенными органами¹¹⁹.

Тот факт, что прослушивались разговоры, которые велись с офисного телефона, не повлияло на отнесение обстоятельств к частной жизни в контексте Статьи 8¹²⁰.

---

¹¹³ Тейлор-Сабори против Соединенного Королевства (*Taylor-Sabori v. the United Kingdom*).

¹¹⁴ Копланд против Соединенного Королевства (*Copland v. the United Kingdom*).

¹¹⁵ Каменцинд против Швейцарии (*Camenzind v. Switzerland*).

¹¹⁶ В.С. против Швейцарии (*B.C. v. Switzerland*), (реш.). Аналогично в деле Мушо против Италии (*Muscio v. Italy*) (реш.) Суд разъяснил, что, хотя получение «спама» в личный электронный ящик представляет собой вмешательство в право на уважение частной жизни, пользователи электронной почты, подключающиеся к Интернету, осознанно подвергают себя риску получения таких сообщений.

¹¹⁷ Копп против Швейцарии (*Kopp v. Switzerland*); Хэлфорд против Соединенного Королевства (*Halford v. the United Kingdom*).

¹¹⁸ Визер и компания Бикос Бетайлигунген ГмБХ против Австрии (*Wieser and Bicos Beteiligungen GmbH v. Austria*).

¹¹⁹ X против Соединенного Королевства (*X v. the United Kingdom*), реш. от 12 октября 1978 г.

¹²⁰ Хэлфорд против Соединенного Королевства (*Halford v. the United Kingdom*).

Имеет ли значение личность отправителя или получателя?

Хотя право на корреспонденцию признается для всех, личность тех, в чью корреспонденцию допущено вмешательство, имеет значение при определении обоснованности вмешательства согласно п. 2 Статьи 8. Таким образом, данный вопрос будет рассматриваться ниже. Вообще для конфиденциальных контактов, как между адвокатом и клиентом, защита гарантирована. Тем не менее, в зависимости от обстоятельств, обычные письма между отдельными лицами, даже если отправитель или получатель являются заключенными, могут рассчитывать на ту же степень защиты¹²¹.

Имеет ли значение содержание коммуникации?

Содержание корреспонденции не имеет значения для определения вмешательства¹²²: под защиту Статьи 8 подпадает средство или метод, а не предмет коммуникации. Выдвигаемые государством аргументы, что, например, телефонные переговоры были связаны с преступными действиями и поэтому не могут быть защищены Статьей 8, регулярно отвергаются, хотя могут иметь значение при применении ограничительных положений.

---

¹²¹ Сильвер и другие против Соединенного Королевства (*Silver and others v. the United Kingdom*).

¹²² Фреро против Франции (*Frérot v. France*).

ЧАСТЬ II – Ограничения

Если жалоба подпадает под сферу применения Статьи 8, Суд продолжает ее структурированное изучение. Формулировка п.2 Статьи 8 позволяет применять последовательный пошаговый анализ жалобы. Положительный ответ на вопрос – «имело ли место вмешательство в право, гарантированное Статьей 8» – неотвратно приведет к последующему анализу:

- ❖ Было ли вмешательство «в соответствии с законом»?
- ❖ Преследовало ли оно законные цели?
- ❖ Необходимо ли оно в демократическом обществе?

Хотя Суд проводит такой тест всякий раз, сталкиваясь с жалобой по Статье 8, в зависимости от фактического обоснования дела, схема не всегда и не обязательно обсуждается подробно.

Что относится к вмешательству в права, гарантированные Статьей 8?

Ниже следует неисчерпывающий перечень того, что было расценено вмешательством в соответствующее право:

- ❖ изъятие детей у семьи и передача их под опеку государства или на усыновление¹²³;
- ❖ личные досмотры и обыски дома¹²⁴;

---

¹²³ Олссон против Швеции (*Olsson v. Sweden*).

- ❖ прослушивание телефона¹²⁵ и вообще перехват переговоров, вне зависимости от использованных средств связи¹²⁶;
- ❖ отказ в возвращении домой перемещенным лицам¹²⁷;
- ❖ перехват и/или просмотр корреспонденции заключенного¹²⁸;
- ❖ сбор и хранение личной информации¹²⁹;
- ❖ планировочные разрешения (на застройку)¹³⁰;
- ❖ постановления о высылке;
- ❖ поддержание конкретного правового режима, вмешивающегося в частную жизнь заявителя¹³¹;

---

¹²⁴ Мюррей против Соединенного Королевства (*Murray v. the United Kingdom*); Чаппел против Соединенного Королевства (*Chappell v the United Kingdom*), Функе против Франции (*Funke v. France*).

¹²⁵ Класс против Германии (*Klass v. Germany*).

¹²⁶ Быков против России (*Bykov v. Russia*), связанное с записью разговоров удаленным радиопередающим устройством.

¹²⁷ Кипр против Турции (*Cyprus v. Turkey*), (БП).

¹²⁸ Кэмпбелл и Фелл против Соединенного Королевства (*Campbell and Fell v. the United Kingdom*).

¹²⁹ Леандер против Швеции (*Leander v. Sweden*).

¹³⁰ Бакли против Соединенного Королевства (*Buckley v. the United Kingdom*).

¹³¹ Шоненбергер и Дурмаз против Швейцарии (*Schonemberger and Durmaz v. Switzerland*); Норрис против Ирландии (*Norris v. Ireland*).

- ❖ невозможность власти обеспечить исполнение судебных постановлений, направленных на защиту от применяющего насилие лица¹³²;
- ❖ снятие работника с должности по причинам, имеющим отношение к его частной жизни¹³³;
- ❖ распространение в СМИ изображений подозреваемого в совершении преступления, полученных с согласия полиции¹³⁴;
- ❖ наличие неприятных запахов, исходящих от свалки вблизи камеры заключенного¹³⁵;
- ❖ фотосъемка новорожденного без предварительного согласия родителей и удержание негативов¹³⁶;
- ❖ отсутствие возможностей компенсации телесных повреждений, допущенных вследствие врачебной ошибки в государственной больнице¹³⁷;
- ❖ неэффективность процедуры получения доступа к персональным данным, находящимся в распоряжении секретных служб¹³⁸;

---

¹³² А против Хорватии (*A v. Croatia*).

¹³³ Озпынар против Турции (*Özpinar v. Turkey*).

¹³⁴ Тома против Румынии (*Toma v. Romania*).

¹³⁵ Брэндуше против Румынии (*Brândușe v. Romania*).

¹³⁶ Реклос и Давурлис против Греции (*Reklos and Davourlis v. Greece*).

¹³⁷ Кодарча против Румынии (*Codarcea v. Romania*).

¹³⁸ Хараламбие против Румынии (*Haralambie v. Romania*).

- ❖ осуществление насильственного лечения без согласия заявителя или против его убеждений, проистекающих из его этнического происхождения¹³⁹;
- ❖ несанкционированный доступ к персональным данным, включая медицинскую информацию¹⁴⁰;
- ❖ вписывание имени в реестр банкротов¹⁴¹;
- ❖ невозможность удалить имя заявителя из списка постоянно проживающих в конкретном месте¹⁴²;
- ❖ отказ в получении новых¹⁴³ или в возврате документов, удостоверяющих личность¹⁴⁴;
- ❖ высылка оседлого иммигранта¹⁴⁵.

---

¹³⁹ Маттер против Словакии (*Matter v. Slovakia*) и V.C. против Словакии (*V.C. v. Slovakia*).

¹⁴⁰ I. против Финляндии (*I. v. Finland*).

¹⁴¹ Альбанезе, Витьелло и Кампаньяно против Италии (*Albanese, Vitiello and Campagnano v. Italy*).

¹⁴² Бабилонова против Словакии (*Babylonová v. Slovakia*).

¹⁴³ M. против Швейцарии (*M. v. Switzerland*).

¹⁴⁴ Смирнова против России (*Smirnova v. Russia*).

¹⁴⁵ A.A. против Соединенного Королевства (*A.A. v. the United Kingdom*).

На ком лежит бремя доказывания, что вмешательство имело место?

В принципе, именно заявитель должен доказать наличие существенного вмешательства, предоставив доказательства вмешательства в его права, гарантированные Статьей 8. Тем не менее, доказательства не обязательно должны быть фактическими. На самом деле, наличие определенного законодательства, позволяющего осуществлять вмешательство, на которое подана жалоба, а также сам факт, что заявитель получил всю информацию об этом, могут удовлетворить Суд в том, что вмешательство, хотя и существенно не доказанное, имело место. Иными словами, существования определенного режима уже достаточно для адекватной демонстрации того, что вероятность нарушения Конвенции имела место. В противном случае заявитель вряд ли бы нес бремя ответственности при отсутствии материального ущерба или в случаях, когда нарушение прав человека повлекло за собой нанесение ему психологического ущерба, возникшего из-за возможных последствий применения обжалуемого законодательства. Это особенно верно в отношении скрытого наблюдения, наличие которого неизвестно по определению (по меньшей мере во время его проведения) лицам, которые находятся под наблюдением. Когда заявитель утверждает о наличии лишь подозрений, что его коммуникации и перемещения отслеживаются, а его жизнь находится под наблюдением, и единственным доказательством является наличие законодательства, позволяющего вмешательство такого рода, Суд оценивает обоснованность жалобы в свете всех обстоятельства дела, а именно риска, что к заявителю применяются меры скрытого наблюдения. Это не ограничивает рассмотрение прямых доказательств наблюдения, с учетом того, что такие доказательства обычно трудно или невозможно получить¹⁴⁶. В

---

¹⁴⁶ Кеннеди против Соединенного Королевства (*Kennedy v. the United Kingdom*), в котором Суд вновь обратился к подходу и принципам, изначально утвержденным в делах Класс (*Klass*) и Малоун (*Malone*).

своей оценке Суд также обращает внимание на доступность средств защиты на национальном уровне; отсутствие таких средств и наличие широко распространенных подозрений и тревоги среди населения, что полномочия на скрытое наблюдение превышаются, заставляет Суд подробно изучать дело, даже если фактический риск наблюдения незначителен. Таким образом, в некоторых обстоятельствах демонстрация вероятности вмешательства достаточна, чтобы Суд принял дело.

В делах, когда обвинения во вмешательстве затрагивали положения, имеющие особую важность в жизни человека, например, сексуальную сферу, успешно применялся аргумент – «действующее законодательство», который не противоречит положениям Статьи 34, отказывающей частным лицам в праве обжаловать норму права как таковую на противоречие Конвенции *in abstracto* (запрещение *actio popularis*). В деле *Норрис (Norris)* Суд счел, что даже простое наличие законодательства, запрещающего гомосексуальные акты, представляет собой вмешательство в контексте Статьи 8 (хотя заявитель никогда не подвергался преследованию или обвинению на таких основаниях), поскольку оно обязывало человека либо изменить свое поведение в отношении особенно интимного и важного аспекта его личности, либо подвергнуться риску преследования.

Обосновано ли вмешательство? Общие соображения

После установления наличия вмешательства со стороны властных структур Суд должен решить, обосновано ли оно согласно пункту 2. Поскольку ограничительные положения позволяют ограничивать права, гарантированные Конвенцией, сфера их применения должна быть четко обозначена. Таким образом, Суд применяет узкий подход: исключения являются исчерпывающими, и толкование

их должно быть очень строгим¹⁴⁷. В соответствии с общим принципом, единодушно утвержденным в судебной практике Страсбургского Суда, любые ограничения защиты, предоставляемой Конвенцией, должны быть безоговорочно разрешены или обоснованы самой Конвенцией. Согласно Статье 18, ограничения могут накладываться только с той целью, с которой они предусмотрены.

«Соответствовало ли вмешательство закону?»

Вторая стадия структурированного подхода Суда к обоснованию вмешательства включает выявление правовых оснований, узаконивающих такое ограничение. Если вмешательство осуществляется в соответствии с законом, обжалуемое поведение согласуется с положениями Статьи 8, хотя может быть расценено не необходимым или непропорциональным на последующей стадии. В противном случае предполагаемое ограничение нарушает Конвенцию, и Суду не нужно далее подробно исследовать это дело. Такое положение характерно для всех ограниченных прав, даже если Статьи с 9 по 11 английской версии официального текста допускают другую формулировку: «предусмотрено законом». Тем не менее, Комиссия и Суд всегда отрицали какую-либо существенную значимость такого различия¹⁴⁸, придавая двум выражениям одно и то же значение, поскольку формулировка на французском языке гласит «*prévue par la loi*», не делая никаких различий между ними. Страсбургский Суд разработал тест, состоящий из трех частей, для определения соответствия вмешательства закону. Схема требует от суда оценки:

---

¹⁴⁷ Сидиропулос против Греции (*Sidiropoulos v. Greece*).

¹⁴⁸ «Санди таймс» против Соединенного Королевства (*Sunday Times v. the United Kingdom*).

- ❖ наличия национального законодательства,
- ❖ четкости и точности его формулировок и
- ❖ его цели.

Что является законом в контексте Конвенции?

Ссылка на принцип законности означает, что вмешательство должно основываться на положениях национального законодательства. Суд должен принимать в расчет закон в его внутрисударственном толковании, если подходы, принятые национальными судами, не имеют серьезных причин для другого вывода¹⁴⁹. Такое вынужденное самоограничение происходит из-за того, что вопросы толкования национального законодательства перед Страсбургским Судом относятся только лишь к фактам дела. Суд предложил широкую интерпретацию такого критерия. Обоснование вмешательства может быть заложено в национальном правовом режиме или в других источниках, таких как профессиональные правила поведения, неписаные принципы общего права, регулирование Европейского Союза и международные (двухсторонние или многосторонние) договоры. И напротив, административные регламенты, приказы, инструкции и любые иные юридические источники, характеризующиеся высокой степенью гибкости или свободой усмотрения, или не имеющие обязательной силы, а также малодоступные, – обычно не составляют правовых положений в контексте п.2 Статьи 8¹⁵⁰.

---

¹⁴⁹ Роуч против Соединенного Королевства (*Roche v. the United Kingdom*), (БП).

¹⁵⁰ Шимоволос против России (*Shimovolos v. Russia*).

Во-вторых, чтобы оценить ясность и точность закона, Суду необходимо принимать во внимание его текст, сферу применения, а также численность и статус тех, на кого он направлен. Такое требование может называться требованием «доступности» закона. С одной стороны, это означает, что его норма должна регулировать конкретную ситуацию, описываемую в деле; с другой стороны, с субъективной точки зрения,

«гражданин должен иметь достаточные в данных обстоятельствах ссылки на нормы права, применимые к данному делу»¹⁵¹.

Третий аспект, напрямую связанный с предыдущим, относится к предсказуемости последствий чьего-либо поведения: каждый человек должен иметь возможность регулировать свое поведение согласно требованиям законодательства. Безусловно, поиск определенности не может приводить к излишней жесткости в формулировке юридических текстов. Законы зачастую составляются в терминах, которые в большей или меньшей степени неопределенны, и толкование и применение которых являются практическим вопросом. В любом случае законодательство, дискреционные полномочия должны указывать цель, на которую направлен выбор того или иного решения со стороны государственных властей, чтобы можно было изучить каждый вариант и потенциально признать его «превышением власти» (*ultra vires*). Описанный анализ является важным аспектом определенной категории дел, таких как опека над ребенком, корреспонденция лиц, находящихся в заключении, скрытое наблюдение и, в последнее время, иммиграция.

---

¹⁵¹ Малоун против Соединенного Королевства (*Malone v. The United Kingdom*).

Практическое применение принципа законности

Ниже представлен неисчерпывающий обзор способов применения принципа законности Судом в некоторых существенных вопросах, представленных его вниманию.

Передача детей под опеку государства

В разных странах традиционно существует специальное законодательство о передаче детей под опеку. Хотя в представляемых в Суд жалобах редки ссылки на отсутствие надлежащей правовой основы, того же нельзя сказать в отношении указаний об отсутствии ясности и точности существующего правового регулирования. Наиболее распространенная претензия к национальному законодательству – чрезмерная расплывчатость в определении прав и полномочий социальных служб в вопросах изъятия детей у родителей и принятия решений о передаче детей под опеку государства¹⁵². В деле *Олссон (Olsson)* национальный закон был оспорен в той части, в которой он допускал передачу детей под опеку государства на основании «отсутствия ухода за ними» и отсутствия «других условий в доме». Суд не стал принимать представленные аргументы, решив, что нормы, сформулированные даже в «довольно общих» терминах, могут удовлетворять понятию закона, особенно если широкие полномочия социальных работников могут эффективно уравниваться адекватными процессуальными мерами на административном и судебном уровне. Кроме того, в деле *T.P. и K.M.*

---

¹⁵² Эрикссон против Швеции (*Eriksson v. Sweden*).

против Соединенного Королевства (T.P. and K.M. v. The United Kingdom) Суд принял во внимание степень риска нанесения вреда ребенку до вмешательства государственных властей. Суд подчеркнул необходимость приоритета эффективной защиты ребенка, которая может быть несправедливо нейтрализована, будь право властей на вмешательство ограничено в ситуациях реального и конкретного вреда.

Перлюстрация корреспонденции лиц, находящихся в заключении, и регулирование их посещений

Перлюстрация корреспонденции заключенных одновременно касается вопросов общественной безопасности и фундаментальных прав личности. Поскольку корреспонденция является основным способом, которым заключенные, лишённые свободы, могут осуществлять общение с внешним миром, вмешательство в нее может иметь серьезное значение для личной сферы заключенного. В отношении же принципа законности Суду пришлось решать два основных вопроса: характер положений, вводящих контроль за корреспонденцией, и уровень их четкости.

Нарушение принципа законности было выявлено в деле *Сильвер и другие (Silver and others)*, касающемся регулирования корреспонденции заключенных посредством административных инструкций, принятых министерством для Службы исполнения наказаний. Суд постановил, что хотя большинство ограничений, накладываемых на корреспонденцию заключенных, может содержаться в процессуальном законодательстве, вмешательство, основанное на внутренних, неопубликованных приказах и циркулярных инструкциях, адресованных начальникам тюрем и не имеющих официальной силы правового акта, не может соответствовать положениям Статьи 8. И, наоборот, в деле

*Энеа (Enea)*¹⁵³ Суд счел, что Италия нарушила Статью 8, поскольку Закон о тюремном управлении, на основании которого осуществлялся контроль корреспонденции заявителя, не определял ни продолжительность таких мер, ни причины, по которым их можно было бы обосновать, а кроме того, не указывал с достаточной ясностью границы и способы усмотрения компетентными органами, не предоставляя, таким образом, минимальной защиты от произвола, гарантированной законом.

Что касается вопросов доступности и предсказуемости, заявители иногда возражали против невозможности понять или даже узнать правила, регулирующие эту сферу, и возникающую вследствие этого невозможность подстроить свое поведение в соответствии с данными правилами. В вышеупомянутом деле *Сильвер и другие* Суд выявил нарушение Статьи 8, поскольку власти преимущественно опирались на постановления и инструкции, недоступные заключенным и не предоставлявшие достаточной информации по ограничениям, налагаемым на их поведение. Наличие национального тюремного законодательства, допускающего автоматическую цензуру корреспонденции и не предоставляющего достаточной информации о том, как это осуществляется, также приводит к выявлению нарушений, как и происходило в многочисленных заявлениях против Польши¹⁵⁴. В этой стране внутренний режим не проводил различий в тщательности контроля в зависимости от разных типов корреспондентов. Как следствие, даже привилегированные средства коммуникации, такие как личные жалобы в Комиссию и в Европейский Суд, могли быть задержаны и перлюстрированы. Более

---

¹⁵³ См. также Уильям Фолкнер против Соединенного Королевства (*William Faulkner v. the United Kingdom*).

¹⁵⁴ Недбала против Польши (*Niedbala v. Poland*); Миановски против Польши (*Mianowski v. Poland*).

того, отсутствие процедурных мер защиты препятствовало получению внутренних средств судебной защиты, а государственные органы не были обязаны обосновывать перлюстрацию официальным и мотивированным решением¹⁵⁵. В 2009 году, впервые столкнувшись с проблемой врачебной тайны в местах заключения, Суд расширил принцип и на средства общения между осужденным пациентом и его врачом при перехвате и проверке корреспонденции начальником медицинской службы в местах заключения¹⁵⁶.

В деле *Гюльмез (Gülmez)* Палата единогласно постановила, что законодательные положения, не определяющие в четких терминах проступков и взысканий, на основании которых может быть принято решение ограничить права заявителя на посещения, не могут считаться достаточно наглядными и подробными для надлежащей защиты задержанного от неправомерного вмешательства в его право семейной жизни, что приводит к нарушению Статьи 8.

Применение мер скрытого наблюдения

Скрытое наблюдение стало предметом все возрастающего числа заявлений. В этой сфере технологические достижения вынуждают Суд сопоставлять традиционные принципы п.2 Статьи 8 со все усложняющимися приемами вмешательства в частную жизнь. В 2010 году Суд вынес свое первое

---

¹⁵⁵ Салапа против Польши (*Salapa v. Poland*).

¹⁵⁶ Сулук против Соединенного Королевства (*Szuluk v. the United Kingdom*).

постановление, касающееся наблюдения по системам GPS, в контексте уголовного расследования¹⁵⁷. При разрешении дела Суд выделил различия между рассматриваемыми мерами и другими, менее навязчивыми, способами визуального или акустического наблюдения, к которым применяются менее жесткие меры защиты. Вообще судебная практика Европейского Суда подчеркивает серьезную необходимость избегать произвольного вмешательства. Таким образом, любое внутригосударственное правовое положение по данному вопросу должно быть достаточно четким, чтобы у людей были адекватные указания на обстоятельства, в которых государственные власти имеют право прибегать к таким мерам. Кроме данного общего требования, Суд указал на следующие минимальные средства защиты: внутреннее законодательство должно четко определять преступления, обосновывающие применение ордера на прослушивание; субъективные ограничения, налагаемые на определенные категории людей; хронологические пределы слежки; правила, которым необходимо следовать при изучении, распространении и хранении полученных данных; меры предосторожности, предпринимаемые при передаче указанных данных третьим сторонам; обстоятельства, в которых такая информация может быть стерта или уничтожена¹⁵⁸; и обеспечение предварительного или *ex post facto* изучения судьей или иной по-настоящему (объективно и субъективно) независимой инстанцией, фактически и иерархически независимой от органа, ответственного за осуществление указанных мер, и уполномоченной установить истинность и надежность записей. Если национальное

---

¹⁵⁷ Узун против Германии (*Uzun v. Germany*).

¹⁵⁸ Вебер и Саравиа против Германии (*Weber and Saravia v. Germany*), (реш.); Ассоциация Европейской интеграции и прав человека и Экимджиев против Болгарии (*Association for European Integration and Human Rights and Ekimdzhev v. Bulgaria*); «Либерти» и другие организации против Соединенного Королевства (*Liberty and other organisations v. the United Kingdom*).

законодательство не упоминает какие-либо вышеуказанные элементы, Суд расширяет свою оценку на внутрисударственную судебную практику, которая может быть необходима для предоставления охранных гарантий отдельным лицам. Тем не менее, во всех случаях подход Суда остается довольно жестким, поскольку взаимная интеграция национального законодательства не может заполнить все существенные пробелы соответствующих правовых положений¹⁵⁹.

Применение полицией полномочий на остановку и досмотр

В деле *Гиллан и Куинтон (Gillan and Quinton)* Суду пришлось вынести решение о полномочиях полиции, данных ей антитеррористическим законодательством, на применение мер принуждения. Согласно закону полиция могла останавливать и обыскивать любого человека в любом месте и без предупреждения, вне зависимости от наличия обоснованных подозрений в совершении противоправных действий, при условии, что офицер в соответствующей форме считает такие действия «целесообразными для предотвращения актов терроризма». Суд посчитал, что широкая сфера усмотрения, предусмотренная законодательством, как в плане наделения полномочиями останавливать и досматривать людей, так и в их практическом применении, не была обеспечена соответствующими юридическими гарантиями, предоставляющими достаточную защиту отдельных лиц от произвольного вмешательства. Прежде всего, Суд заметил, что на стадии наделения подобными полномочиями существовало требование не к необходимости вмешательства, а лишь к его целесообразности. Несмотря на то, что такое разрешение было необходимо сначала подтвердить, а затем продлить, на

---

¹⁵⁹ P.G. и J.H. против Соединенного Королевства (*P.G. and J.H. v. The United Kingdom*).

самом деле, с момента введения в действие антитеррористического законодательства такие полномочия постоянно продлялись «автоматически». Наличие независимого наблюдателя было признано несущественным, поскольку его полномочия ограничивались отчетностью об общем функционировании законодательного положения без права на отмену или изменение полномочий. Больше всего, однако, законодательством предоставлялась чрезмерная свобода усмотрения отдельным офицерам полиции, чье решение останавливать и обыскивать отдельных людей основывалось исключительно на «чутье» или «профессиональной интуиции». Полицейским не нужно было демонстрировать наличие каких-либо обоснованных подозрений, от них также не требовалось наличия никаких субъективных подозрений в отношении остановленного и досматриваемого лица. Учитывая, что единственным условием рассматриваемого законодательного положения являлась цель досмотра, задачей которого было изъятие предметов, которые могли бы быть использованы для совершения террористических действий, и что целью остановки был досмотр для обнаружения таких предметов (определяемых настолько широко, что они включали многие предметы, которые люди обычно носят с собой на улице), подозрение на их наличие не было даже необходимым. Кроме того, в свете статистических данных, демонстрирующих частоту применения полицейскими полномочий на остановку и досмотр, которыми их наделяло законодательство, Суд пришел к выводу, что оно довольно сильно ограничивало права других людей и не содержало никаких адекватных законных гарантий против злоупотреблений, и, таким образом, не отвечало требованию законности, изложенному в Статье 8.

Дела об иммиграции

В прошедшие годы Суду приходилось определять законность и соответствие процедуре решений по вопросам иммиграции. Национальный правовой режим не отвечает принципу «в соответствии с законом», если позволяет служащему от случая к случаю принимать решение о необходимости применения важных процессуальных гарантий или отказа в их применении. Этот принцип был утвержден в деле *Лю и Лю против России (Liu and Liu v. Russia)*, в котором государственным служащим были даны чрезмерно широкие полномочия в вопросах депортации иностранцев. Поэтому Суд установил, что первичной связью между условиями п.2 Статьи 8 и иммиграционным законодательством должен являться полноценный судебный пересмотр решений, принятых должностным лицом. Для обеспечения соответствия принципу законности особую значимость приобретает мотивировка принятых мер и право на получение средств судебной защиты. Такой подход был принят в деле *G.C. против Болгарии (G.C. v. Bulgaria)*, в котором постановление о депортации было вынесено без всякой опоры на фактические основания, а лишь на основе «серьезной угрозы национальной безопасности» вследствие пребывания заявителя в данной стране.

Законная цель вмешательства

После того как Суд убедится в законности вмешательства, он изучает законность преследуемой цели. Цели, перечисленные в пункте 2, являются частью исчерпывающего перечня. Тем не менее, были случаи, когда Суд принимал во внимание цели, отличающиеся от однозначно обозначенных в п.2 Статьи 8. В деле *Ньянзи (Nnyanzi)* Суд был удовлетворен тем, что наличие и введение в силу спо-

собов иммиграционного контроля являлось законным основанием для выдворения заявителя из Соединенного Королевства в Уганду. Однако, несмотря на исключения, формулировки Конвенции охватывают основные интересы, подвергающиеся угрозе, причем каждый из них толкуется достаточно широко. Они охватываются всеми ограниченными правами, за единственным исключением экономического благосостояния страны. В процессуальном смысле именно на государственно-ответчика налагается обязанность определения цели, преследуемой вмешательством. Как правило, Суд этим удовлетворяется, но это означает, что настоящая борьба развернется в споре о необходимости и соразмерности мер, предпринятых для достижения таких целей.

Законными целями, как они указаны в Статье 8 и толкуются Судом, являются:

Государственная безопасность

Этот вопрос касается защиты государства от риска нанесения вреда вследствие действий внутренних или внешних врагов, как, например, свержение национального правительства или нападение на демократическую систему. К этим положениям Суд обращался в нескольких случаях, касающихся сбора информации о каком-либо лице или скрытого наблюдения, предположительно необходимого для препятствования действиям, вызывающим тревогу, со стороны террористов или сложным формам шпионажа¹⁶⁰. Обоснование вмешательства данной целью не было поддержано в деле *Смит и*

---

¹⁶⁰ См. дела *Класс против Германии (Klass v. Germany)*; *Леандер против Швеции (Leander v. Sweden)*.

Грейди (Smith and Grady), касающемся менее благоприятного отношения к гомосексуалистам в Вооруженных силах Великобритании.

Общественный порядок

Такая цель редко возникает сама по себе. Даже если такое происходит, Суд в то же время опирается на другие сопутствующие обоснования, такие как государственная безопасность или предотвращение преступлений или беспорядков. Общественный порядок находился в центре внимания в решении Комиссии в деле *X и Y против Швейцарии (X and Y v. Switzerland)* об ограничении семейной жизни в заключении. Аналогично в деле *Бакли (Buckley v. The United Kingdom)* Суд признал общественный порядок одним из оснований для отказа со стороны британских властей в разрешении заявительнице (цыганке) жить в фургоне на ее земле. Если бы такое ей было позволено, возникала опасность для дорожного движения, поскольку доступ к ее собственности осуществлялся с использованием общественной дороги.

Экономическое благосостояние страны

Добросовестное управление государственными финансами становилось центром некоторых дел, касавшихся местной политики, в отношении жилищного вопроса и демографии. Например, такая законная цель была упомянута государством-ответчиком в деле *Гиллоу (Gillow)*: жилищные ограничения в Гернси были обоснованы насущной необходимостью поддерживать население в тех рамках, которые позволяли бы сбалансированное экономическое развитие данной местности.

Регулирование рынка труда по отношению к плотности населения в городской зоне было расценено как законная основа для депортации гражданина Марокко после его развода с гражданкой Нидерландов¹⁶¹. В любом случае провести черту между частными или общественными экономическими интересами не всегда легко. Например, в деле *Хэттон и другие (Hatton and others)* возросшее число ночных рейсов было оправдано благоприятными общеэкономическими последствиями улучшения транспортной системы, но коллективные интересы были неизбежно и глубоко переплетены с интересами авиакомпаний.

Предотвращение беспорядков и преступлений

Данная цель двояка, поскольку охватывает два различных понятия. Понятие беспорядков, одна из наиболее часто упоминаемых законных целей, по-видимому, охватывает тревожные ситуации, возникающие вследствие поведения отдельных людей или групп людей, угрожающих мирной общественной жизни. В отношении же другой составляющей цели, «преступлений», необходимо различать профилактику и выявление преступлений. Предпринимаемые государством меры могут быть обоснованы только до той степени, в которой они стремятся предотвратить совершение преступления. После его совершения государству приходится прибегать к иным обоснованиям. Например, на практике такое различие может быть очень тонким. К примеру, в деле *S. и Марпер против Соединенного Королевства (S. and Marper v. the United Kingdom)* Суд счел, что система сбора образцов ДНК и отпечатков пальцев служит цели профилактики преступлений, будучи, однако, несопропор-

---

¹⁶¹ Беррехаб против Нидерландов (*Berrehab v. The Netherlands*).

ной по сравнению с преследуемой целью. В случае уголовного расследования Суд, как правило, отказывается признать законность поведения работников полиции, если они основаны на ошибочных убеждениях или очевидно неправильных посылах, чего можно и должно было бы избежать при соблюдении соответствующих мер предосторожности¹⁶².

Защита здоровья или нравственности

Как и в предыдущем пункте, данная цель сочетает два автономных интереса. Здоровье относится к индивидуальной сфере, в то время как защита нравственности обычно воспринимается как синоним половой морали. Судебная практика ясно показывает, что нравственность может подразумевать либо этические стандарты общества в целом, либо конкретные уязвимые социальные категории, например, школьников. В деле *Даджесна (Dudgeon)*¹⁶³ Суд рассматривал уголовное преследование за сексуальные отношения (приватно и по взаимному согласию) между взрослыми мужчинами, не разделяя мнения о том, что криминализация такого поведения могла отвечать необходимости поддержания нравственных стандартов. Суд пришел к другому заключению в деле *Ласки, Джаггард и Браун (Laskey, Jaggard and Brown)*: здесь преимущество было отдано защите здоровья участников с учетом возможных последствий садомазохистских действий для физического здоровья.

---

¹⁶² Киган против Соединенного Королевства (*Keegan v. the United Kingdom*).

¹⁶³ Тот же самый подход был позднее подтвержден в деле ADT против Соединенного Королевства (*ADT v. the United Kingdom*).

Защита прав и свобод третьих лиц

Такая цель формулируется чрезвычайно широко и охватывает большой диапазон ситуаций. Во многих случаях принималось открытое толкование, благодаря которому различные – потенциально не всегда четко определенные – ограничения получали обоснование. Показательно в этом смысле дело *Чаннел (Chappell)*, в котором Суд расширил ограничения, содержащиеся в пункте 2, на защиту прав интеллектуальной собственности. Защита прав и свобод третьих лиц также успешно применялась для обоснования решения отделить детей от родителей¹⁶⁴. В частности, Суд принял формулу «наилучшее обеспечение интересов ребенка» в качестве ключевого элемента своих решений, даже если такое выражение и не присутствует в тексте Статьи 8.

Критерий необходимости

Правомерность и наличие законной цели вмешательства не гарантируют его соответствия ограничительным условиям Статьи 8. Принятая мера должна также пройти проверку на необходимость, подразумевающую многосторонний анализ. Термин «необходимость», использованный в Конвенции, резюмирует коллизию, возникающую между отдельной личностью и обществом. При оценке требования необходимости, которое неизбежно подразумевает проверку на соразмерность, Суд может также расширить сферу своего внимания за рамки рассматриваемого права, распространив свою

---

¹⁶⁴ Маргарета и Роджер Андерссон против Швеции (*Margareta and Roger Andersson v. Sweden*).

оценку и на демократический характер самого государства-ответчика, определяемый по целому ряду показателей, таких как плюрализм, терпимость, либеральность, равенство, свобода, право на справедливый суд, свобода выражения мнения, собраний и вероисповедания¹⁶⁵. Что же касается термина «необходимость», Суд, как обычно, не пришел к четкому определению: вместо него используется сложное и сбалансированное понятие, в котором необходимость не синонимична обязательности, при этом она и не имеет той же гибкости значения, как у выражений «разумный», «полезный» или «желательный»¹⁶⁶. Взгляд на практику Суда показывает, что чем важнее права в схеме Конвенции, тем более убедительные причины требуются для обоснования ограничения таких прав. Период времени также является переменной, принимаемой во внимание при определении необходимости. В деле *Луордо против Италлии (Luordo v. Italy)* Суд признал, что через четырнадцать лет баланс между общим интересом получения выплаты кредитором банкрота и правом заявителя на корреспонденцию был нарушен, по причине чего необходимость подвергать отсылаемую им корреспонденцию контролю со стороны арбитражного управляющего уже отсутствовала. Хотя в субсидиарной системе, устанавливаемой Конвенцией, государства-участники имеют различную свободу усмотрения относительно средств достижения своих целей, в конечном итоге именно Суд оценивает, соответствует ли вмешательство насущной общественной потребности и соразмерно ли оно преследуемой законной цели и соответствующей социальной необходимости.

---

¹⁶⁵ Партия Рефах (Партия благоденствия) против Турции (*Refah Partisi (the Welfare Party) v. Turkey*).

¹⁶⁶ Хендисайд против Соединенного Королевства (*Handyside v. the United Kingdom*).

Пропорциональность и пределы усмотрения

Доктрина свободы усмотрения включает в себя и принцип пропорциональности. Первое, однако, шире последнего, представляя собой «круг ведения», внутри которого возможны разные уровни судебного контроля. Такие уровни варьируются от «разумности контроля»¹⁶⁷, при котором достаточно, чтобы национальный регулирующий орган продемонстрировал разумность принятия оспариваемого законодательства, до уровня более пристального рассмотрения, при котором для обоснования принятых в государстве мер необходимо показать наличие «веских государственных интересов» или «весомых причин»¹⁶⁸. Широта национального регулирования зависит как от Европейского Суда, так и от национальных судебных инстанций. Со стороны Суда понимание свободы усмотрения лежит в основе субсидиарной системы Конвенции, согласно которой Договаривающиеся стороны обычно находятся в наилучшем положении для оценки необходимости и пропорциональности некоторых мер в соответствующем культурном и социально-экономическом контексте, особенно когда дело доходит до спорных вопросов нравственности или местного экономического развития¹⁶⁹. При отсутствии между государствами-членами Совета Европы консенсуса или при относительной важности рассматриваемого интереса, особенно если дело затрагивает щекотливые мо-

---

¹⁶⁷ Расмуссен против Дании (*Rasmussen v. Denmark*).

¹⁶⁸ Абдулазиз, Кабалес и Балкандали против Соединенного Королевства (*Abdulaziz, Cabales and Balkandali v. the United Kingdom*).

¹⁶⁹ Хендисайд против Соединенного Королевства (*Handyside v. the United Kingdom*); Риз против Соединенного Королевства (*Rees v. the United Kingdom*).

ральные или этические вопросы, пределы усмотрения становятся шире, в то время как, если наличие нормативных целей или политика воспринимаются как «общее» или «европейское», пределы усмотрения сужаются. В большинстве случаев при пользовании свободой усмотрения от государств требуется нахождение баланса между противостоящими частными/общественными интересами и правами, вытекающими из Конвенции.

Поскольку соразмерность является составной частью требования необходимости и свободы усмотрения, любое вмешательство в защищаемые Статьей 8 права будет рассматриваться на этом основании. В принципе, оно не будет считаться непропорциональным, если его применение и результаты имеют ограниченный характер, а в национальном законодательстве предусмотрены гарантии для отдельного человека от произвола¹⁷⁰. В деле *Эрнст и другие (Ernst and others)*¹⁷¹ содержится интересный пример решения, основанного на принципе пропорциональности. Данное дело касалось четырех журналистов, чьи жилища и рабочие кабинеты подверглись обыску в связи с подозрением о раскрытии прессе конфиденциальной информации со стороны судебных работников. В отношении ордеров на обыск Суд отметил, что они были составлены с использованием широких терминов («обыскать и изъять любые документы или предметы, которые могут помочь в расследовании») и не предоставляли информацию о самом расследовании, помещениях, подвергаемых обыску, или предметах, подлежащих изъятию. Кроме того, заявители, которым не были предъявлены обвинения в

---

¹⁷⁰ М.С. против Швеции (*M.S. v Sweden*).

¹⁷¹ Эрнст и другие против Бельгии (*Ernst and others v. Belgium*).

каком-либо преступлении, не были уведомлены о причинах обыска, поэтому эти обыски нельзя было считать пропорциональными законным преследуемым целям.

Если перед Судом поднимали новые моральные или этические вопросы, он с готовностью предоставлял государству-ответчику большую свободу усмотрения. В деле *Эванс (Evans)*, рассмотренном ранее, свобода усмотрения толковалась настолько широко, что вообще исключала нарушение Конвенции. И наоборот, исключительно широкая законодательная схема, принятая Соединенным Королевством в отношении сбора и хранения данных ДНК и оспоренная в деле *S. и Марпер (S. and Marper)*, была признана выходящей за пределы усмотрения, предоставленные государству, являясь нарушением. В деле *Элли Полухас Додзбо (Elli Poluhas Dödsbo)* Суд сделал вывод о том, что, отказав заявительнице в разрешении переместить останки супруга к месту захоронения ее семьи на основании понятия «упокоения с миром», содержащегося в законодательстве, национальные власти действовали в широких пределах усмотрения, предоставленных им для обеспечения баланса интересов отдельной личности и роли общества в обеспечении неприкосновенности могил. Пределы усмотрения сильно зависят от рассматриваемых интересов: чем больше фундаментальных ценностей и существенных аспектов частной жизни они затрагивают, тем менее Суд склонен признавать широкие пределы усмотрения.

Практическое применение доктрины свободы усмотрения

Ниже представлен неисчерпывающий обзор способов толкования и применения свободы усмотрения Судом в целом ряде существенных проблемных сфер, представлявших его вниманию.

Вмешательство в частную и семейную жизнь заключенного

Суд согласен с тем, что необходима определенная степень контроля над контактами заключенного с внешним миром, какие бы формы они не принимали. Таким образом, вмешательство в этой связи не означает автоматического нарушения Конвенции. Тем не менее, статус человека не может служить основанием для полного пренебрежения фундаментальными правами, а между конфликтующими интересами должен быть установлен надлежащий баланс. В деле *Диксон (Dickson)* ограничения на доступ заключенного к процедуре искусственного оплодотворения были сочтены необоснованным ограничением интереса заявителя в рождении ребенка. В отношении же контактов с семьей Суд всегда соотносил любое проявление цензуры с объективными факторами, отражающими соразмерность принимаемой меры: совершенное преступление¹⁷², степень вмешательства¹⁷³, важность рассматриваемых вопросов для конкретного заключенного¹⁷⁴. В этом отношении высокая степень приоритета предоставляется праву заключенного на общение с адвокатом как особому аспекту права на защиту, которое может быть ограничено только в исключительных случаях¹⁷⁵. Те же положения относятся к переписке с врачом в контексте наличия у заключенного угрожающего его жизни забо-

---

¹⁷² Мессина № 2 против Италии (*Messina (No. 2) v. Italy.*).

¹⁷³ Янкаускас против Литвы (*Jankauskas v. Lithuania*) о распространенной цензуре корреспонденции заключенных.

¹⁷⁴ Плоски против Польши (*Ploski v. Poland*). Нарушение Конвенции вытекало из отказа предоставить заявителю временное разрешение присутствовать на похоронах его родителей.

¹⁷⁵ Эрдем против Германии (*Erdem v. Germany*), где Суд признал, что в отношении антитеррористических мер государства наделяют себя широкой свободой усмотрения.

левания, если точный адрес, квалификация и *bona fides* указанного профессионала не подвергаются сомнению¹⁷⁶. Логистические проблемы, связанные с обработкой неограниченного количества посылок в большом исправительном учреждении и приведшие к ограничению на получение посылок каждую шестую неделю, были сочтены устанавливающими надлежащий баланс между защитой безопасности и уважением прав заключенных на общение с внешним миром, а значит, соответствующими требованиям Статьи 8¹⁷⁷.

Вмешательство в осуществление права на изображение и репутацию

При проверке необходимости и соразмерности фотографирования со стороны органов власти особый вес придается частной или общественной роли личности или ситуации и тому, как их используют, как произошло в деле *Фридль (Friedl)*, касавшемся законности фотографий, сделанных во время публичной демонстрации. Хранящиеся у государственных властей фотографии могут быть показаны третьей стороне только для проведения расследования¹⁷⁸. Ненадлежащее раскрытие СМИ материалов, относящихся к частной жизни заявителя, стало предметом рассмотрения в деле *Кракси (Craxi)* в контексте прослушивания телефонных разговоров. Публикация, показ по телевидению или иные

---

¹⁷⁶ Сулук против Соединенного Королевства (*Szuluk v. The United Kingdom*).

¹⁷⁷ Полторацкий, Кузнецов, Назаренко, Данкевич, Алиев, Хохлич, все дела против Украины (*Poltoratskiy, Kuznetsov, Nazarenko, Dankevich, Aliev, Khokhlich, all v. Ukraine*).

¹⁷⁸ Доорсон против Нидерландов (*Doorson v. the Netherlands*).

формы распространения могут быть приемлемы, если ставший объектом съёмки человек дает на это свое согласие или же его лицо закрыто маской¹⁷⁹. Суд изучает дела тщательнее, если они касаются деликатных данных, таких как история болезни, поскольку их конфиденциальность является существенным аспектом права пациента на частную жизнь. Их незаконное разглашение во время судебного процесса, таким образом, нарушает Статью 8¹⁸⁰.

В деле *Петрина (Petrina)* Суду было необходимо рассмотреть дело, в котором национальные суды поставили свободу выражения мнения выше репутации заявителя. Жалоба была подана политиком, которого журналист-сатирик обвинил в сотрудничестве с бывшей службой государственной безопасности Секуритате. Эти утверждения нашли новое развитие в статьях, опубликованных в одной сатирической газете. Национальные суды оправдали журналистов, ответственных за публикации, на основании того, что их замечания носили «общий и неопределенный характер». Гражданские иски заявителя были также отвергнуты. Суд пришел к выводу о том, что предмет рассматриваемого спора, то есть принятие законодательства, допускающего разглашение имен лиц, ранее сотрудничавших с Секуритате, что получило широкую огласку в средствах массовой информации и вызвало живейший интерес среди населения, был очень важен для румынского общества. Сотрудничество политиков с Секуритате было очень щекотливым социальным и моральным вопросом в истории Румынии. Тем не менее, несмотря на сатирический характер газеты, опубликованные в ней статьи не могли не порочить заявителя, поскольку не имелось доказательств того, что он когда-либо входил в эту органи-

---

¹⁷⁹ Пэк против Соединенного Королевства (*Peck v. The United Kingdom*).

¹⁸⁰ L.L. против Франции (*L.L. v. France*).

зацию (и на самом деле, на более позднем этапе было доказано, что он никогда не сотрудничал с Секуритате). Поскольку смысл статей был ясным и недвусмысленным, и в их содержании не было никакой иронии или юмора, а следовательно, и «степени преувеличения» или «провокации», разрешённые журналистам в контексте свободы печати, Суд постановил, что статьи давали искаженное представление о реальности без фактической основы. Обвинив заявителя в принадлежности к группе, прибегавшей к репрессиям и террору в интересах старого режима как к инструменту политической полиции, в ситуации отсутствия законодательной базы, позволявшей публичный доступ к материалам Секуритате, Суд признал, что внутренние суды позволили журналистам перейти границы дозволенного.

В отношении отказа в выдаче документов, удостоверяющих личность

Единогласным решением Палаты Суда было признано, что отказ властей Швейцарии выдать новый паспорт гражданину Швейцарии, проживающему в Таиланде, с целью обязать его вернуться в Швейцарию для проведения уголовного расследования, не нарушил права заявителя по Статье 8 в деле *M. против Швейцарии (M. v. Switzerland)*. Заявитель, проживающий в Таиланде в течение нескольких лет со своей таиландской партнершей и их тремя детьми, обратился в посольство Швейцарии с просьбой продлить его паспорт для женитьбы и регистрации детей, чтобы затребовать пособия на детей в дополнение к своей пенсии по инвалидности и лечь в больницу на операцию. Поскольку в Швейцарии против него было возбуждено уголовное дело по обвинению в мошенничестве, заявителю отказали в продлении паспорта. Вместо этого ему предложили «разрешение на въезд», позволявшее ему вернуться в Швейцарию напрямую. Принимая решение о «необходимости» такого

вмешательства и его пропорциональности, Суд заметил, что, отказавшись возвращаться в Швейцарию, заявитель намеренно уклонился от преследования. Хотя государствам предоставлена большая свобода усмотрения при принятии решения о преследовании подозреваемого в совершении преступления и выборе мер расследования и преследования, Суд счел, что власти Швейцарии представили причины в обоснование принятых ими решений, объяснив, почему присутствие г-на М. в Швейцарии было необходимо для надлежащего ведения уголовного процесса, и продемонстрировали с помощью соответствующих аргументов, что медицинские справки, представленные г-ном М., не содержали убедительных доводов его неспособности вернуться в Швейцарию тем или иным способом. Кроме того, Суд отметил, что действия швейцарских властей были менее жесткими, чем другие шаги, которые они могли бы предпринять, чтобы заставить г-на М. сотрудничать с уголовным следствием, например, выдав международный ордер на арест с просьбой об экстрадиции, результатом чего вполне могло бы стать взятие под стражу в Таиланде на некоторое время. С учетом важности (в общественных интересах) судебного преследования преступников и в свете подробно обоснованных решений швейцарского правительства Суд постановил, что в свете Статьи 8 был соблюден справедливый баланс.

При передаче детей под опеку государства

Свобода усмотрения, которой пользуются государства при защите детей, исторически была довольно большой. Еще раз отметим, что причиной этого является сложность и деликатность таких ситуаций, для разрешения которых национальные власти зачастую находятся в лучшем положении¹⁸¹. Страс-

---

¹⁸¹ Скоццари и Джунта против Италии (*Scozzari and Giunta v. Italy*), (БП).

бургскому Суду часто приходилось рассматривать дела, касающиеся исполнения постановлений об опеке и процессуальных гарантиях соответствующим лицам. По мнению Суда, такие меры должны восприниматься как временные решения и соответствовать конечной цели воссоединения биологических родителей и ребенка¹⁸². С этой точки зрения, государства обязаны предпринимать частые проверки условий содержания ребенка, находящегося под опекой государства, чтобы обновить результаты оценки ситуации в семье¹⁸³. Конечная цель воссоединения семьи подразумевает, что любые ограничения на контакты и общение между членами семьи должны очень серьезно обосновываться¹⁸⁴. Жесткие ограничения оправданы только тогда, когда они мотивированы насущной потребностью в наилучшем обеспечении интересов ребенка¹⁸⁵.

При определении пропорциональности ограничений на аборт

Дело *A, B и C против Ирландии (A, B and C v. Ireland)* предлагает интересный взгляд на проверку пропорциональности и пределов усмотрения, применяемых в деле об аборте. Учитывая большую

---

¹⁸² Олссон против Швеции (*Olsson v. Sweden*).

¹⁸³ К.А. против Финляндии (*K.A. v. Finland*).

¹⁸⁴ Кутцнер против Германии (*Kutzner v. Germany*).

¹⁸⁵ Ньяоре против Франции (*Gnahoré v. France*).

деликатность моральных и этических вопросов, поднимаемых в связи с проблемой аборта, и общественную важность этой проблемы, Большая Палата признала, что государства-участники пользуются большой свободой усмотрения при установлении баланса между общественными интересами, в частности, защитой права нерожденных детей на жизнь, гарантированной законами Ирландии, и входящими в противоречие с ней правами первой и второй заявительниц на частную жизнь по Статье 8 Конвенции. Существование консенсуса в странах Европы по вопросу разрешения аборт на более широких основаниях, чем это обеспечивается ирландским законодательством (согласно которому для производства аборта требуется продемонстрировать опасность для жизни матери, включая суицид), не было признано основанием для сужения пределов усмотрения, хотя Суд заметил, что первая заявительница могла бы сделать аборт по причине проблем со здоровьем и благосостоянием примерно в 40 странах-участницах Конвенции, а вторая заявительница смогла бы сделать аборт на основании проблем с благосостоянием примерно в 35 странах-участницах. Придя к такому заключению, Суд сначала сослался на свои доводы по делу *Во против Франции (Vo v. France)*, согласно которым вопрос, где начинается жизнь, подпадает под свободу усмотрения государств в связи с отсутствием общеевропейского согласия о научном и юридическом определении начала жизни, а кроме того, невозможно ответить на вопрос, являлся ли нерожденный ребенок «лицом» согласно определению Статьи 2.

Права утробного плода и его матери тесно переплетены: защищая права нерожденных детей, государства должны также применять свою свободу усмотрения и к конкурирующим правам матери. Согласно мнению большинства членов Суда из этого следует, что, даже если национальные законы, на которые ссылались, ясно указывают на то, что большинство стран-участниц разрешило конфликт прав и интересов в своем законодательстве в пользу большего законного доступа к производству

абортов, такой консенсус не может быть решающим фактором при рассмотрении Судом вопроса о том, устанавливает ли оспариваемое запрещение аборт в Ирландии по причине охраны здоровья и благосостояния справедливый баланс между конфликтующими правами и интересами, не говоря уже об эволюционирующем толковании Конвенции. Учитывая право на законный выезд за границу для производства аборта и доступ к соответствующей информации и медицинскому обслуживанию в Ирландии, Суд не нашел, что запрещение аборт в Ирландии по причине охраны здоровья и благосостояния, само по себе коренящееся в глубоких моральных убеждениях ирландского народа о сущности жизни, и вытекающая из них необходимость защиты права нерожденного ребенка на жизнь, превышало пределы усмотрения, предоставленные ирландскому государству.

Третья заявительница пожаловалась на отсутствие законодательной регламентации ее конституционного права, а именно введения процедуры, с помощью которой она могла бы установить, подходит ли она для законного аборта на территории Ирландии по причине риска для ее жизни во время беременности. Суд заключил, что неясность, происходящая вследствие отсутствия законодательного развития положений Конституции, привела к возникновению разительного несоответствия между теоретическим правом на законный аборт в Ирландии на основании подтвержденного риска для жизни женщины и реальностью его практического применения, что привело к нарушению Статьи 8.

В отношении экстракорпорального оплодотворения

В деле *S.H. и другие против Австрии (S.H. and others v. Austria)* сначала одна из Палат Суда, а затем и Большая Палата столкнулись с ограничениями потенциальных родителей на доступ к технологиям

экстракорпорального оплодотворения. Заявление было подано двумя гражданами Австрии, желавшими прибегнуть к экстракорпоральному оплодотворению, используя донорскую яйцеклетку и донорскую сперму. Согласно соответствующему закону такое донорство запрещено при любых обстоятельствах, в то время как донорство спермы разрешено с её последующим прямым введением в матку женщины (искусственное оплодотворение *in vivo*). В 2010 г. постановление Палаты установило нарушение Статьи 14 в совокупности со Статьей 8. В 2011 г. Большая Палата приняла обратное решение 13 голосами против 4. Существенную часть вынесенного постановления занимает определение пределов усмотрения, которыми государства пользуются при регулировании вопросов искусственного оплодотворения. Суд постановил, что, в то время как имеется четкая тенденция в законодательствах государств-членов Совета Европы к разрешению донорства половых клеток для экстракорпорального оплодотворения, нельзя утверждать, что такой зарождающийся консенсус основан на устоявшихся принципах. Он скорее отражает стадию развития внутри особенно динамичной сферы законодательства, которая не распространяется на свободу усмотрения. Это еще более справедливо с учетом того, что экстракорпоральное оплодотворение все еще остается деликатным нравственным вопросом в австрийском обществе. Поддерживая такое толкование проблемы, Суд также отметил, что все соответствующие законодательные документы на европейском уровне либо ничего не говорят о донорстве яйцеклетки, либо (как в случае с Директивой Европейского Союза о стандартах безопасности при донорстве человеческих клеток) намеренно отдают право принятия решения об использовании зародышевых клеток соответствующему государству.

Оценивая, с одной стороны, решение государства о предоставлении доступа к оплодотворению с медицинской помощью, а с другой, беспокойство среди многих слоёв общества относительно роли и возможностей современной репродуктивной медицины, Суд отметил, что Австрия не наложила

окончательного запрета на искусственное оплодотворение: рассматриваемые процедуры по отдельности были на самом деле разрешены австрийским законодательством и не препятствовали парам, желающим получить доступ к методам, не принятым в ее правовой системе, уехать за границу и получить там другие виды лечения от бесплодия. Даже тот факт, что, запрещая использование донорской спермы или яйцеклетки для экстракорпорального оплодотворения, Австрия разрешает использование донорской спермы для искусственного оплодотворения *in vivo*, свидетельствовал о ее широком подходе к данному вопросу, стремлении примирить социальную реальность с принципиальным подходом. Наконец, Суд принял во внимание аргументы общественного интереса, к которым прибегла Австрия, принимая решение запретить донорство спермы и яйцеклетки для экстракорпорального оплодотворения:

- ❖ защита женщин, поскольку донорство яйцеклетки может привести к проблематичным ситуациям, таким как эксплуатация и унижение женщин, особенно из экономически неразвитых стран;
- ❖ разделенное материнство, поскольку экстракорпоральное оплодотворение могло привести к возникновению необычных отношений, в которых общественные обстоятельства отличались бы от биологических, а именно разделение материнства на биологический аспект и аспект «вынашивания ребенка», а, возможно, также и на социальный аспект;
- ❖ благосостояние детей и необходимость предотвращать селективное воспроизводство.

В заключение:

«Суд напоминает, что Конвенция всегда толковалась и применялась в свете текущих обстоятельств [...]. Даже не находя нарушения Статьи 8 в данном случае, Суд считает, что данная сфера, в которой законодательство постоянно развивается и которая подвержена особенно динамичному

развитию в научном и юридическом аспекте, должна оставаться под постоянным контролем государств-участников Конвенции».

В отношении мер скрытого наблюдения

Полномочия осуществлять скрытое наблюдение за гражданами допускается Конвенцией только в той мере, в какой они действуют для обеспечения охраны демократических институтов. Суд согласен с тем, что наблюдение за почтой, корреспонденцией и коммуникациями является в исключительных условиях необходимым в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и/или для предотвращения преступлений. Для обеспечения соответствия Конвенции, тем не менее, такие меры должны дополняться действенными гарантиями от злоупотреблений. Хотя государства пользуются большой свободой усмотрения в отношении используемой системы, ее функционирование изучается. Гарантии, необходимые для обеспечения соответствия Статье 8, могут различаться в зависимости от обстоятельств дела, а именно от характера, масштаба и длительности возможных мер; от оснований, необходимых для принятия таких мер органами власти, в чью компетенцию входит разрешение, осуществление и контроль таких мер; и от вида судебной защиты, обеспечиваемой национальным законодательством. В деле *Класс (Klass)* Суду пришлось решать, нарушило ли германское законодательство, разрешающее перлюстрацию писем и прослушивание переговоров для обеспечения национальной безопасности и предотвращения беспорядков и преступлений, права заявителя в части отсутствия адекватных гарантий против возможного злоупотребления. В отношении необходимых мер защиты Суд, подчеркнув принципиальную желательность судебного контроля над наблюдением, признал, что несудебный надзорный контроль, который уполномочен осуществлять Парламентский совет и Комиссия, назначенная Советом, предоставлял достаточные гарантии от

злоупотреблений. Такое решение было принято потому, что Суд согласился с тем, что оба органа не зависели от властных структур, производящих наблюдение, и обладали достаточными полномочиями для осуществления эффективного постоянного контроля. Таким образом, Суд постановил, что с учетом технического прогресса в области методов шпионажа и наблюдения, а также в связи с развитием терроризма в Европе, немецкая система контроля скрытого наблюдения отвечала требованиям Статьи 8 Конвенции.

В отношении права знать свое происхождение

Право знать свое происхождение должно соотноситься с правовой презумпцией отцовства с учетом биологических доказательств. В деле *Мицци против Мальты (Mizzi v. Malta)* Европейский Суд постановил, что невозможность для заявителя возобновить судебное разбирательство об оспаривании отцовства по окончании 6-месячного периода (право, приобретенное заявителем спустя значительное время после рождения ребёнка в результате внесения законодательной поправки), представляет собой чрезмерно радикальное ограничение и не является «необходимым в демократическом обществе». Суд постановил, что потенциальный интерес Y (дочери заявителя) в получении удовлетворения от «социальной действительности» не может ущемлять законное право заявителя хотя бы один раз использовать возможность отказа от отцовства согласно представленным им научным подтверждениям, что он не является отцом этого ребёнка. Европейский Суд счел, что тот факт, что заявителю не было предоставлено ни одной возможности отказаться от отцовства, был несоразмерен преследуемым законным целям. Справедливого баланса между общим интересом в отношении защиты правовой определенности семейных отношений и интересом заявителя установлено не было. В

деле *Микулич против Хорватии (Mikulić v. Croatia)* Суд подчеркнул, что для принятия решения по делу об установлении отцовства национальные власти должны были принимать во внимание основной принцип защиты интересов ребенка. Национальная процедура, доступная заявительнице, не позволяла достичь справедливого баланса между правом заявителя в разумный срок установить личность ее биологического отца и правом ее предполагаемого отца отказаться от прохождения ДНК-теста, в результате чего заявительница в течение продолжительного времени была вынуждена пребывать в состоянии неопределенности относительно собственной личности.

В деле *Одиевр против Франции (Odièvre)* Европейскому Суду было предложено внимательно изучить правила сохранения конфиденциальности при рождении, которые воспрепятствовали заявительнице, переданной под опеку государства матерью, пожелавшей остаться неизвестной, получить доступ к информации о родной семье. Узнав о существовании родных братьев, заявительница обратилась за разрешением на разглашение конфиденциальной информации о своём рождении и на получение копий любых документов, записей регистрации актов гражданского состояния или полного свидетельства о рождении. Она не смогла получить никакой информации, так как, в соответствии с национальным законодательством, подобное обращение считается неправомерным, если вопрос конфиденциальности был соответствующим образом согласован с биологической матерью при рождении ребенка.

Суд, впервые столкнувшись с жалобой подобного рода, должен был примирить целый ряд конфликтующих интересов. При рассмотрении жалобы Суд указал на то, что, хотя законодательства в большинстве государств-участников Конвенции и отличаются от законодательства, при-

меняемого во Франции, согласно которому при условии желания биологической матери сохранить в тайне информацию о собственной личности при рождении ребенка, ей предоставляется право не устанавливать родственные связи с ребенком, в некоторых странах биологические родители не обязаны сообщать сведения о себе при рождении детей, и что бывали случаи отказа от детей во многих других странах, которые порождали споры о праве на сохранение анонимности родителей при рождении ребёнка. Учитывая разнообразие применяемой правовой практики в различных законодательных системах и традициях, а также то обстоятельство, что родители продолжают отказываться от детей, Суд пришел к выводу о том, что государства должны располагать свободой усмотрения при определении мер, необходимых для обеспечения прав, гарантированных Конвенцией. Суд также отметил, что ходатайство заявительницы не было полностью проигнорировано, так как она получила доступ к сведениям о своей матери, не позволявшим ее идентифицировать, и о родной семье, которые дали ей возможность проследить некоторые свои семейные корни и одновременно обеспечили защиту интересов третьих лиц. Наконец, что не менее важно, необходимо принять во внимание, что национальное законодательство, сохраняя принцип, согласно которому матери имеют право рожать анонимно, способствовало также организации поиска информации о биологическом происхождении лиц путем принятия закона об учреждении Национального совета по вопросам доступа к информации о личном происхождении, где заявительница могла запросить раскрытие личности своей матери при условии согласия последней. Суд, таким образом, был удовлетворен тем, что французское законодательство стремится установить справедливый баланс и обеспечить примирение конфликтующих интересов. На этих основаниях Суд постановил, что нарушения Статьи 8 не было и власти Франции не преступили пределы усмотрения, которые ей необходимо было соблюсти

при рассмотрении столь сложного и деликатного вопроса, как вопрос о доступе к информации о своем происхождении, который затрагивает право человека знать свою личную историю, биологических родителей, существующие семейные связи и приемных родителей.

В отношении права на усыновление

В деле *Негрепонтис-Гианнисис против Греции (Negrepontis-Giannisis v. Greece)* Европейский Суд подверг критике выход за пределы усмотрения, допущенный властями Греции, при отказе признать полное усыновление совершеннолетнего ребенка его дядей на основании религиозного статуса последнего. Суд констатировал нарушение Статьи 8 Конвенции, указав на то, что тексты правовых документов, на которые опиралась в своем решении судебная коллегия кассационной инстанции при отказе в рассмотрении ходатайства, имели отношение к церковному праву и датировались VII и IX веками. Монахи в Греции, однако, получили разрешение вступать в брак с 1982 г., и в законодательстве страны нет запрета на усыновление ими детей. В рассматриваемом случае решение суда об усыновлении было получено в 1984 г., когда заявитель уже достиг совершеннолетия. Решение было действительно в течение 24 лет, а приемный отец выразил свое желание иметь законного сына, который впоследствии унаследовал бы его имущество. По мнению Европейского Суда отказ в исполнении вынесенного в пользу заявителя решения в Греции не продиктован никакой насущной общественной потребностью, а также не соответствует преследуемой законной цели.

В отношении использования персональных данных

Внесение персональных данных о лице в национальную базу данных о правонарушителях как таковое не противоречит Конвенции, даже если данные подвергаются автоматизированной обработке и используются в полицейских расследованиях. В деле *Гардель против Франции (Gardel)* Суд не ставит под вопрос превентивные цели базы данных о лицах, совершивших преступления против половой неприкосновенности, и содержащей сведения о заявителе в связи с тем, что он был осужден на 15 лет за изнасилование несовершеннолетней, поскольку реализация этих целей позволяет государству выполнять обязательства по полноценной защите наиболее уязвимых групп населения от особо порицаемых форм преступных деяний. Длительность хранения данных была признана соответствующей законной цели с учетом того, что заявитель имел реальную возможность подать ходатайство об удалении данных, а пользоваться базой данных могут лишь органы, связанные обязательствами хранить сведения в конфиденциальности, в точно определенных условиях, поэтому Суд единогласно постановил, что в данном вопросе был установлен справедливый баланс между частными и общественными интересами, и, таким образом, не усмотрел нарушения Статьи 8 Конвенции.

Большая Палата Европейского Суда единогласно решила, что в деле *S. и Марпер против Соединенного Королевства* государству-ответчику не удалось установить справедливый баланс и пределы усмотрения при этом были нарушены. В постановлении по данному делу внимание Суда было сосредоточено на критерии «необходимости» как составляющего компонента свободы усмотрения. После сравнительного анализа юрисдикций государств-членов Совета Ев-

ропы, Суд отметил, что Англия, Уэльс и Северная Ирландия – единственные участники, позволяющие бессрочное хранение отпечатков пальцев, образцов тканей и данных ДНК любого подозреваемого (но не осужденного) лица любого возраста при любом регистрируемом преступлении. Поскольку защита по Статье 8 недопустимо ослабнет, если использование новейших научных достижений в системе уголовного правосудия будет производиться без малейших ограничений и без тщательного уравнивания потенциальных выгод интенсивного использования этих достижений и принципиальных интересов неприкосновенности частной жизни, Европейский Суд счел, что любое государство, претендующее на роль первопроходца в развитии новых технологий, несет особую ответственность за установление справедливого баланса в данной области. Суд был поражён всеобщим и не предполагающим разграничения правом хранения данных независимо от особенностей и тяжести преступления или возраста преступника. Не было временного ограничения, и допускались лишь считанные возможности удалить или уничтожить свои данные в случае оправдательного приговора. Судьи Страсбургского Суда также исследовали соответствие рассматриваемой меры принципу презумпции невиновности: хотя хранение персональных данных заявителей нельзя приравнивать к проявлению сомнений, всё же возникающее у заявителей ощущение, что их не рассматривают как невиновных, усугублялось тем, что их данные хранятся бессрочно, так же, как данные осужденных. Это было расценено как особенно тревожное обстоятельство в случае с несовершеннолетними (как, например, первая заявительница), учитывая их особое положение, важность их развития и интеграции в общество. Следовательно, особое внимание должно быть уделено защите несовершеннолетних от любого ущерба, который может быть им причинен самим фактом, что власти хранят их персональные данные после снятия с них уголовного обвинения. Совокупный эффект вышеупомянутых причин привёл Суд к выводу о том, что хранение материалов, о которых идет

речь, представляет собой несоразмерное вмешательство государства в осуществление заявителями права на уважение их частной жизни и не может считаться необходимым в демократическом обществе.

В отношении трудовой занятости

В 2010 г. Суду пришлось столкнуться с рядом дел об увольнении граждан с работы по причинам, связанным с их частной жизнью. Так, в деле *Обст против Германии (Obst)* заявитель занимал должность директора по связям с общественностью в европейском отделении мормонской церкви, в деле *Шют против Германии (Schüth v. Germany)* заявитель был органистом и хормейстером в католическом приходе, а в деле *Озпынар против Турции (Özpinar v. Turkey)* заявительница занимала должность судьи. В первых двух случаях заявители были уволены по причине супружеской измены, а в последнем – решение об увольнении основывалось на соображениях личного и профессионального характера (заявительницу обвиняли в близких отношениях с адвокатом, клиенты которого предположительно получали выгоду от решений, вынесенных в их пользу; в неоднократных опозданиях на работу и не соответствующих должности одежде и макияже). Решения по всем делам были основаны на принципе пропорциональности и установлении справедливого баланса между правом заявителей на уважение частной жизни в соответствии со Статьей 8 с одной стороны, и правами католической и мормонской церквей в соответствии с Конвенцией с другой.

В обоих случаях Федеральный суд по трудовым спорам установил, что требования в отношении супружеской верности со стороны мормонской и католической церквей, соответственно, не

вступали в противоречие с основополагающими принципами правопорядка. Что касается г-на Обста, который по собственной инициативе поставил церковь в известность о совершенной им супружеской измене, Суд согласился с решением национального суда о том, что его увольнение представляло собой необходимую меру, направленную на сохранение доверия к церкви, с учетом, в частности, характера должности, которую он занимал. Тот факт, что после тщательной оценки обстоятельств дела, немецкий суд отдал предпочтение интересам мормонской церкви, сам по себе не вызывает возражений с точки зрения Конвенции. Вывод о том, что на г-на Обста не были возложены неприемлемые обязанности, представляется вполне разумным. Будучи воспитанным в мормонской вере, при подписании трудового договора он осознавал или должен был понимать важность супружеской верности для его работодателя и несовместимость внебрачных связей с лояльностью по отношению к церкви, обусловленной его должностью директора департамента общественных связей в европейском отделении церкви. В отношении г-на Шюта Суд, напротив, отметил, что национальные власти ограничились указанием на то, что, хотя он не относился к категории работников, которые подлежат увольнению в случае серьезного проступка, как, например, наставники или руководящие работники, его функции все же были настолько тесно связаны с публичной деятельностью католической церкви, что приход не мог сохранять с ним трудовые отношения, не опасаясь полностью утратить доверие. Кроме того, фактическая семейная жизнь г-на Шюта или ее правовая защита никак не были упомянуты. Суд счел, что интересы церковного работодателя, таким образом, были сопоставлены не с правом заявителя на уважение его частной и семейной жизни, но лишь с его интересом в сохранении своей должности. Хотя Суд признал, что, подписывая трудовой договор, заявитель принимал на себя обязательство лояльности по отношению к католической церкви, которая в определенной степени ограничивала его право на уважение частной жизни, тем не менее, его подпись в до-

говоре не могла быть истолкована как недвусмысленное личное обязательство воздержания в случае раздельного проживания или развода. Немецкие суды по трудовым делам почти не приняли во внимание тот факт, что дело заявителя не освещалось в прессе, что после 14 лет работы в приходе заявитель, по-видимому, не оспаривал позицию католической церкви в его деле. Тот факт, что служащий, уволенный церковным работодателем, был ограничен в возможности найти иную работу, имел особое значение, тем более в данном случае, когда у служащего имелась особая квалификация, осложнявшая или делавшая невозможным поиск работы вне церкви. Заявитель теперь работал в протестантском приходе и лишь на часть ставки. В этой связи Суд отметил, что по положению протестантской церкви в отношении церковных музыкантов, лица, не являющиеся членами данной церкви, имеют право работать в ней лишь в исключительных случаях и только в качестве совместителей. С учетом вышеизложенного, Суд единогласно постановил, что власти Германии не установили справедливого баланса между правами заявителя и церковного работодателя способом, совместимым с Конвенцией.

В деле г-жи Озпынар решение об увольнении было принято в ситуации, когда ее репутация также находилась под угрозой. Несмотря на то, что вмешательство (в виде увольнения, а не критики в отношении ее поведения в качестве судьи), пожалуй, имело законную цель в связи с обязанностью судьи проявлять сдержанность в целях сохранения независимости и авторитета выносимых решений, Суд счел, что последовавшее расследование не подтвердило выдвинутых против заявителя обвинений и, кроме того, приняло во внимание ряд действий, которые не были связаны с ее профессиональной деятельностью. Заявительница пользовалась недостаточными гарантиями в разбирательстве против нее. Такие гарантии были тем более важны, что после прекращения ее

полномочий она автоматически теряла право на осуществление юридической практики. Поскольку г-жа Озпынар была вызвана на заседание дисциплинарного органа с большим опозданием и не получила заблаговременно отчеты о проверке, и не была ознакомлена с показаниями свидетелей, Суд постановил, что вмешательство в частную жизнь заявительницы не было соразмерно преследовавшейся законной цели.

В отношении защиты частной жизни

В деле *Хэттон и другие против Соединенного Королевства (Hatton and others v. the United Kingdom)* основное право заявителей на отдых и сон ночью рассматривалось Судом как неотъемлемая часть частной жизни по Статье 8. Большая Палата отменила решение национальных органов, усмотревших нарушение Статьи 8 в том, что при введении схемы ночных полетов 1993 года государству не удалось установить справедливый баланс между экономическим благополучием Соединенного Королевства и полноценным осуществлением заявителями права на уважение жилища, а также частной и семейной жизни. Большой Палатой было отмечено, что

«...нарушения сна, на которые ссылаются заявители, не являются вмешательством, сопоставимым с вмешательством национальных властей в какую-либо из интимных сторон частной жизни в форме уголовных законов, как, например, в деле *Даджен против Соединенного Королевства*, когда пределы усмотрения государства-ответчика должны быть ограничены».

Суд указал на два аспекта, которые необходимо учитывать в случаях, связанных с принятием государственных решений по экологическим вопросам. Во-первых, необходимо произвести оценку,

касающуюся существа решения правительства, на предмет его соответствия Статье 8. Во-вторых, процесс принятия решения должен быть взят под особый контроль с целью обеспечения должной защиты интересов личности. Конфликт разных точек зрения на пределы усмотрения может быть решен, руководствуясь исключительно обстоятельствами конкретного дела. В отношении экологических вопросов, входящих в сферу применения Статьи 8, Суд рассмотрел все процессуальные аспекты, в том числе разновидность конкретной политики или решения, степень учета мнений физических лиц (в том числе заявителей), принятых во внимание в процессе процедуры принятия решений, и доступные процессуальные гарантии. В рассматриваемом деле Суд тщательно проанализировал законное право государства при формировании политики принимать во внимание экономические интересы страны в целом, трудности в определении того, действительно ли введение указанной схемы полетов вызывало ухудшение шумового фона в ночное время. Суд также оценил степень внимания к проблемам людей, пострадавших в результате сложившейся ситуации, и механизм для оценки последствий введенной схемы, значение ночных полетов для экономики в целом и способность пострадавших лиц воспользоваться предоставленной им возможностью покинуть район проживания. Суд признал, что, по сути, власти не преступили пределов усмотрения, не обеспечив справедливого баланса между правом пострадавших лиц на уважение их частной жизни и жилища и конфликтующими интересами других лиц и сообщества в целом, а, следовательно, не усмотрел нарушения Статьи 8.

В отношении права на благоприятную окружающую среду

Пределы свободы усмотрения государств в отношении права на окружающую среду в целом и на благоприятную окружающую среду в частности существенно зависят от характера нарушений данного права и их значения для заявителя. Оба фактора играют ключевую роль в применении положения Статьи 8, согласно которому государства должны устанавливать справедливый баланс между конфликтующими интересами. Другими словами, Суд решает, относится ли рассматриваемая жалоба к общему праву (например, на уважение жилища) или же затрагивает более частные аспекты жизни человека, такие как физическое или психическое здоровье. В то время как в первой группе дел Суд отказал в удовлетворении жалобы лица в противовес защите интересов общества в целом, при вмешательстве второго типа он не только сужает пределы усмотрения национальных властей, но также будет тщательно следить за тем, как национальные власти выполняют свои позитивные обязательства по Статье 8. Обоснование вмешательства положениями общего характера, например, экономическим благополучием страны в большинстве случаев оказывается недостаточным, если только государства не будут в состоянии доказать, что другие возможности менее пагубного и навязчивого вмешательства отсутствуют. В деле *Пауэлл и Рейнер против Соединенного Королевства (Powell and Rayner v. the United Kingdom)* заявители жаловались на чрезмерный уровень шума в связи с эксплуатацией аэропорта Хитроу. Согласно официальным результатам проведенных замеров уровня шума в жилом строении первого заявителя был установлен низкий уровень шума. Ферма второго заявителя, над которой самолеты постоянно летали в течение дня и, в ограниченной степени, ночью, была отнесена к зоне с высоким уровнем шума. Ссылаясь на Статью 8 Конвенции, заявители жаловались на то, что в результате чрезмерного шума, создаваемого движением воздушных судов в на-

правлении аэропорта Хитроу и обратно, каждый из них стал жертвой необоснованного вмешательства со стороны Соединенного Королевства и нарушения права, гарантированного им в Статье 8. Европейский Суд установил, что

« ... в обоих случаях, хотя и в очень разной степени, шум, создаваемый воздушными судами, использующими аэропорт Хитроу, оказывал неблагоприятное воздействие на качество жизни заявителей и нарушал право на беспрепятственное пользование жилищем».

Учитывая, что функционирование крупных международных аэропортов, располагающихся даже вблизи густонаселенных жилых районов, необходимо для экономического благосостояния страны, а также принимая во внимание, что компетентными органами были представлены к рассмотрению, а затем постепенно введены меры по борьбе с шумом (уменьшению его уровня) и по компенсации за шум от самолетов в аэропорту Хитроу и вокруг него, Европейский Суд единогласно постановил, что разумные доводы относительно того, что правительство Соединенного Королевства превысило пределы усмотрения или нарушило справедливый баланс, требуемый Статьей 8, отсутствуют. В деле *Lopez Ostra против Испании (López Ostra v. Spain)* Суд, напротив, усмотрел нарушение Статьи 8 в том, что государству не удалось установить справедливый баланс между интересами экономического благосостояния города (создания предприятия по переработке отходов) и надлежащим соблюдением прав заявительницы на неприкосновенность ее жилища, частной и семейной жизни. Кроме того, муниципалитет не обеспечил выплату компенсации заявительнице за причиненные неудобства.

ЧАСТЬ III – Позитивные обязательства

Основным объектом внимания Статьи 8, по существу, является защита личности от произвольного вмешательства со стороны государственных властей. Данная статья, однако, не просто требует, чтобы государство воздерживалось от подобного вмешательства, в дополнение к этому существуют и позитивные обязательства государства, исполнение которых способствует реальному уважению семейной жизни. Это происходит все чаще и чаще, в том числе в результате повышения уровня информированности населения о своих правах в отношениях с государством и о том, чего можно на законных основаниях ожидать от национальных властей, аналогично тому, как повышение уровня доступности информации по различным вопросам позволяет рядовому гражданину приобрести знания о научных и технических открытиях. Позитивные обязательства государства в рамках Статьи 8 впервые обсуждались в 1997 г. в деле *Маркс против Бельгии (Marckx v. Belgium)*. Тогда Суд отметил, что слово «уважение», содержащееся в первом абзаце Статьи 8, указывает на наличие позитивных обязательств у государств. Однако из-за характера данного положения определение таких обязательств затруднено наличием у государства широкой свободы усмотрения при отступлении от соблюдения обязательств. Помимо того, что права, гарантированные Статьей 8, подлежат ограничениям при условиях, указанных в п. 2, само понятие «уважение» представляется не вполне ясным, особенно когда оно рассматривается в качестве источника позитивных обязательств. Последнее, но не менее важное обстоятельство заключается в том, что в основе большинства жалоб на нарушение Статьи 8 лежат ситуации, когда от государства требуется вынести решение по спорам между отдельными конфликтующими лицами или

группами лиц. При разрешении таких жалоб Суд, в подавляющем большинстве, может лишь заключить, что государство не смогло установить справедливый баланс между конфликтующими интересами, что привело к нарушению Конвенции. Лишь в исключительных случаях Суд определяет меры, необходимые для защиты права заявителя. Тем не менее, по мере развития судебной практики, сфера защиты Статьи 8 значительно расширилась и стала включать также обязательства защиты от рисков, возникающих в отношениях между физическими лицами (в отличие от отношений между физическим лицом и государством). Следовательно, с учетом вышесказанного, приведенный ниже анализ охватывает все четыре составляющие сферы применения Статьи 8.

В области защиты частной жизни

Обязательство по защите сексуальной жизни и межличностных отношений лица относится к числу позитивных обязательств, вытекающих из Статьи 8 Конвенции. Исполнение данного обязательства предусматривает, в первую очередь, признание преступными действий частного лица, повлекших за собой нарушение основных ценностей частной жизни и вмешательство в ее существенные аспекты¹⁸⁶. Однако нельзя толковать данное обязательство как исключающее возможность использовать неограниченные гражданско-правовые средства защиты в ситуациях применения уголовных санкций даже по делам, затрагивающим права детей и других уязвимых категорий граждан¹⁸⁷.

---

¹⁸⁶ Дело X и Y против Нидерландов, касающееся невозможности возбудить уголовное преследование против лица, совершившего сексуальное насилие в отношении несовершеннолетней девушки старше 16 лет (возраст, с которого лицо правомочно давать согласие на вступление в половые отношения в Нидерландах), которая была неспособна в силу психического расстройства определять свои желания.

¹⁸⁷ Стаббингс против Соединенного Королевства (*Stubbings v. the United Kingdom*).

Под понятие частной жизни подпадают физическая и психологическая неприкосновенность. На них также распространяется действие позитивных обязательств. В деле *Янкович против Хорватии* (*Janković v. Croatia*) решение об отказе в возбуждении уголовного дела против лиц, предположительно виновных в оскорблении и нападении на заявительницу, а также фактическая невозможность заявительницы преследовать виновных в порядке частного обвинения стали достаточным основанием для признания Судом нарушения государством-ответчиком позитивных обязательств, вытекающих из Статьи 8 Конвенции. При рассмотрении дела *Тысенц против Польши* (*Tysięc v. Poland*) Суд столкнулся с проблемой последствий применения закона, запрещающего аборт, за исключением тех случаев, когда беременность представляет угрозу жизни и здоровью женщины. Руководитель медицинского учреждения отказался прерывать беременность заявительницы по медицинским соображениям, в результате чего после родов она потеряла зрение. Суд постановил, что имело место нарушение Статьи 8 Конвенции, так как Польша не исполнила позитивного обязательства «защищать право заявительницы на уважение частной жизни с учетом неоднозначного ответа на вопрос, имела ли она право на аборт по медицинским основаниям». В соответствии с указанным обязательством по защите Договаривающиеся Стороны должны ввести правовые нормы, принуждающие как частные, так и государственные медицинские учреждения к принятию соответствующих мер по обеспечению физической неприкосновенности пациентов, причем перед проведением медицинского вмешательства пациент должен дать свое согласие на операцию, полностью осознавая и понимая ее последствия¹⁸⁸.

---

¹⁸⁸ Кодарча против Румынии (*Codarcea v. Romania*).

Отсутствие правовых гарантий, уделяющих особое внимание репродуктивному здоровью лиц, принадлежащих к числу самых уязвимых этнических групп (цыгане), стало достаточным основанием для признания Судом нарушения государством своих позитивных обязательств в деле *V.C. против Словакии (V.C. v. Slovakia)*. Данное дело, которое стало первым в цепочке жалоб, поданных женщинами, оказавшимися в аналогичных обстоятельствах, касалось принудительной стерилизации цыганской женщины в государственном медицинском учреждении во время родов второго ребенка. Как указано в ее медицинской карточке, незадолго до родов при помощи кесарева сечения, пока женщина каждые три минуты испытывала схватки, медперсонал попросил ее подписать в медицинском формуляре одно предложение – «просьбу о стерилизации». Женщине сказали, что подпись необходима, потому что под угрозой находится ее жизнь и жизнь ребенка. Женщина поставила свою подпись, хотя она и не понимала, что означает стерилизация и каковы ее последствия. Поданные ею в дальнейшем иски с требованием выплаты компенсации были неоднократно отклонены судами Словакии. Европейский Суд установил факт нарушения Статьи 3 Конвенции, так как обращение, которому подверглась заявительница, достигло такой степени жестокости, которая позволяла относить его к сфере применения Статьи 3. Кроме того, Суд установил, что Словакия не исполнила свои обязательства по Статье 8, так как не смогла гарантировать должное внимание репродуктивному здоровью заявительницы как представительницы цыганской национальности. При вынесении решения Суд учел, что Комиссар по правами человека Совета Европы и Европейская комиссия по борьбе с расизмом и нетерпимостью ранее выявили в законодательной и судебной практике Словакии существенные недостатки, касающиеся стерилизации в целом, и указали на то, что больше всего от этих недостатков может пострадать цыганская община, и без того подвергающаяся дискриминации во многих сферах жизни. Назначенные правительством Словакии эксперты пришли к аналогичным выводам и дали особые рекомендации по

обучению медперсонала работе с цыганами. В отношении заявительницы Суд установил, что простое указание в медицинской карточке ее этнического происхождения безо всякой дополнительной информации свидетельствовало об определённом отношении медперсонала к тому, как следует обращаться со здоровьем заявительницы, поскольку она цыганка.

Половая принадлежность

Действие позитивного обязательства по защите права личности на самоопределение привело к значительным изменениям главным образом в отношении половой принадлежности транссексуалов. Впервые Суд столкнулся с жалобой транссексуала, сменившего пол с женского на мужской, в деле *Риз против Соединенного Королевства (Rees)*. Заявитель жаловался на непризнание его нового статуса. Он утверждал, что согласно Статье 8 государство обязано внести изменения или, по крайней мере, примечания в реестр актов гражданского состояния в связи со сменой им пола, а также выдать ему новое свидетельство о рождении с указанием его нового пола. Руководствуясь неоднозначным мнением науки по данному вопросу и различиями в законодательной и судебной практике государств-участников, Суд постановил, что на данный момент само государство-ответчик должно решать, насколько оно может удовлетворить требования транссексуалов и что, в любом случае, Статью 8 нельзя толковать как требующую от договаривающихся сторон внесения изменений, даже частичных, в реестр актов гражданского состояния. Суд, так или иначе, учел тот факт, что многие страны (в том числе Соединенное Королевство) на практике признали право личности на самоопределение половой принадлежности и приняли меры для минимизации числа проблем, связанных с отсутствием правового признания.

В отличие от дела против Соединенного Королевства, в деле *В. против Франции (V. v. France)* Суд занял иную позицию. Отказ местных властей внести изменения в реестр актов гражданского состояния в связи с изменением заявителем пола был признан Судом нарушением Статьи 8, так как заявительница ежедневно сталкивалась с необходимостью предъявлять документы, удостоверяющие личность, что влекло за собой проблемы, а также в связи с необходимостью постоянного обновления данных согласно французской системе в течение всей жизни конкретного лица.

Конвенция, однако, является «живым» инструментом, поэтому неудивительно, что позиция Суда по таким деликатным и спорным вопросам изменилась. В деле *I. против Соединенного Королевства (I. v. the United Kingdom)* и в деле *Гудвин против Соединенного Королевства (Goodwin v. the United Kingdom)* Суд, принимая во внимание развитие научных знаний, международную практику и необходимость в соблюдении последовательности странами с разными правовыми системами, а также все возрастающее количество проблем, связанных с непризнанием по закону нового пола, пришел к выводу, что государства больше не имеют свободы усмотрения в отношении признания статуса транссексуалов. Единственная оставшаяся у них возможность – это свобода установить определенную процедуру признания. И даже в этом случае признание права транссексуала на возмещение медицинских расходов на операцию по смене пола не может быть поставлено в зависимость от наличия доказательств медицинской необходимости данной операции¹⁸⁹. В любом случае нельзя механически применять такие ограничения, как период ожидания перед операцией по смене пола, для того чтобы транссексуал имел право на такое возмещение. Поэтому, если вдруг период размышлений окажется слишком

---

¹⁸⁹ Ван Кюк против Германии (*Van Kück v. Germany*).

длинным, учитывая возраст заявителя, применение этого требования может привести на практике к нарушению свободы полового самоопределения и половой принадлежности¹⁹⁰.

Нарушение позитивных обязательств, вытекающих из Статьи 8, относительно прав транссексуалов может быть также обусловлено наличием пробелов в соответствующем законодательстве. Именно эта ситуация стала предметом жалобы в деле *L. против Литвы (L. v. Lithuania)*. Хотя законами Литвы признавалось право транссексуала не только на смену пола, но и на смену гражданского статуса, на момент рассмотрения дела отсутствовал закон, регулирующий проведение хирургической операции по полному изменению пола. Таким образом, до появления такого закона транссексуал не мог воспользоваться соответствующими медицинскими услугами. Вследствие этого заявитель оказался в промежуточном положении транссексуала, перенесшего операцию по частичному изменению пола, некоторые документы о гражданском состоянии которого были изменены. Но до проведения операции по полному изменению пола не мог быть изменен его личный код, и он был вынужден считаться женщиной во многих существенных аспектах личной жизни, например, при трудоустройстве или зарубежных поездках. Суд отметил, что законодательный пробел в вопросе операций по смене пола заставил заявителя переживать неопределенность в отношении своей личной жизни и признания его подлинной сущности. Бюджетные трудности в сфере здравоохранения могли оправдывать некоторые первоначальные задержки в осуществлении прав транссексуалов, предусмотренных Гражданским кодексом, но не задержку на четыре года. С учетом ограниченного числа заинтересованных лиц нагрузка на бюджет не могла быть слишком значительной. Таким образом, государство-ответчик было признано нарушившим Статью 8 Конвенции.

---

¹⁹⁰ Шлумпф против Швейцарии (*Schlumpf v. Switzerland*).

Право знать свое происхождение

В деле *Гаскин против Соединенного Королевства (Gaskin v. the United Kingdom)* Суд сформулировал руководящий принцип, регламентирующий доступ к информации о происхождении:

«Каждый человек должен иметь возможность получить подробную информацию о своей личности».

В указанном деле заявитель хотел подать иск против местных органов власти с требованием компенсации за небрежность, проявленную ими в отношении жестокого обращения с ним в то время, когда он находился на государственном попечении. Поданное им ходатайство о предоставлении местными органами отчетов о периоде его нахождения на государственном попечении было отклонено на том основании, что эти данные носят частный, конфиденциальный характер. Данное решение было утверждено в апелляционной инстанции, после чего компетентные органы вынесли постановление, по которому заявитель мог получить доступ к сведениям о себе, если лица, предоставившие эти сведения, дадут свое согласие на их разглашение, в чём последние отказали. Хотя Суд признал, что национальные власти преследовали законную цель, он установил

«...что лица, находящиеся в ситуации, подобной ситуации заявителя, имеют жизненно важный интерес, защищенный Конвенцией, получить информацию, необходимую для того, чтобы знать и понимать события своего детства и раннего периода развития».

Пытаясь также соблюсти интерес «информаторов» в сохранении своей анонимности, Суд отметил, что Соединенное Королевство могло бы исполнить свои положительные обязательства, вытекающие из

Статьи 8, учредив, например, независимый орган, который бы занимался рассмотрением подобных заявлений и принятием по ним решений. Право доступа к информации, признаваемое Статьей 8, тем не менее, не является абсолютным. Фактически по делу *Гаскина* Суд вынес решение в пользу заявителя лишь после тщательного изучения и взвешивания стоящих на кону общественных интересов.

Определение законных связей

В деле *Крушкович против Хорватии* (*Krušković v. Croatia*) заявитель жаловался на невозможность получить признание своего отцовства по отношению к ребёнку в связи с потерей дееспособности. Признав нарушение Статьи 8, Суд отметил, что по национальному законодательству соответствующие органы могли бы пригласить законного опекуна заявителя, чтобы тот дал согласие на признание отцовства. Или же помочь заявителю признать отцовство мог бы орган социальной защиты, на чьем иждивении он находился. Так как ни одна из указанных мер не была принята, заявителю оставалось только возбудить гражданское судопроизводство. Подать гражданский иск должен был орган социальной защиты, а заявитель выступал бы ответчиком по делу, хотя именно он добивался признания отцовства. Национальное законодательство не предусматривало правовой обязанности органов социальной защиты возбуждать такое судопроизводство и сроков исковой давности для совершения таких действий, в результате чего указанная мера так и не была принята, хотя заявитель обращался по этому поводу в орган регистрации гражданского состояния. Таким образом, два с половиной года заявитель находился в правовом вакууме, так как его требования игнорировались. Суд счел, что такое положение не могло отвечать ни интересам отца, имевшего жизненно важный интерес в установлении правды о важном аспекте своей частной жизни, ни интересам ребенка, и поэтому признал факт нарушения Статьи 8 Конвенции.

Защита «светской частной жизни»

В деле *Фон Ганновер против Германии (Von Hannover)*¹⁹¹ Суд отвечал на вопрос о том, является ли публикация сделанных не на официальных мероприятиях фотографий публичных фигур (принцессы Каролины, члена правящей семьи Монако) нарушением их прав, предусмотренных Статьей 8. Суд пришел к выводу, что на государстве лежит обязанность гарантировать, что права лиц, находящихся под их юрисдикцией, уважаются третьими лицами, в том числе журналистами. Учитывая, что заявительница не выполняла никаких официальных функций в государстве Монако или от лица государства Монако, что сделанные фотографии относились главным образом к ее частной жизни, хотя сфотографировали ее в общественных местах, а также то, что фотографии были сделаны папарацци без ее ведома и согласия, Суд постановил, что защита частной жизни распространяется за пределы частного семейного круга и включает также социальный аспект. Любое лицо, даже хорошо известное общественности, должно иметь возможность «правомерно ожидать» защиты и уважения своей частной жизни. Как следствие, Суд постановил, что Германия обязана была разъяснить свое законодательство в части разграничений, которые в нем проводятся между «выдающимися фигурами современности», частную жизнь которых необходимо защищать только в частной сфере, и «относительно» публичными лицами, такими, как заявительница, которые имеют право на большую степень защиты. В деле *Мозли против Соединенного Королевства (Mosle v. the United Kingdom)*, однако, Суд не нашел нарушений Статьи 8 в связи с публикацией в прессе и интернете статей, фотографий и

---

¹⁹¹ Два других дела той же заявительницы, касающиеся отказа судов Германии запретить дальнейшую публикацию двух фотографий, на которых изображена заявительница с семьей на отдыхе, находятся на рассмотрении Большой Палаты на момент написания данной работы.

видеоматериалов о сексуальных действиях заявителя и разъяснил, что положения статьи нельзя толковать как обязывающие СМИ уведомлять о своих публикациях тех, кто в них фигурирует.

В области регулирования частной промышленности

Согласно Статье 8 государства не только обязаны предупреждать нарушение прав граждан, но и гарантировать, что пользованию правами не препятствуют действия или деятельность третьих лиц. Большинство дел, рассмотренных Судом по факту нарушения Статьи 8 в этом отношении, касается предположительно наносящей вред гражданам хозяйственной деятельности промышленных объектов и соответствующих намеренных или случайных выбросов вредных веществ в окружающую среду. В деле *Фадеева против России (Fadeyeva v. Russia)* заявительница, проживавшая в муниципальной квартире в доме, расположенном в санитарно-защитной зоне вокруг металлургического комбината, жаловалась на то, что хозяйственная деятельность комбината в непосредственной близости от ее дома создает угрозу ее жизни и здоровью и что непринятие мер к ее переселению в другой район нарушает позитивные обязательства государства по Статье 8 Конвенции. Опираясь на представленные российскими властями документы, Суд отметил, что концентрация определенных токсичных веществ в атмосфере в санитарно-защитной зоне превышает «максимально допустимый уровень», предусмотренный российским законодательством. Заявительница предприняла судебные действия по переселению из санитарно-защитной зоны, но добилась лишь того, что ее поставили в «общую очередь на получение жилья», но не включили в «первоочередной список лиц» на получение нового жилья, на что она, по мнению Суда, имела право. Поэтому судьи Страсбургского Суда пришли к выводу о том, что имело место нарушение Статьи 8 Конвенции в связи с тем, что государство-ответчик не смогло найти справедливый баланс между общественными интересами и

правом заявительницы на уважение ее жилища и частной жизни. Хотя руководство деятельностью металлургического комбината и контроль над ним осуществляло не государство, Суд счел, что по экологическим делам ответственность государства может возникать из его неспособности регулировать частную промышленность.

Если вдруг наносящая вред окружающей среде хозяйственная деятельность нарушает национальное законодательство, то доказать заинтересованность государства в продолжении такой незаконной деятельности или в соответствии такой незаконной деятельности общеэкономическим интересам становится трудно¹⁹². Задержки в проведении оценки влияния хозяйственной деятельности на окружающую среду могут служить основанием для привлечения государства к ответственности¹⁹³. Однако Суд не желает принимать аргумент об отсутствии определенности среди научного и профессионального сообщества относительно производственной деятельности предприятия в качестве основания откладывания эффективных и соразмерных мер, направленных на предупреждение риска нанесения серьезного и необратимого вреда окружающей среде. В этом вопросе судьи Страсбургского Суда ясно дали понять, что должен преобладать принцип предосторожности¹⁹⁴, цель которого

---

¹⁹² Гуерра и другие против Италии (*Guerra and other v. Italy*); Лопез Остра против Испании (*López Ostra v. Spain*).

¹⁹³ Дело Джакомелли против Италии (*Giacomelli v. Italy*), в котором экологическая экспертиза была проведена через семь лет после того, как завод по обезвреживанию специальных отходов (в том числе опасных) начал свою работу, несмотря на правовые предписания провести такую экспертизу до начала эксплуатации завода.

¹⁹⁴ Данный принцип ясно прописан в Декларации Рио-де-Жанейро 1992 года и является правовой нормой, обязательной для стран-участниц ЕС. Включение этого принципа в Маастрихтский договор означало его превращение из философского принципа в юридический.

состоит в обеспечении высокого уровня защиты здоровья, безопасности потребителей и окружающей среды¹⁹⁵.

В предоставлении информации об экологических рисках и угрозе здоровью

В деле *Гуерра и другие против Италии (Guerra and others)* Суд признал Италию нарушившей Статью 8 Конвенции в части уважения частной и семейной жизни, так как местное население не было оповещено о риске, которому оно подвергается, и мерах, которые необходимо принять в случае аварии на близлежащем химическом предприятии. Заявители открыто запрашивали подобного рода информацию у компетентных национальных властей. В конечном итоге она была предоставлена, но только после закрытия предприятия. Многогранное право запрашивать и получать информацию об экологических рисках в месте проживания стало предметом спора и в деле *Онерылдыз против Турции (Önerıldız v. Turkey)*, в котором Палата Суда и впоследствии Большая Палата согласились рассмотреть дело в свете Статьи 2.

Неразглашение информации о последствиях проведения химических испытаний для военнослужащих привело к разным выводам относительно нарушения Статьи 8 Конвенции. В деле *МакГинли и Иган против Соединенного Королевства (McGinley and Egan v. the United Kingdom)* жалоба заявителей на то, что неразглашение информации об уровне радиации на острове Рождества привело к нарушению их права на уважение частной и семейной жизни, была отклонена. Судьи Страсбургского

---

¹⁹⁵ Татар против Румынии (*Tătar v. Romania*). Дело касалось разлива воды, загрязненной опасными химическими веществами, используемыми при добыче ценных металлов.

Суда отметили, что государство исполнило позитивное обязательство по Статье 8 по введению адекватных механизмов, позволяющих лицам, работающим в опасных условиях (а именно при испытании ядерного оружия), иметь доступ ко всей необходимой информации. Неиспользование заявителями этих механизмов не влечет ответственности государства, которое не было признано нарушившим позитивные обязательства по Статье 8.

В деле *L.C.B. против Соединенного Королевства (L.C.B. v. the United Kingdom)*, рассматривая вопрос о влиянии ядерных испытаний на здоровье военнослужащего и его дочери, Суд заметил, что он мог бы рассмотреть жалобу заявительницы на отсутствие уведомления властями ее родителей об угрозе здоровью и бездействие в отслеживании состояния ее здоровья до установления ей диагноза лейкемия с точки зрения Статьи 8 Конвенции. Однако он этого не сделал, так как вопрос уже был рассмотрен с точки зрения Статьи 2. В деле *Роуч против Соединенного Королевства (Roche v. the United Kingdom)* бывший военнослужащий утверждал, что он начал страдать от повышенного артериального давления (гипертонии), хронического заболевания дыхательных путей (бронхита) и бронхиальной астмы в результате участия в испытаниях горчичного и нервно-паралитического газов, проводимых военным ведомством Соединенного Королевства. Он подал заявление о назначении ему пенсии по инвалидности в Апелляционный трибунал по делам о пенсиях. Трибунал не нашел каких-либо убедительных доказательств того, что между испытаниями газов и состоянием здоровья заявителя существует причинно-следственная связь, так как все «медицинские» и «политические» средства, использованные заявителем, позволили получить лишь часть документов. Недостаток информации также объяснялся тем, что полномасштабные эпидемиологические исследования произошедшего начались лишь через 10 лет после того, как заявитель начал добиваться выдачи ему

документов и подал жалобу в Суд. Суд заметил, что неуверенность заявителя в том, подвергается ли его здоровье риску из-за участия в испытаниях химических газов, могла привести к значительному повышению уровня тревожности и стрессу заявителя. Отсутствие какого-либо обязательства информировать соответствующих лиц, разрозненный характер предоставленной заявителю информации и непредоставление информации более чем через четыре года, а также остальные обстоятельства дела, перечисленные выше – все это способствовало признанию Судом факта нарушения Статьи 8 Конвенции в том смысле, что Соединенное Королевство не исполнило своего позитивного обязательства создать действенные и доступные процедуры для получения заявителем всей необходимой информации, которая бы позволила ему и трибуналу, столкнувшемуся с необходимостью рассматривать вопрос о назначении пенсии, оценить риск здоровью заявителя в результате участия в испытаниях химических газов.

Позитивное обязательство предоставлять адекватную информацию об опасной деятельности распространяется также и на лиц, вынужденных проживать в конкретном месте, в частности, заключенных. В деле *Брэндуше против Румынии (Brândușe v. Romania)* Суд рассматривал жалобу на спертый воздух и гнилостные запахи от находящейся в 20 метрах от тюрьмы территории, которая ранее использовалась как свалка бытовых отходов. Свалка находилась в ведомстве компании, руководство которой осуществлял городской муниципалитет. Несмотря на отсутствие причинно-следственной связи между ухудшением состояния здоровья заявителя и близостью тюрьмы к бывшей свалке, Суд решил рассмотреть жалобу в свете нарушения Статьи 8. Суд отметил, что с учетом данных экологических исследований и продолжительности времени, в течение которого заявитель страдал от указанных условий, качеству жизни заявителя, его благополучию и в конечном итоге частной жизни был нанесен существенный вред, который не может быть приписан исключи-

тельно действию фактора лишения свободы. Применимость Статьи 8 Конвенции была обоснована также тем обстоятельством, что жалоба касалась аспектов, связанных не с условиями содержания заключенных, а с тем, что камера заключенного была его единственным «жизненным пространством» на протяжении нескольких лет. Ответственность Румынии за нарушение Статьи 8 Конвенции была основана на пяти основных пунктах:

- ❖ руководство компанией, в чьем ведомстве находилась свалка, осуществлял городской муниципалитет, следовательно, его можно считать напрямую ответственным за источаемые свалкой гнилостные запахи;
- ❖ хотя свалка официально действовала всего 5 лет, были представлены доказательства того, что и после этого срока ею пользовались частные лица, так как власти не обеспечили надлежащую консервацию этой территории;
- ❖ отсутствие надлежащего распоряжения о продолжении функционирования свалки, либо о ее закрытии привело к тому, что существование свалки, на которое власти закрывали глаза, было незаконным;
- ❖ предварительная оценка воздействия на окружающую среду, которая должна была быть проведена перед изданием официального разрешения на открытие свалки, фактически была проведена только через три года после ее закрытия и только после сильного пожара;
- ❖ наличие доказательств того, что функционирование свалки было несовместимо с природоохранными нормами, предусмотренными национальным законодательством, и, таким образом, издаваемые свалкой гнилостные запахи недопустимым образом мешали жителям близлежащей территории и нарушали их права.

В обеспечении альтернативных мест проживания вместо мест с неблагоприятной экологической обстановкой

Если неблагоприятные экологические условия в определённой местности вызывают сильное загрязнение окружающей среды и проблемы со здоровьем населения или наносят ущерб их жилищам, государства обязаны переселить пострадавших, чтобы обеспечить безопасность их частной и семейной жизни. В качестве альтернативы государства должны определить меры по снижению уровня загрязнения до безопасных значений. Невозможность обеспечить переселение граждан или принять меры по исправлению положения будет означать нарушение Статьи 8¹⁹⁶.

В защите семейной жизни

В том, что касается семейной жизни, судебная практика указывает на два основных обязательства по Статье 8: во-первых, обеспечивать законное признание родственных связей, во-вторых, действовать в интересах сохранения семьи. Ниже приводится обзор позитивных обязательств, которые государства принимают на себя в этих двух сферах.

---

¹⁹⁶ Дубецкая и другие против Украины (*Dubetska and others v. Ukraine*).

В признании родственных связей

При рассмотрении жалобы о влиянии на семейную жизнь определенных аспектов законодательства Бельгии в вопросе о внебрачных детях Суд воспользовался возможностью разъяснить следующее:

«когда государство в рамках своей правовой системы определяет правовой режим, применимый к определенным родственным связям, например, между незамужней матерью и ее ребенком, оно должно действовать таким образом, чтобы обеспечить всем, кого этот режим затрагивает, возможность вести нормальную семейную жизнь. В соответствии со Статьей 8 уважение к семейной жизни, по мнению Суда, в частности, предусматривает существование в национальном законодательстве законных гарантий, которые делают возможной, с момента рождения, интеграцию ребёнка в свою семью. В этой связи у государства есть выбор между различными инструментами, но закон, не удовлетворяющий данному требованию, нарушает п. 1 Статьи 8, что означает отсутствие необходимости его проверки на соответствие п. 2»¹⁹⁷.

Констатировав, что право на семейную жизнь не ограничивается рамками формальных отношений и узаконенных родственных связей, Суд подчеркнул, что принятие закона, отвечающего требованиям Статьи 8, недостаточно, поскольку его применение и толкование имеют не меньшую важность. В то время как национальные суды обязаны толковать внутренние законы в соответствии с Конвенцией, государство будет нести ответственность только в том случае, если они совершили явную ошибку в

---

¹⁹⁷ Маркс против Бельгии (*Marckx v/ Belgium*).

толковании. Таким образом, для наступления ответственности оценка национальными судами фактов должна быть явно неразумной или произвольной, или грубо нарушающей основополагающие принципы Конвенции. Вместе с тем нарушения не будет, если вмешательства на основании Статьи 8 продиктованы необходимостью защитить социальную реальность в столкновении с реальностью биологической, лишенной содержания и имеющей сугубо теоретическое значение¹⁹⁸. В практике Европейского Суда, однако, есть место исключениям, важнейшее из которых представлено постановлением, принятым в 1997 г.¹⁹⁹, в котором Суд констатировал, что отсутствие юридического признания семейной связи между «ЭКО-ребёнком» и его отчимом, партнёром родной матери ребёнка (являвшейся транссексуалом, сменившим пол с женского на мужской), не являлось нарушением Статьи 8. Принимая во внимание характер Конвенции как «живого инструмента» и изменения, происходящие в общественном восприятии вопросов, касающихся транссексуальности, будет удивительно, если эта позиция вскоре изменится. В сущности, в своих постановлениях по делам *I. против Соединенного Королевства* и *Гудвин против Соединенного Королевства* Суд уже несколько изменил позицию в отношении регистрации смены пола для вступления в брак, заключив, что национальные законы, признающие регистрацию только «биологического» пола, имевшегося при рождении, нарушают суть права на брак.

Позитивное обязательство уважения семейной жизни подразумевает не только то, что признание семейных связей должно быть возможным, но и его противоположность – то, что никто не должен

---

¹⁹⁸ Юсеф против Нидерландов (*Yousef v. the Netherlands*).

¹⁹⁹ X, Y и Z против Соединенного Королевства (*X, Y and Z v. the United Kingdom*), (БП).

быть принуждаем к такому признанию. Это означает, что предполагаемые отцы, желающие оспорить своё отцовство по отношению к ребёнку, ставящие под сомнение правовые презумпции или сделанное ранее собственное признание (например, из-за появления новых биологических свидетельств, которых либо не было ранее, либо они были недоступны), должны иметь такую возможность²⁰⁰.

В охране семейной жизни

Однажды начавшись, семейная жизнь может быть прервана только в исключительных обстоятельствах. Конечно, это не означает, что Конвенция запрещает раздельное проживание или развод. Это означает воспрепятствование событиям, влекущим за собой разрыв отношений между родителями и детьми. Соответствующая судебная практика устанавливает различные обязательства, в том числе позитивные, которые государства несут в данной связи. Данные обязательства в основном носят процессуальный характер и относятся к процессу разделения членов семьи и исполнению решений по опеке и праву на посещения, а также мерам, облегчающим воссоединение членов семьи после разделения²⁰¹. Процессуальные обязанности также включают в себе право добиваться судебного пересмотра оснований предоставления родительских прав, которое не должно никак ущемляться²⁰².

---

²⁰⁰ Финикариду против Кипра (*Phinikaridou v. Cyprus*); Шофман против России (*Shofman v. Russia*).

²⁰¹ Олссон против Швеции (*Olsson v. Sweden*).

²⁰² Цаунеггер против Германии (*Zaunegger v. Germany*).

Решения об изъятии детей у их родителей и о передаче на воспитание и усыновление согласно Статье 8 являются серьезным вмешательством в семейную жизнь, особенно в случаях, когда его последствия необратимы. Это объясняет то, почему Суд уделяет особое внимание процессу принятия таких решений, хотя Конвенция не содержит никаких особых процедурных требований. Сейчас общепризнанным принципом является совместное участие родителей в подобных процедурах, которые могут быть административными или судебными. Непреложным является то, что их интересы должны быть надлежащим образом приняты во внимание и соотнесены с интересами противоположной стороны. Предписаний относительно способа их участия, равно как и степени их вовлеченности, нет, поскольку это в полной мере зависит от серьезности рассматриваемой меры²⁰³. Суд считает допустимым и не противоречащим Статье 8 принятие решений без участия опекунов несовершеннолетнего только в исключительных обстоятельствах, например, когда необходимо предпринять действия по защите ребёнка в бедственном положении или когда опекуны ребенка представляют для него прямую угрозу. Однако в подобных случаях Суд должен убедиться в том, что национальные власти имели основания полагать, что сложившиеся обстоятельства оправдывали немедленное изъятие ребенка из-под опеки родителей без каких-либо уведомлений или предварительных обсуждений. При рассмотрении такого дела особое значение приобретают следующие меры: провело ли государство оценку влияния предложенной попечительской меры на родителей и ребенка и рассмотрело ли возможные альтернативы²⁰⁴.

---

²⁰³ Сахин против Германии» (*Sahin v. Germany*), (БП).

²⁰⁴ Венама против Нидерландов (*Venema v. the Netherlands*).

В любом случае руководящий принцип заключается в том, что решения об опеке должны рассматриваться как временная мера, подлежащая отмене, как только позволят обстоятельства, а так же что любые меры, предполагающие помещение ребенка под временную опеку, должны иметь конечной целью воссоединение ребенка с его родителем. На компетентные органы ложится позитивная обязанность по принятию мер, облегчающих воссоединение семьи, как только это станет осуществимо с разумной точки зрения, и груз этой обязанности должен неуклонно увеличиваться с самого начала периода временной опеки, но при этом необходимо всегда соотносить эту обязанность с обязанностью действовать в интересах ребенка²⁰⁵.

Позитивное обязательство оберегать семейную жизнь также подразумевает обязанность облегчать контакты между братьями и сестрами, проживающими раздельно в результате решения суда. Этому уделяется еще большее значение, если таковое решение было вынесено внутренним судом по собственной инициативе. В деле *Мустафа и Армаган Акин против Турции (Mustafa and Armagan Akin v Turkey)* Суд заключил, что поддержание родственных связей между детьми является слишком важной целью, чтобы ее можно было оставить на усмотрение родителей, особенно если существуют очевидные указания на то, что один из родителей этому препятствует. В итоге недостаточная аргументация со стороны национальных судов (включая Кассационный суд) относительно того, почему брат с сестрой были вынуждены проживать раздельно и почему график контактов, предложенный заявителями, был отклонен, а также неспособность судей, выносивших решение по делу, предложить альтернативный, устраивающий стороны график, который бы обеспечил детям регулярные свидания,

---

²⁰⁵ К. и Т. против Финляндии (*K. and T. v. Finland*), (БП).

вынудили Суд констатировать нарушение Статьи 8. В принятии решения по данному делу Суд подчеркнул, что в судебных разбирательствах об опеке следует не только придавать первостепенную важность интересам детей, но и учитывать их мнение:

«Суд отмечает, что суд города Одемис (Турция) не только не попытался узнать мнение детей, но также не обосновал свое решение какими-либо доказательствами, например, экспертными заключениями психологов и других специалистов, несмотря на заявление истцов о том, что они испытывали психологические трудности из-за сложившегося положения».

Невыполнение судебных решений о предоставлении права опеки или об урегулировании прав на свидания также может повлечь наступление международной ответственности государства. Типичная ситуация возникает, когда один из опекунов или родственников ребенка возражает против осуществления такого права вторым родителем, а государство не обеспечивает исполнение судебного решения. Позиция Суда в таких случаях довольно умеренна: признавая наличие возложенного на государство безусловного обязательства, он считает, что данное обязательство не является абсолютным и что, в частности, оно должно соразмеряться с «высшими интересами ребенка» и правами последнего, закреплёнными Статьей 8. В каждом из подобных случаев Суд не обнаруживал нарушения Статьи 8 при условии, что национальные власти предприняли необходимый минимум мер, которых можно требовать в разумных пределах в особых обстоятельствах конкретного дела для обеспечения сотрудничества родителей при исполнении судебного решения. Во всех приведенных выше ситуациях особое значение придается фактору времени, поскольку последствия промедления

для всех участвующих сторон являются необратимыми²⁰⁶, особенно в сочетании с отсутствием у членов семьи возможностей для укрепления родственных связей, например, вследствие отсутствия серьезных и последовательных усилий со стороны органов социальной защиты по их воссоединению или из-за ограничений права опекуна на доступ к ребенку. Такие ограничения могут свидетельствовать о намерении государственных властей укрепить отношения ребенка с временными попечителями вместо его собственной семьи, что грубо противоречит их позитивным обязательствам, вытекающим из Статьи 8²⁰⁷. И напротив, если после отделения ребенка от его семьи прошел значительный период времени, интересы ребенка в сохранении его новой семейной ситуации, сложившейся де факто, могут превалировать над интересами его родителей в том, чтобы вернуть ребенка в семью²⁰⁸.

Государства обязаны охранять семейную жизнь в любой ситуации, где применима Статья 8: в деле *Моретти и Бенедетти против Италии (Moretti and Benedetti v Italy)* Суд признал нарушение позитивного обязательства государства в том, что ходатайство заявителей об особом порядке усыновления в отношении приемной дочери, которая была передана в их семью сразу же после рождения на период в пять месяцев, не было рассмотрено с должным вниманием и скоростью, в результате чего ребенок был объявлен свободным к удочерению и передан другой паре. Признавая, что в компе-

---

²⁰⁶ Павлик против Польши (*Pawlik v. Poland*); Звадка против Польши (*Zwadka v. Poland*); Бове против Италии (*Bove v. Italy*); Рейгато Рамос против Португалии (*Reigato Ramos v. Portugal*).

²⁰⁷ R. против Финляндии (*R. v. Finland*).

²⁰⁸ К.А. против Финляндии (*K.A. v. Finland*).

тенцию Суда не входит замена аргументации действий национальных властей относительно мер, которые должны были быть приняты к обеспечению благополучия ребенка, судьи Страсбургского Суда отметили, что изъяны в национальных разбирательствах оказали прямое влияние на семейную жизнь истцов.

Позитивные обязательства также часто фигурируют в делах по Статье 8, касающихся международного похищения детей и ситуаций с участием иммигрантов. В свете тревожного роста числа подобных дел, а также связанных с ними сложностей с точки зрения международного права, они рассматриваются ниже, в части IV, стр. 172.

В защите от внешних угроз

Статья 8 предусматривает обязанность властей гарантировать необходимую защиту частной и семейной жизни отдельных граждан даже в тех случаях, когда потенциальная угроза исходит из самой семьи и в силу этого может считаться «частным делом»²⁰⁹. В деле *Беваква и S. против Болгарии* (*Bevacqua and S. v Bulgaria*) заявители утверждали, что власти Болгарии не смогли обеспечить уважение частной и семейной жизни в сложной ситуации, возникшей в связи с разводом г-жи Беваква и ее мужа, который жестоко с ней обращался и жестокость которого усилилась после того, как заявительница подала на него в суд за нанесение побоев. Суд подчеркнул, что отнесение спора к «делам частного свойства» было несовместимо с обязанностями властей защитить семейную жизнь заявителей. Тот факт, что национальные суды не приняли безотлагательные меры по передаче под вре-

---

²⁰⁹ E.S. и другие против Словакии (*E.S. and others v. Slovakia*).

менную опеку в ситуации, которая, прежде всего, отрицательно влияла на благополучие ребенка, а также недостаточность мер, принятых вследствие поведения бывшего мужа заявительницы, привели к признанию нарушения Статьи 8 в части, касающейся семейной жизни.

В деле *A. против Хорватии (A. v. Croatia)* Суд рассматривал аспекты частной и семейной жизни Статьи 8 одновременно. Суд усмотрел нарушение Статьи 8 в отношении частной и семейной жизни в том, что государственные органы не обеспечили выполнение многих мер, предписанных судебными решениями, по защите заявительницы от ее мужа (ветерана, страдающего посттравматическим стрессовым расстройством, паранойей, тревожностью и эпилепсией) и не смогли разрешить его психиатрические проблемы, которые, очевидно, являлись причиной его агрессивного поведения. Отказ национальных судов (на том основании, что заявительница не доказала наличие непосредственного риска для собственной жизни) принять новые защитные меры, которые помешали бы бывшему мужу заявительницы преследовать ее или угрожать ей, так же был признан нарушением указанного положения. Упущение властей, не обеспечивших принудительное психиатрическое лечение склонных к жестокости членов семьи, было также признано нарушением Конвенции в деле *Гайдуова против Словакии (Hajduová v. Slovakia)*, в котором истица вместе с ребенком была вынуждена искать убежища после того, как ее бывший муж напал на нее на публике и угрожал ей смертью. После выписки последнего из больницы без прохождения необходимого лечения угрозы возобновились. Впоследствии государственные судебные органы отклонили жалобу истицы по поводу несостоявшегося лечения ее бывшего мужа. Суд, напомнив о том, что Словакия обязана защищать физическую и психологическую неприкосновенность своих граждан, особенно находящихся в уязвимом положении, признал нарушение Статьи 8 в части, касающейся как частной, так и семейной жизни: не-

смотря на то, что бывший муж заявительницы после выхода из больницы не совершил на нее ни одного фактического нападения, ее опасения относительно того, что его угрозы могут быть исполнены, были вполне обоснованны, так как власти не выполнили своих обязательств по обеспечению его принудительного психиатрического лечения.

Принимая во внимание то, что Интернет, вследствие присущей ему анонимности, может легко использоваться в преступных целях, и, помня о том, какие эпидемические масштабы приняло растление несовершеннолетних, Суд пояснил, что одним из позитивных обязательств государства по Статье 8 является внедрение системы защиты несовершеннолетних от посягательств педофилов через сеть. В деле *K.U. против Финляндии (K.U. v. Finland)* было установлено, что государство не предоставило защиту частной жизни истца и что, в отсутствие законодательной базы, соотносящей конфиденциальность Интернет-провайдеров с предотвращением нарушений общественного порядка или преступлений и защитой прав человека, оно отдало приоритет сохранению анонимности услуги в ущерб физическому и моральному благополучию несовершеннолетнего.

В защите жилища

К Суду была обращена просьба о рассмотрении относительно небольшого количества жалоб, касавшихся неспособности органов власти обеспечить выполнение своих позитивных обязательств по Статье 8 в отношении защиты «жилища». В большинстве дел жалобы касались нарушения частными лицами или представителями власти права гражданина на место проживания. В отношении проникновения в частное жилище представителей власти Суд занимает совершенно ясную позицию: его компетенция не распространяется на отвлеченное рассмотрение национального законодательства и

действий полиции, даже если подобная позиция затрудняет существование традиционного уклада жизни этнических меньшинств²¹⁰. Как следствие, можно утверждать, что государства не обязаны внедрять у себя какую-либо политику в отношении жилища. Однако при рассмотрении дел, касающихся вмешательств в осуществление права на обладание жилищем со стороны третьих лиц, Суд смог выделить следующие ситуации, создающие условия для нарушения позитивных обязательств по Статье 8, а именно:

- ❖ Небрежное применение закона. В деле *Новоселецкий против Украины (Novoseletskiy v Ukraine)* Суд не считал доказанным, что национальные судебные инстанции, в чьи обязанности входило рассмотрение дела, использовали все имевшиеся в их распоряжении средства для защиты частной и семейной жизни заявителя в ходе трехлетнего судебного разбирательства по поводу права проживания в жилище. Суд был особенно поражен тем фактом, что национальные суды отклонили иск истца о возмещении убытков на том основании, что «закон не предусматривает компенсации за моральный вред в спорах между домовладельцем и квартиросъемщиком», в то время как поданный истцом иск выходил за строгие рамки отношений между домовладельцем и съемщиком жилья, поскольку он обратился в суд с просьбой о возмещении ущерба, понесенного в результате невозможности в течение длительного времени занимать собственную квартиру. Разбираясь в постановлениях национальных властей, Суд также установил, что судья национального суда не проверил правомерность сдачи квартиры в аренду третьим лицам в отсутствие истца, несмотря на очевидную важность

---

²¹⁰ Чэпмэн против Соединенного Королевства (*Chapman v. the United Kingdom*).

данного вопроса, и органы прокуратуры также не проявили никакой заинтересованности в объективном расследовании.

- ❖ Длительное и неоправданное промедление в исполнении судебного решения о праве на владение жилищем или на проживание в нем. В деле *Суругью против Румынии (Surugiu v Romania)* Суд признал вопиющим тот факт, что административное взыскание на третью сторону было наложено только через полтора года после аннулирования их права на владение жильем, в то время как они продолжали ежедневно нарушать право заявителя на мирное владение своим жильём.
- ❖ Отсутствие закрепленного в законодательстве государственного надзора за жилым фондом. В приведенном выше деле *Новоселецкого* заявитель, в конце концов, вернул себе квартиру, которая была уже непригодна для проживания. Организация, в чьи обязанности входило владение и управление государственным жилищным фондом, не только не выполнила работы, необходимые для скорейшего восстановления жилища, но и не предприняла никаких шагов к установлению того, что произошло, и к законному преследованию лиц, ответственных за такой серьезный ущерб жилому фонду, находящемуся в ее ведении.

В деле *Морено Гомес против Испании (Moreno Gómez v Spain)* заявительница, в отличие от дел *Лопез Остра против Испании (López Ostra v Spain)* и *Хэттон и другие против Соединенного Королевства (Hatton and others v UK)*, подала жалобу на нарушение ее права на уважение своего жилища, поскольку власти не предпринимали никаких действий в отношении серьезных неудобств проживания в доме заявительницы, вызванных постоянным ночным шумом от расположенных по соседству ночных клубов. Такое бездействие в течение нескольких лет привело к серьезным нарушениям сна

заявительницы. В данном случае Суд не только признал нарушение Статьи 8, но также сделал принципиальное заявление о том, что право на уважение частного жилища, защищаемое Статьей 8, следует понимать «не только как право на непосредственную жилплощадь, но и на спокойное пользование данной жилплощадью», которое может быть нарушено не только конкретным физическим воздействием, но и шумом, выбросами вредных веществ, запахами или другими формами вмешательства. Суд отметил, что ночные клубы были разрешены муниципалитетом, несмотря на полученное заключение экспертов, согласно которому эти заведения создавали ситуацию «акустического насыщения», вызываемого уровнем шума, намного превышающим разрешенный законом порог. Поэтому он вынес заключение о нарушении муниципалитетом позитивных обязательств, вытекающих из Статьи 8 Конвенции.

Однако усилия, требуемые от Договаривающихся Сторон по выполнению своих позитивных обязательств по Статье 8, в большой степени зависят от конкретных обстоятельств каждого дела. Это затрудняет определение пороговых значений, применимых ко всем ситуациям. Продолжительность и интенсивность шумового или обонятельного воздействия были признаны наиболее критичными факторами при определении меры ответственности государства в оценке сложности дела, например, затрагивающего вопросы инфраструктуры и предполагающего уравнивание одинаково важных интересов автомобилистов и жителей определенной городской зоны²¹¹.

---

²¹¹ Дееш против Венгрии (*Deés v. Hungary*).

В 2005 г. в громком деле, касающемся цыган²¹², Суд рассмотрел условия проживания заявителей с точки зрения категорий частной, семейной жизни и жилища и признал Румынию виновной в нарушении, наряду с прочими положениями, Статьи 8 по причине невыполнения обязательств по обеспечению правосудия в связи с жестоким нападением. К данному делу также относится убийство организованной группой (в которую входили сотрудники местной полиции) трех цыган и последующее разрушение четырнадцати цыганских домов с уничтожением личного имущества, а также унижающие человеческое достоинство условия, в которых жертвам пришлось находиться после этих событий. Выгнанные из своих домов и деревни заявители были вынуждены жить, и некоторые живут до сих пор, в тесных и непригодных помещениях (подвалах, курятниках и конюшнях), а также часто менять адрес проживания, переезжая к друзьям или родственникам и проживая в крайне стеснённых условиях.

Определяя, предприняли ли национальные власти адекватные шаги к прекращению нарушения прав заявителей, Суд, среди прочего, отметил, что:

- ❖ несмотря на причастность государственных служащих к поджогу домов заявителей, прокуратура не возбудила уголовное преследование в отношении них, что помешало национальным судам установить ответственность данных служащих и подвергнуть их наказанию;
- ❖ национальные суды в течение многих лет отказывались назначить возмещение материального ущерба, нанесенного уничтожением имущества и мебели заявителей;

---

²¹² Молдован и другие против Румынии №2 (*Moldovan and others v. Romania (no. 2)*).

- ❖ только спустя десять лет после указанных событий пострадавшим была назначена компенсация за разрушенные дома, но не за потерянное имущество;
- ❖ в приговоре суда по уголовному делу в отношении обвинявшихся жителей деревни были сделаны дискриминационные высказывания в отношении цыганского происхождения заявителей;
- ❖ требования заявителей о возмещении морального ущерба также были отклонены в первой инстанции: гражданские суды сочли, что случившееся – поджог домов и убийство членов семей – не имело характер действий, наносящих моральный ущерб;
- ❖ при рассмотрении ходатайства одной из заявительниц о получении пособия на содержание ее малолетнего ребенка, чей отец заживо сгорел во время поджога, областной суд назначил сумму пособия в размере двадцати пяти процентов от установленной законом минимальной заработной платы и затем решил уменьшить сумму вдвое на том основании, что погибшие сами спровоцировали совершенные против них преступления;
- ❖ три дома остались невозстановленными, а те, которые власти восстановили, были непригодны для проживания;
- ❖ большинство заявителей не вернулись в свою деревню, а оказались разбросанными по Румынии и другим странам Европы.

По мнению Суда, совокупность данных фактов указывает на общее отношение со стороны румынских властей, которое укрепило в ответчиках чувство незащищенности вследствие пережитых бесчинств и ущемило права на уважение их частной и семейной жизни и их жилищ. Принимая во внимание прямое влияние действий государственных служащих на права заявителей, Суд счел, что государство несет ответственность за дальнейшие условия их проживания. Он заключил, что указанное

отношение, а также упорное нежелание властей положить конец нарушениям прав заявителей являлись серьезным нарушением Статьи 8, носившим продолжительный характер.

В защите корреспонденции

Неотъемлемой частью права лиц, находящихся под стражей, на уважение их корреспонденции, гарантированное Статьей 8 Конвенции, является право на получение необходимых письменных принадлежностей. Данное правило было четко установлено в деле *Котлец против Румынии (Cotlet v Romania)*, которое привлекло внимание Суда к ситуации, в которой заключенному выдавалось два бесплатных конверта в месяц, что было недостаточно для необходимой ему переписки со Страсбургским Судом. Фактически Суд получил несколько писем, в которых заявитель описывал трудности, которые он испытывал, пытаясь взять конверты у других заключенных. Суд, в свете вышеизложенных особых обстоятельств, и принимая во внимание то, что заявитель неоднократно излагал соответствующие просьбы, которые систематически отклонялись, постановил, что власти не выполнили своего позитивного обязательства предоставить заявителю все принадлежности, необходимые для переписки с Судом, нарушив, таким образом, Статью 8. Однако это не означает, что заключенные должны иметь неограниченное право на доступ к выбору письменных принадлежностей или что все затраты на корреспонденцию заключенных должно нести государство. Тем не менее, налагаемые ограничения не должны на практике ущемлять право на переписку. Позитивные обязательства также распространяются на предотвращение раскрытия частной переписки²¹³.

---

²¹³ Кракси против Италии №2 (*Craxi v. Italy* (no. 2)).

ЧАСТЬ IV – Избранные проблемные области

В данном разделе предлагается обзор применения Статьи 8 в трех проблемных областях: охрана окружающей среды, международное похищение детей и иммиграция. Они были выбраны, поскольку являются предметом растущей озабоченности Суда вследствие возрастающего количества соответствующих дел, попадающих на его рассмотрение.

Охрана окружающей среды в рамках Конвенции

Статья 8 и право на окружающую среду

Статья 8 применяется в различных делах, имеющих отношение к охране окружающей среды, однако всякий раз, когда речь идет об ухудшении экологической ситуации, это не свидетельствует о нарушении Статьи 8: право на охрану природы как таковое не входит в перечень прав и свобод, гарантируемых Конвенцией. В деле *Киртатос против Греции* (*Kyrtatos v Greece*) Суд отметил, что

«...ни Статья 8, ни другие статьи Конвенции не разработаны специально для обеспечения охраны окружающей среды как таковой; для этой конкретной цели более подходят иные международные инструменты и внутреннее законодательство».

Данное заявление, действительное и на сегодняшний день, предполагает очень осторожный подход к защите, в рамках Конвенции, прав отдельного человека на окружающую среду. Анализ практики Суда по данному вопросу показывает, что, с одной стороны, охрана окружающей среды представляет собой общий интерес, который, таким образом, может оправдывать вмешательство в осуществление определенных прав и свобод, закреплённых в Конвенции. Однако, с другой стороны, охрана окружающей среды также представляет собой и индивидуальный интерес, что влечет за собой возникновение ситуаций, где предусмотренные Конвенцией гарантии, в основном перечисленные в Статье 8, оказываются нарушенными вследствие плохого состояния окружающей среды.

В отношении первого аспекта Суд признает, что государства имеют широкие рамки усмотрения при соизмерении общих интересов сообщества и требований по защите основных прав отдельного человека. Национальным властям не нужно выдвигать «достаточные» причины, имея в виду практическое отсутствие менее болезненных мер, для достижения законной цели. Поэтому коллективный интерес в благоприятной окружающей среде представляет собой законную цель, оправдывающую ограничения прав отдельного человека, гарантированных Статьей 8. В деле *Бакли против Соединенного Королевства (Buckley v UK)* заявительница (гражданка Соединенного Королевства, цыганка по происхождению) проживала с тремя детьми в фургонках, находившихся на принадлежавшей ей земле. Когда семья сестры заявительницы получила индивидуальное временное разрешение на установку на соседнем участке жилого блока, состоящего из двух фургонов, заявительница обратилась в районный совет за разрешением с обратной силой на установку трех уже существующих фургонов на ее собственном участке. Ее заявление было отклонено по нескольким причинам, одной из которых было то, что планируемое использование данного участка будет нарушать сельский открытый пейзаж, что противоречит плану развития территории, согласно которому необходимо оберегать ее от

всяческой застройки, кроме той, которая крайне необходима. Отметив, что планы развития города и деревни подразумевают реализацию дискреционных прав при осуществлении политики, принятой в интересах сообщества, Суд признал, что государство имеет большую свободу усмотрения при определении лучшей стратегии или наиболее приемлемого индивидуального подхода к вопросам застройки, исходя из огромного множества местных факторов, влияющих на выбор и осуществление стратегии развития.

Статья 8 и право на здоровую окружающую среду

В Конвенции напрямую не предусмотрено право на чистую и спокойную среду проживания, но в тех случаях, когда отдельное лицо подвергается прямому и значительному воздействию шума или загрязнения окружающей среды, это может стать поводом для рассмотрения вопроса в рамках Статьи 8. Для этого вмешательство должно напрямую затрагивать жилище, семейную или частную жизнь заявителя. В деле *Фадеева против России (Fadeyeva v Russia)* Суд напомнил о том, что негативное влияние загрязнения окружающей среды подпадает под действие Статьи 8, если оно достигает определенного минимального уровня. Оценка данного минимума является относительной и зависит от конкретных фактов, в том числе от интенсивности, продолжительности и результатов вредного воздействия на физическое или психическое состояние человека. Во внимание также должна быть принята общая экологическая обстановка. Жалоба по Статье 8 будет считаться необоснованной в тех случаях, когда обжалуемый ущерб является ничтожным в сравнении с опасностью неблагоприятного воздействия окружающей среды, сопутствующего проживанию в любом современном городе. Поэтому для того, чтобы оказаться в сфере действия Статьи 8, жалобы на вредное воздействие окру-

жающей среды должны, во-первых, содержать свидетельства наличия непосредственного влияния на частную жизнь заявителя и, во-вторых, указание на то, что это влияние достигло опасного уровня. В деле *Морено Гомес против Испании (Moreno Gómez v Spain)* заявительница требовала признания нарушения ее права на уважение частной жизни, поскольку ее право на ночной сон в течение нескольких лет ущемлялось бездействием муниципальных властей Валенсии, которые отказывались положить конец беспорядкам в ночное время. Суд счёл, что заявительница проживала в районе, где ночная тишина, несомненно, регулярно нарушалась, особенно по выходным, и отметил, что муниципалитет мирился и даже способствовал систематическому нарушению им же установленных правил, позволяя превышение допустимого уровня шума в ночное время, что лишало заявительницу покоя в ее повседневной жизни. Суд постановил, что Испания не сумела выполнить свои позитивные обязательства по обеспечению соблюдения права заявительницы на уважение ее жилища и частной жизни в нарушение Статьи 8 Конвенции.

Для того чтобы признать ответственность государства по Статье 8, недостаточно только общего ухудшения условий окружающей среды. В деле *Куртатос против Греции (Kurtatos v Greece)*, в котором рассматривалось неисполнение властями двух судебных решений, аннулирующих разрешения на строительство зданий в непосредственной близости от места проживания заявителей, что стало причиной разрушения их физической среды проживания и негативно повлияло на их жизнь, Суд выделил два аспекта. Отклонив довод о том, что городские застройщики уничтожили болото, примыкавшее к участку жильцов, в результате чего место, где был расположен их дом, потеряло свою первозданную красоту, он заявил, что сильное загрязнение окружающей среды может оказывать негативное воздействие на благополучие отдельных граждан и мешать им полноценно пользоваться своим жилищами, что пагубно сказывается на их частной и семейной жизни даже в отсутствие се-

рьезной угрозы здоровью. Однако ссылка на Статью 8 правомерна только в том случае, если имеет место вредоносное воздействие на частную или семейную жизнь человека. В данных обстоятельствах Суд счел, что нарушения, имевшие место в непосредственной близости от места проживания заявителей в результате выполнения плана застройки района, не достигли достаточно серьезного уровня для того, чтобы подпасть под действие Статьи 8²¹⁴.

Отказ национальных властей выполнить судебные решения, защищающие право заявителей на уважение своей частной и семейной жизни, может повлечь за собой ответственность по Статье 8, поскольку он лишает процессуальные гарантии в пользу заявителей всякого практического смысла. Это было ключевым пунктом в деле *Ташкин против Турции (Taşkın v Turkey)*, где обжаловались действия акционерной компании с ограниченной ответственностью, получившей разрешение на ведение золотодобычи с использованием технологии, предполагавшей применение ядовитых веществ. В деле было признано нарушение Статьи 8, поскольку решения административного суда, аннулировавшие ранее выданные разрешения на основании угрозы здоровью населения, риска загрязнения подземных вод и разрушения местной экосистемы, не вступили в силу по прямому распоряжению Министерства окружающей среды и лесных ресурсов.

---

²¹⁴ Неисполнение решения о закрытии шумного компьютерного клуба поблизости от квартиры заявительницы привело к нарушению Статьи 8 в деле Милева и другие против Болгарии (*Mileva and others v. Bulgaria*).

Применение Статьи 8 в иммиграционных делах

Применение Статьи 8 в иммиграционных делах имеет особое значение, поскольку континентальная Европа и, в частности, ее приграничные области в последние годы стали местом массового притока экономических и вынужденных иммигрантов, которые все чаще и чаще направляют в Суд жалобы относительно своего статуса, таким образом стимулируя развитие стандартов в области прав человека. Сталкиваясь с большим количеством дел, касающихся статуса иностранных граждан, проживающих длительное время в других странах, Суд, при определении сферы применения Статьи 8, признал возможные последствия влияния подобных ситуаций на права человека. Это оказало очевидное влияние на состояние легальных и нелегальных иммигрантов, проживающих в странах-членах Совета Европы. Принимая во внимание то, что в последние годы многие европейские страны пытались ограничить не только право въезда на свою территорию, но и, что важнее, право на официальное закрепление статуса личности на иностранной территории, позиция Суда представляет особый интерес, поскольку отражает значительные изменения, происходящие в обществе из-за вхождения в него новых «игроков». Из первоначального применения статьи Комиссией было ясно, что ни одна жалоба на отказ в разрешении на воссоединение семьи в принимающей стране не имела никаких шансов на удовлетворение, поскольку предполагалось, что иностранцы будут налаживать семейную жизнь в своей стране, а не в стране въезда²¹⁵. Однако, будучи живым инструментом, концепция семейной жизни в рамках Конвенции эволюционировала за прошедшие годы, распространившись на многие проблемы, связанные с иммиграцией, которые изначально были оставлены за

---

²¹⁵ X и Y против Лихтенштейна (*X and Y v. Liechtenstein*), (реш.).

рамками Конвенции по политическим причинам²¹⁶. Быстрый характер изменений в применении понятия семейной жизни представляет интерес для данной работы в том отношении, что Конвенция становится инструментом защиты, в частности, статуса долговременного жителя для иммигрантов второго поколения, которые либо родились в европейской стране, куда переехали их родители, либо прибыли в Европу в детском возрасте и никогда не возвращались в страну своего происхождения.

Выдворение и депортация

Предварительное заявление, которое Суд обычно делает в делах, связанных с вопросами иммиграции, касается признания за государствами «в соответствии с устоявшейся практикой международного права и взятыми на себя договорными обязательствами права контролировать въезд на свою территорию, проживание и депортацию иностранных граждан»²¹⁷. Анализ практики Суда, особенно последних нововведений, рассматриваемых ниже, показывает, что на практике Суд настаивает на изложении своей позиции относительно реализации данного права, особенно когда речь идет о проживании и высылке. В 1991 году Суд впервые столкнулся с просьбой рассмотреть вопрос о депортации иностранного гражданина с позиции Статьи 8²¹⁸. Однако лишь по прошествии десяти лет

---

²¹⁶ Здесь ссылка на право на политическое убежище.

²¹⁷ Эта стандартная формула была впервые использована в деле Мустахим против Бельгии (*Moustaquim v. Belgium*).

²¹⁸ См. вышеприведенное дело Мустахим против Бельгии. Несмотря на внушительный список судимостей заявителя, Суд пришёл к выводу о том, что имело место необоснованное вмешательство в осуществление права заявителя на пребывание со своими родителями, братьями и сёстрами, которые все родились в Бельгии. Почти одновременно в деле Круз-Варас против Швеции (*Cruz-Varas v. Sweden*) Суд распространил экстерриториальное применение Статьи 3, решение о котором было принято в деле Серинг против Соединенного Королевства (*Soering v. the United Kingdom*) об экстрадиции и депортации иностранных граждан.

страсбургские судьи вывели из этого положения обязательство государств по обеспечению возможности воссоединения семьи с ее членом, проживающим за границей²¹⁹. Недавние постановления показывают, что Суд вошел в новую фазу, предоставляя все больше и больше защиты правам иммигрантов. Первым в цепочке дел, иллюстрирующих эту тенденцию, является дело *Сливенко и другие против Латвии* (*Slivenko and others v. Latvia*), в котором была затронута сложная ситуация русскоговорящего меньшинства в прибалтийских государствах. Заявители, бывший офицер Советской армии и его семья, прожили в Латвии большую часть своей жизни. После того как их иск о праве проживания в соответствии с российско-латвийским соглашением от 1994 г. о выводе российских войск с латвийской территории был отклонен, они обжаловали депортацию в Европейском Суде. В отличие от дел, ранее рассматривавшихся в Страсбурге, поскольку высылке подверглась вся семья, нельзя было сказать, опираясь на предыдущую, устоявшуюся практику Суда, что в результате этого пострадала совместная семейная жизнь заявителей. Тем не менее, Суд своим решением признал депортацию нарушением Статьи 8, поскольку она нарушала частную жизнь заявителей и целостность их жилища. Поскольку заявители

«были высланы из страны, где, начиная с рождения, непрерывно развивались их личные, общественные и экономические связи, составляющие частную жизнь каждого человеческого существа [...], Суд не видит другой возможности, кроме признания депортации заявителей из Латвии вмешательством в их «частную жизнь» и «целостность их жилища» в тех значениях, в которых эти понятия употребляются в п.1 Статьи 8 Конвенции. [...]. Доводы заявителей о нарушении «семейной жизни» в отношении престарелых родителей заявительницы, взрослых людей, кото-

---

²¹⁹ Сен против Нидерландов (*Sen v. the Netherlands*).

рые не принадлежат к основной семье и, судя по отсутствию доказательств обратного, не являются иждивенцами семьи заявителей, недостаточно обоснованны».

Данное постановление, с одной стороны, ограничило понятие того, что всегда считалось «малой» или «основной семьей», состоящей из супругов и их несовершеннолетних детей, однако, с другой стороны, оно расширило область защиты по Статье 8, включив в понятие частной жизни гражданина все его социальные, личные и экономические связи.

Распоряжения о депортации могут основываться исключительно на сведениях, не раскрываемых заявителю, например, находящихся под грифом «секретно» или не подлежащих рассмотрению в рамках состязательного процесса в независимом органе власти или суде, способном полноценно изучить причины депортации и проверить доказательства по делу, при необходимости соблюдая требуемые ограничения на использование засекреченных сведений. В таких случаях Суд, скорее всего, признает нарушение принципа законности, изложенного в п.1 Статьи 8, согласно которому закон не обеспечил защиту против произвольных действий органов государственной власти²²⁰. Такие же выводы были бы сделаны в случаях, когда национальные суды ограничивались лишь формальной проверкой решения о депортации иностранца²²¹.

---

²²⁰ В следующих делах Суд установил, что национальное законодательство шло вразрез с принципом верховенства закона, если свобода усмотрения, предоставляемая исполнительной власти, была неограниченной: Муза и другие против Болгарии (*Musa and others v. Bulgaria*); Лупса против Румынии (*Lupsa v. Romania*); Кайя против Румынии (*Kaya v. Romania*); С.Г. и другие против Болгарии (*C.G. and others v. Bulgaria*).

²²¹ Каушал против Болгарии (*Kaushal v. Bulgaria*).

Выдворение вследствие осуждения в уголовном порядке: “критерии Бултифа” и их эволюция

Во многих случаях Суд рассматривал вопрос о возможном нарушении права на семейную жизнь в связи с выдворением из страны и депортацией иностранца, особенно из-за уголовной судимости, что стало препятствием к совместному проживанию членов его семьи. Вплоть до 2003 года Суд ограниченно выносил решения по делам, где главным препятствием к высылке были возникающие в этой связи трудности для супругов оставаться вместе и, в частности, для супруга/супруги и/или детей депортируемого проживать в стране его происхождения. Возможность прояснить этот противоречивый пункт представилась в деле *Бултиф против Швейцарии (Boultif v. Switzerland)*, в котором Суд вывел руководящие принципы, необходимые при оценке того, повлечет ли депортация иностранца, осужденного за уголовное преступление, нарушение его права на семейную жизнь. Суд сформулировал так называемые «критерии Бултифа» для проверки соразмерности предписания о депортации. Они включают в себя:

- ❖ тяжесть уголовного преступления;
- ❖ длительность пребывания в принимающей стране;
- ❖ время, истекшее с момента совершения преступления, и поведение осужденного в этот период;
- ❖ гражданство вовлеченных лиц;
- ❖ ситуация в семье заявителя;
- ❖ знал ли супруг/супруга заявителя о совершенном им преступлении, когда вступал/а с ним в брак;
- ❖ возраст детей;

- ❖ тяжесть положения и трудности, с которыми супруг/супруга заявителя, вероятно, столкнется в стране происхождения.

Прежде всего, Суд принял во внимание, какую степень опасности совершенное заявителем преступление представляло для общественного порядка и безопасности. В данной связи было отмечено, что до тюремного заключения заявитель прошёл обучение для работы официантом, а также работал маляром. Его поведение в тюрьме было безупречно, и он получил досрочное освобождение. Вернувшись в общество, заявитель проработал в течение двух лет с возможностью продления трудового договора. В результате, несмотря на то, что совершенное преступление (жестокое ограбление с порчей имущества) могло вызывать определенные опасения относительно возможной угрозы в будущем с его стороны общественному порядку и безопасности, обстоятельства дела де факто свели на нет подобные опасения. Далее в ходе анализа оценивалась возможность для заявителя и его жены, гражданки Швейцарии, наладить семейную жизнь в другой стране. Суд, прежде всего, продумал вопрос о совместном проживании пары в Алжире (стране происхождения заявителя). Несмотря на то, что его супруга владела французским языком и общалась по телефону со своей свекровью, проживающей в Алжире, сама она никогда там не жила, ее с этой страной ничто не связывало и она не говорила по-арабски. Поэтому оснований предполагать, что, в данных обстоятельствах, она последует за своим мужем в Алжир, не было. В качестве альтернативного варианта была рассмотрена Италия, где заявитель останавливался до въезда в Швейцарию и где он находился, хотя и нелегально, во время рассмотрения его дела в Страсбурге. По мнению Суда, не было установлено, что оба супруга, заявитель и его жена, смогут получить разрешение на законное пребывание на территории этой страны, а, следовательно, и наладить там семейную жизнь. Поэтому Суд пришёл к выводу о том, что

заявителю были созданы серьезные препятствия в налаживании семейной жизни. Продолжить семейную жизнь за пределами Швейцарии для него было практически невозможно. И это несмотря на то, что на момент, когда власти отказали ему в праве на продолжение проживания в стране, он представлял сравнительно небольшую угрозу общественному порядку. Поэтому решение швейцарских властей было признано несоразмерным вмешательством в семейную жизнь заявителя, которое нарушило Статью 8 Конвенции.

Претерпело ли семейное положение заявителя изменения в период между выдачей предписания о депортации и рассмотрением дела в Страсбурге, Суд определит позже, когда проведет оценку обстоятельств дела после того, как предписание станет окончательным. В деле *Онур против Соединенного Королевства (Onur v. the United Kingdom)* Суд не признал, что депортация заявителя, турецкого гражданина, осужденного за ограбление, нарушает положения Статьи 8, поскольку счел доказанным, что заявитель, его жена-британка и их малолетние дети смогут без особых трудностей устроиться в Турции. В связи с этим Суд адекватно оценил практические трудности, которые означал для заявителя и его супруги переезд в Турцию, но все же счел, что не было никаких доказательств того, что для них это было бы невозможно либо сопряжено с исключительными трудностями.

Однако в деле *Омоджуди против Соединенного Королевства (Omojudi v. United Kingdom)* Суд отметил, что жена заявителя покинула Нигерию взрослым человеком и поэтому, скорее всего, была бы способна вновь приспособиться к жизни в местных условиях, если бы ей пришлось вернуться туда вместе с заявителем. Однако она прожила в Великобритании двадцать шесть лет и у нее возникли прочные связи с этой страной. Двое ее младших детей родились и всю жизнь живут в Великобритании. Они уже вышли из возраста, когда дети легко адаптируются к переменам, и, по всей види-

мости, испытывали бы значительные трудности в случае переезда в Нигерию. Для старшего ребенка семьи переезд в Нигерию был бы практически невозможен.

Депортация заявителя, обвиненного в попытке изнасилования (по мнению Суда, данное преступление не является самым тяжким из всего спектра преступлений на сексуальной почве), совершенной после получения заявителем вида на жительство, не могла считаться пропорциональной преследуемой законной цели. Доводы в данном деле были аналогичны тем, что были приведены в мотивировочной части постановления Суда по делу *Бельджуди против Франции (Beldjoudi v. France)*. В деле *А. В. Хан против Соединенного Королевства (A.W. Khan v. the United Kingdom)* Суд ясно изложил свою позицию в отношении того, что тяжесть преступления должна всегда соотноситься с общим поведением заявителя и перечнем его судимостей, – обстоятельствами, которые являются основополагающими при определении угрозы подсудимого для общества и которым необходимо придавать такое же значение, как и прочим критериям.

Практика Суда, касающаяся депортации иностранных граждан, была пересмотрена Большой Палатой Европейского Суда в 2006 году в деле *Унер против Нидерландов (Üner v The Netherlands)*. Делая вывод, являлось ли решение о депортации нарушением права заявителя на уважение семейной жизни, Большая Палата доработала два критерия из тех, что уже излагались в деле *Бултиф*:

«...интересы и благополучие детей, в особенности серьезность трудностей, с которыми любой из детей заявителя, вероятно, столкнется в стране, куда его депортируют; а также прочность общественных, культурных и семейных связей со страной пребывания и страной назначения».

В отношении первого пункта Суд отметил следующее:

«...это уже отражено в существующей практике Суда [...] и соответствует рекомендации Комитета министров о правовом статусе лиц, которым позволено воссоединение с семьей²²²».

В отношении второго пункта:

«...несмотря на то, что заявитель по делу Бултиф прибыл в Швейцарию, будучи взрослым, позиция Суда такова, что «критерии Бултифа» тем более (*à plus forte raison*) применимы в делах, в которых заявители родились в стране пребывания или переехали в нее в раннем возрасте».

Причины такого подхода вытекают из предположения, что чем дольше человек проживает в какой-либо стране, тем крепче его связи с этой страной и слабее – со страной своего происхождения, особенно в тех случаях, когда иностранный гражданин прибывает в страну в раннем детстве и получает местное образование. Поэтому была признана необходимость гарантировать усиленную защиту частной жизни, особенно принимая во внимание то, что не все мигранты, вне зависимости от длительности своего пребывания в принимающей стране, непременно ведут семейную жизнь так, как она понимается в Статье 8. Поэтому, в зависимости от обстоятельств конкретного дела, Суд может сосредоточить своё внимание на индивидуальной социальной особенности проживающих имми-

---

²²² Парламентская Ассамблея Совета Европы рекомендовала, чтобы Комитет министров призвал государства-члены, среди прочего, гарантировать, что долговременные мигранты, родившиеся и выросшие в стране пребывания, не могут высылаться из страны ни при каких обстоятельствах. При том что Страсбургский Суд отклонил концепцию абсолютной защиты, подчеркивая необходимость устанавливать баланс интересов по Статье 8, он призвал должным образом принимать во внимание особенность положения тех, кто находится в стране пребывания с рождения.

грантов, чтобы установить, насколько депортация в результате судимости будет нарушать требования Конвенции²²³.

Суд продолжил развивать данную тему в еще одном решении Большой Палаты²²⁴, отметив, что «несмотря на то, что критерии, разработанные в ходе судебной практики Суда и подробно изложенные в постановлениях по делам Бултиф и Унер, предназначены для облегчения применения национальными судами Статьи 8 в делах о депортации, важность каждого соответствующего критерия будет неизбежно различаться в соответствии с обстоятельствами каждого конкретного дела [...]. В деле, подобном данному, где лицом, подлежащим депортации, является молодой человек, еще не создавший собственную семью, применимыми являются следующие критерии: характер и тяжесть преступления, совершенного заявителем; продолжительность пребывания заявителя в стране, из которой он или она должны быть высланы; время, прошедшее с момента совершения преступления, и поведение заявителя в течение этого периода; прочность общественных, культурных и семейных связей со страной пребывания и со страной назначения»²²⁵.

---

²²³ Маслов против Австрии (*Maslov v. Austria*), (БП).

²²⁴ Маслов против Австрии (*Maslov v. Austria*), (БП).

²²⁵ Возраст вовлечённого лица имеет некоторое значение при применении этих критериев, в частности, при оценке характера и серьёзности преступлений, т.к. в делах, связанных с несовершеннолетними, необходимо более снисходительное к ним отношение. См. также Якупович против Австрии (*Jakupovic v. Austria*).

Заявитель рассматриваемого дела въехал в Австрию в возрасте шести лет на законных основаниях. Он был депортирован, отбыв тюремное заключение сроком менее трех лет. Подчеркнув важность юного возраста, в котором заявитель совершил свои преступления (между четырнадцатью и пятнадцатью годами), и их ненасильственный характер, Суд, тем не менее, детально рассмотрел все применимые критерии и заключил, что

«предписание о выдворении, пусть даже на ограниченный период времени, было непропорциональным преследуемой законной цели «предотвратить возможность беспорядков или преступлений».

В случае наличия явных доказательств образцового поведения заявителя, направленного на реабилитацию и возвращение в общество после преступления, совершенного в несовершеннолетнем возрасте, Суд требует, чтобы государство предоставило веские доводы в поддержку заявления о том, что заявитель может угрожать порядку или оказаться вовлеченным в преступные действия, которые указывали бы на необходимость депортации в демократическом обществе²²⁶.

Вышеописанные дела ясно показывают, что при рассмотрении вопроса о соответствии депортации или выдворения уголовного преступника Конвенции, должное внимание следует уделять всем аспектам, и справедливый баланс должен быть достигнут. В конечном итоге решение сильно зависит от фактических обстоятельств дела. Например, в деле *Бенхебба против Франции (Benhebba v France)* иск заявителя был отклонён, поскольку Суд установил, что обжалованная мера была пропорцио-

---

²²⁶ А.А. против Соединенного Королевства (*A.A. v. the United Kingdom*). *

нальна преследуемым целям. Заявитель, действительно, являлся опасным рецидивистом, приговоренным за восьмилетний период к семи годам тюремного заключения. Несмотря на то, что он прибыл во Францию в возрасте двух лет, жил, работал и получил образование в этой стране, где также сформировалась основная часть его общественных и семейных связей, и у него не было никакой связи со страной происхождения, кроме гражданства, Суд все же счел, что связи между взрослыми людьми необязательно подпадают под действие Статьи 8 Конвенции, за исключением тех случаев, когда есть доказательства дополнительных форм зависимости, выходящих за рамки обычной эмоциональной привязанности. Несмотря на крепость связей заявителя со страной пребывания, и учитывая временный характер меры пресечения и тяжесть совершенных заявителем преступлений (торговля наркотиками), Суд постановил, что распоряжение о его временном выдворении может быть законным и необходимым для предотвращения нарушения порядка и совершения преступлений. Аналогично в деле *Грант против Соединенного Королевства (Grant v UK)*, несмотря на то, что преступления, совершенные заявителем во взрослом возрасте, не были особенно тяжкими, Суд придал большое значение тому факту, что заявитель продемонстрировал серьезную склонность к преступным действиям. И, напротив, в деле *Нунес против Норвегии (Nunez v Norway)* Суд отдал значительное преимущество благополучию детей и вынес предупреждение о признании нарушения Статьи 8 в случае, если заявительница будет депортирована и подвергнута запрету на въезд в страну в течение двух лет. Речь шла о гражданке Доминиканской Республики, въехавшей в Норвегию в возрасте двадцати двух лет. Будучи депортированной, она нарушила двухлетний запрет на повторный въезд, вернувшись в Норвегию спустя четыре месяца. Чтобы получить возможность въехать в страну, она намеренно сообщила ложную информацию о своей личности, своем предыдущем пребывании в Норвегии и имевшихся у нее судимостях и, таким образом, сумела получить временный

вид на жительство и разрешение на работу, на что не имела законных прав. Она жила и работала в Норвегии нелегально, поскольку повторно въехала в страну ранее установленного срока, и поэтому у нее не было причин считать, что ей удастся остаться в Норвегии на законных основаниях. В Норвегии у нее были отношения с другим гражданином Доминиканской Республики и двое детей. Рассматривая прежде всего интересы детей заявительницы, Суд отметил, что мисс Нунес была их основной попечительницей с момента рождения до 2007 года, когда право опеки было предоставлено их отцу. В дальнейшем, в соответствии с решением национального суда, дети остались бы в Норвегии, где они проживали с рождения и где проживал их отец, прочно обосновавшийся иммигрант. Кроме того, дети определенно испытывали страдания из-за разлучения родителей, в результате которого им пришлось переехать из дома матери в дом отца, а также из-за возможной депортации их матери. Им было бы сложно понять причины, по которым они были разлучены с матерью. Более того, несмотря на то, что мисс Нунес призналась в полиции, что вернулась в Норвегию незаконно, власти потребовали ее выдворения лишь спустя почти четыре года, что нельзя расценить как осуществление оперативного и действенного иммиграционного контроля. Приняв во внимание длительную и крепкую привязанность детей к своей матери, пережитый ими стресс, решение о предоставлении права опеки их отцу и длительность времени, потребовавшегося властям на депортацию мисс Нунес и вынесение запрета на ее возвращение в страну, Суд постановил, что «в конкретных и исключительных обстоятельствах ее дела» депортация мисс Нунес и двухлетний запрет на ее повторный въезд в страну оказали бы чрезмерно негативное влияние на ее детей. Поэтому такое решение не стало бы следствием справедливого баланса между заинтересованностью общества в обеспечении действенного иммиграционного контроля и необходимостью для мисс Нунес оставаться в Норвегии, чтобы поддерживать связь со своими детьми, как того требует Статья 8.

Право иммигрантов на воссоединение с семьями

Конвенция в прямой форме не предусматривает право на воссоединение с семьей, а также не требует от государств уважать выбор места для семейного проживания, предоставлять семьям возможность воссоединиться на своей территории или гарантировать гражданам право на выбор наиболее удобного места для налаживания семейной жизни²²⁷. Однако обязательства государства в отношении определенных аспектов семейной жизни возникают в некоторых обстоятельствах, подобных тем, что описаны выше. Позитивное обязательство государств обеспечить соблюдение прав мигрантов на воссоединение с членами своих семей становится весьма жестким, когда заявитель может доказать наличие непреодолимых объективных препятствий к налаживанию своей семейной жизни где-либо ещё. В данном контексте Суд будет также принимать во внимание причины выезда из страны происхождения без других членов своей семьи: бегство от войны и/или поиск убежища обычно считаются вескими доводами²²⁸. Суд признал разумным в соответствии со Статьей 8 требование показать наличие достаточного, независимого и продолжительного источника дохода или способность покрывать минимальные затраты на содержание членов семьи, к воссоединению с которыми стремится заявитель²²⁹.

---

²²⁷ Гюль против Швейцарии (*Gül v. Switzerland*).

²²⁸ Туквабо-Текле и другие против Нидерландов (*Tuquabo-Tekle and others v. the Netherlands*).

²²⁹ Хайдари и другие против Нидерландов (*Haydarie and others v. the Netherlands*), (реш.).

Первым делом о воссоединении семьи, рассмотренным Судом, стало дело *Абдулазиз, Кабалес и Балкандали против Соединенного Королевства* (*Abdulaziz, Cabales and Balkandali v. the United Kingdom*). Жалоба была подана тремя мигрантами, постоянно и легально проживающими на территории Соединенного Королевства, чьим мужьями было отказано в разрешении остаться с ними или присоединиться к ним на территории Великобритании вследствие ужесточения Министерством внутренних дел иммиграционных правил, касающихся въезда и проживания мужей или женихов с целью воссоединения со своей партнершей, постоянно проживающей в Великобритании. Ранее любой мужчина, подававший прошение на въезд в страну на таких основаниях, обычно, по истечении квалификационного срока, получал вид на жительство. Однако после введения нового режима разрешение въехать в страну или остаться в ней стало, как правило, выдаваться только супругам граждан Соединенного Королевства и женам иностранных мигрантов, постоянно проживающих в Великобритании. Главным доводом правительства перед Судом было то, что поскольку все три заявительницы могли переехать к своим мужьям в Португалию, на Филиппины и в Турцию соответственно, то на деле они требовали права на выбор страны проживания. В итоге Суд выявил нарушение в форме дискриминации между супругами женского и мужского пола, осуществляемой британским правительством, но не обнаружил в его действиях нарушения Статьи 8. Однако Суд не исключил, что Статья 8 может в определенных случаях налагать на государство обязательство разрешить въезд иностранного гражданина с целью воссоединения с семьей. Следовательно, возможность требовать осуществления права на воссоединение с семьей в соответствии со Статьей 8 зависит от особенностей конкретного дела, а именно от трудностей, с которыми придется столкнуться паре при налаживании семейной жизни за пределами страны пребывания.

В общем, можно сказать, что Суд всегда с большей готовностью защищал семейные права в связи с высылкой/депортацией, чем в связи с въездом. Так называемый подход «где-то в другом месте» (подразумевающий, что семье целесообразнее строить семейную жизнь в другой стране), был очень строго применён в деле *Гюль против Швейцарии (Gül v Switzerland)*, которое касалось подданного Турции, проживающего в Швейцарии на гуманитарных основаниях. Ходатайство заявителя о воссоединении с двумя его сыновьями в Швейцарии было отклонено на основании того, что его квартира была непригодна для их проживания и он не имел достаточно средств для того, чтобы содержать семью. По мнению Суда, заявитель взял на себя личную ответственность за прерывание своих семейных отношений, покинув Турцию, когда одному из сыновей было всего три месяца. То, что он несколько раз посещал сыновей в течение недавнего времени, доказывало, что его первоначальные причины поиска политического убежища в стране пребывания больше не соответствовали действительности. Кроме того, с точки зрения правительства, учитывая существование конвенции о социальном обеспечении между Швейцарией и Турцией, заявитель мог продолжать получать назначенную ему пенсию по инвалидности, если бы вернулся домой. Переезд жены заявителя в Турцию, страну, которую она посещала вместе с мужем в последнее время, был более затруднителен, но не было установлено то, что она не смогла бы получать там необходимое ей медицинское обслуживание. И, несмотря на то, что заявитель и его жена проживали в Швейцарии на законных основаниях, у них не было права на постоянное жительство. Грубо говоря, не было никаких препятствий к тому, чтобы они могли наладить семейную жизнь в стране своего происхождения, где по-прежнему оставался их малолетний сын. Признавая, что семья Гюль находилась по-человечески в очень сложной ситуации, Суд постановил, что Швейцария не вмешивалась в семейную жизнь заявителя. Поэтому нарушения Статьи 8 установлено не было.

В деле *Ахмут против Нидерландов (Ahmut v The Netherlands)*²³⁰ Суд пришёл к выводу о том, что решение отца оставить ребенка в стране происхождения, устроив его в школу-интернат, свидетельствовало о том, что опекун был уверен в том, что там о его ребенке позаботятся должным образом, поэтому отказ государственных властей в предоставлении ему вида на жительство не являлся нарушением Статьи 8. Пять лет спустя после дела семьи Гюль Страсбургский Суд смягчил свой подход, обязав Договаривающуюся Сторону разрешать воссоединение с членом семьи, проживающим в стране происхождения.

В деле *Сен против Нидерландов (Sen v. the Netherlands)* заявители подали жалобу в связи с отказом в удовлетворении их ходатайства о предоставлении вида на жительство их дочери, что помешало ей воссоединиться с семьей (родителями и двумя другими детьми) в стране их пребывания. Суд признал, что власти Нидерландов несли позитивное обязательство разрешить девочке проживать с родителями на своей территории: несмотря на то, что на момент подачи заявления она была еще очень мала, вся ее предыдущая жизнь прошла в Турции и у нее были крепкие связи с языковым и культурным пространством своей страны, где у нее были родственники, а возвращение ее семьи в Турцию было практически невозможным. Первые два заявителя устроили семейную жизнь в Нидерландах, где уже много лет проживали на законных основаниях, и двое из их троих детей всегда жили в Нидерландах и ходили в местную школу. Поэтому интересы заявителей в воссоединении семьи должны быть поставлены выше интересов государства в осуществлении миграционного контроля.

---

²³⁰ Ахмут против Нидерландов (*Ahmut v. the Netherlands*).

Когда встает вопрос о воссоединении взрослых и детей, Европейский Суд обычно учитывает возраст детей, их положение в стране происхождения и степень зависимости от родителей. В деле *Туквабо-Текле против Нидерландов* (*Tuquabo-Tekle v The Netherlands*) Суд признал наличие у семьи «непреодолимого препятствия» в устройстве семейной жизни за пределами страны пребывания, поскольку мать, ходатайствовавшая о воссоединении с ребенком, оставшимся в стране происхождения, имела еще одного ребенка в стране пребывания, который здесь вырос. Приняв во внимание трудности, которые причинил бы второму ребенку переезд всей семьи в страну происхождения, Суд постановил, что воссоединение семьи в стране пребывания было бы наиболее адекватным решением для налаживания семейной жизни.

В том случае если о воссоединении семьи ходатайствует беженец или лицо, нуждающееся в международной защите, Комитет министров Совета Европы рекомендует рассматривать такие ходатайства «в положительном, гуманном и ускоренном режиме», обеспечивая объективный и независимый механизм пересмотра дела²³¹. Программы предоставления убежища, предписывающие обязательное проживание в определенном районе страны для обеспечения равномерного распределения беженцев внутри страны по экономическим соображениям, существенно затрудняющие поддержание семейных связей между двумя беженцами, были признаны нарушающими право на семейную жизнь в соответствии со Статьей 8²³².

---

²³¹ Рекомендация Комитета министров Совета Европы R (99) 23.

²³² Менгеша Кимфе против Швейцарии (*Mengsha Kimfe v. Switzerland*).

Условия предоставления вида на жительство и легализация долговременных нелегальных иммигрантов: применима ли Статья 8?

Условия выдачи видов на жительство и легализация долговременных нелегальных иммигрантов представляют собой последние вопросы, которые изучает Суд при практическом применении Статьи 8 в делах иммигрантов. Первым делом, в котором Суд расширил применение Статьи 8 в данном направлении, является дело *Аристимуньо Мендизабаль против Франции (Aristimuño Mendizabal v France)*. Заявительницей была гражданка Испании, получившая статус беженки во Франции в 1976 году. Этот статус впоследствии был отменен из-за политических изменений, произошедших на ее родине. Заявительница продолжала получать временные виды на жительство, длительность которых варьировалась от нескольких недель до года. В течение четырнадцати лет, которые были изучены Судом, она возобновляла вид на жительство в общей сложности шестьдесят девять раз. В конце концов, она получила *carte de séjour* (постоянный вид на жительство) в качестве работника из страны Евросоюза. Жалоба, поданная в Суд, не касалась ни препятствий к семейной жизни (ее муж, подозреваемый в принадлежности к баскской террористической группировке ЕТА, был ранее экстрадирован в Испанию), ни права остаться во Франции. Предметом жалобы были условия предоставления вида на жительство. В восьмидесятых и девяностых такой иск был бы, скорее всего, отклонен на основании неприемлемости *ratione materiae* – обстоятельств, связанных с предметом рассмотрения. Однако в 2006 году Суд занял другую позицию. Несмотря на то, что в вынесенном постановлении звучит лейтмотив Суда в подобных вопросах, а именно то, что Статья 8 Конвенции

«не гарантирует заинтересованным лицам право на конкретный тип вида на жительство (бессрочный, временный или иной), если только решение, предложенное властями, позволяет в полной мере осуществить их право на частную и семейную жизнь»,

было решено принять жалобу к рассмотрению ввиду шаткой и неопределенной ситуации, в которой заявительница находилась в течение длительного времени, и имевшей важные последствия для ее материального и психологического состояния (ненадежная и неопределенная занятость, сложность интеграции в общество, финансовые затруднения, невозможность открыть свое дело). Значение и возможные последствия данного постановления очевидны, несмотря на то, что Суд не проводил расширенного анализа аргументации на соразмерность, поскольку дело исчерпывающе иллюстрировало недостатки французской иммиграционной системы (отказ в виде на жительство – *carte de séjour* – был нарушением закона Европейского экономического сообщества).

Однако в деле *Сысоева против Латвии (Sisojeva v Latvia)* Большая Палата отклонила иск о том, что предложенная латвийскими властями легализация в виде продлеваемых временных видов на жительство, была недостаточной²³³:

«Статья 8 не может истолковываться как гарантирующая сама по себе право на определенный тип вида на жительство. В случаях, когда внутреннее законодательство предусматривает виды на жительство различных типов, Суд должен проанализировать юридические и практические последствия выдачи конкретного вида на жительство. Если документ позволяет держателю проживать на территории страны пребывания и свободно пользоваться правом на уважение своей

---

²³³ Заявители утверждали, что имеют безусловные права на проживание в соответствии с российско-латвийским договором о выводе войск.

частной и семейной жизни, выдача такого вида на жительство, в принципе, считается достаточной мерой, удовлетворяющей требованиям данного положения. В таких случаях Суд не уполномочен выносить решения о том, какой именно юридический статус должно получить заинтересованное лицо, оставляя выбор исключительно за властями конкретной страны».

Потенциал Статьи 8 в предоставлении долговременным нелегальным иммигрантам права на легализацию своего положения подчеркивался в деле *Rodrigues da Silva и Хоогкамер против Нидерландов* (*Rodrigues da Silva and Hoogkamer v The Netherlands*). Дело касалось типичного случая нелегальной иммиграции: первая заявительница въехала в страну по туристической визе, не вернувшись по истечении срока ее действия. Потом к ней присоединился сын. В отношениях с гражданином Нидерландов у нее родилась дочь (вторая заявительница). Дочь, признанная отцом, получила нидерландское гражданство. После ухудшения отношений право опеки получил отец на основании экспертного заключения, в соответствии с которым переезд из Нидерландов и разлука с отцом и его родителями нанесет ребенку психологическую травму. Заявительница, по сути дела, проявила небрежность, не позаботившись о своевременном узаконивании своего положения, находясь в определенных отношениях с отцом ребенка, и все ее дальнейшие ходатайства о получении вида на жительство были отклонены на том основании, что заявительница, работавшая нелегально, не платила налоги и отчисления в фонды социального страхования. Национальные суды постановили, что интересы экономического благополучия страны перевешивают право заявительницы на проживание в Нидерландах. Несмотря на распоряжение покинуть страну, первая заявительница продолжала проживать и работать в Нидерландах, заботясь о своей дочери поочередно с родителями ее отца. Она обратилась в Страсбургский Суд, утверждая, что отказ в предоставлении ей вида на жительство мог, наряду с прочим, стать причиной ее разлучения с дочерью, что является нарушением Статьи 8. Суд отметил, что фактическая материнская забота о ребенке может считаться достаточным основанием

для того, чтобы ситуация подпала под действие Статьи 8, поскольку понятие семейной жизни определяется скорее сутью отношений, чем их формой (опека над ребёнком). По существу дела Суд постановил, что депортация заявительницы имела бы далеко идущие последствия для её семейной жизни с малолетней дочерью (которой на тот момент было три года) и что интересы ребенка явно заключались в том, чтобы её мать осталась в Нидерландах. Поэтому Суд счёл, что интерес экономического благополучия страны не перевешивал права заявительниц по Статье 8, несмотря на то, что первая заявительница на момент рождения дочери проживала в Нидерландах нелегально. В своей аргументации Суд определил несколько общих стандартов для воссоединения семей, подобных «критериям Бултифа», разработанным в отношении выдворения и депортации иностранцев. Данные стандарты предусматривали необходимость принятия во внимание того,

«была ли семейная жизнь начата в то время, когда все заинтересованные лица осознавали, что иммиграционный статус одного из них будет означать, что дальнейшее протекание этой семейной жизни на территории страны пребывания с самого начала будет нестабильным».

Если ситуация такова, то,

«вероятно, депортация члена семьи, не имеющего гражданства, может быть признана нарушением Статьи 8 только в самых исключительных обстоятельствах».

Напомнив о том, что каждый, кто,

«не выполняя действующие положения, вступает в конфликт с властями Договаривающейся Стороны тем, что фактически присутствует на его территории, [...] не имеет оснований ожидать, что ему/ей будет дано право на проживание»,

Суд признал возможность исключений. При установлении баланса интересов сторон судьи Страсбургского Суда, в частности, отметили, что ребенок воспитывался совместно матерью и родителями отца и имел с ними очень крепкую связь. Поэтому депортация матери означала бы невозможность поддерживать регулярные контакты, что являлось бы серьезной проблемой. Суд тщательно взвесил далеко идущие последствия такого решения для семьи заявительницы и единогласно постановил, что оптимальные интересы ребенка состояли в том, что его мать должна остаться в Нидерландах, однозначно перевешивая доводы, на которые опирались национальные власти.

Взаимодействие Статьи 8 и Гагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей

Односторонний перевоз детей через границу, обычно совершаемый одним из родителей, а также их удержание за границей является аспектом глобализации, который вызывает растущую озабоченность и все чаще становится предметом рассмотрения Суда. Поскольку большинство стран, входящих в Совет Европы, также подписали Гагскую конвенцию 1980 г. о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей (далее Гагская конвенция), Суд все чаще сталкивается с прошениями изучить вопрос о совместимости с Конвенцией действий и/или бездействия, предпринятых в соответствии с Гагскими обязательствами. Гагская конвенция в основном содержит процессуальные нормы и не является материально-правовой основой для урегулирования вопросов опеки. Ее главная цель заключается в борьбе с незаконным вывозом и невозвращением детей из-за границы, в обеспечении скорейшего возвращения тех, кого незаконно удерживали или вывезли, в восстановлении прежнего положения и обеспечении того, чтобы во всех странах-участницах Гагской кон-

венции полностью осуществлялись права на опеку и общение с ребенком. Предотвращая произвольный выбор наиболее «удобного» суда, Гагская конвенция также является средством сдерживания для родителей. Несмотря на то, что Гагская конвенция находится вне пределов юрисдикции Страсбурга, по сути, механизмы Конвенции позволяют установить, вступают ли в противоречие внутренние решения, принятые на основании Гагской конвенции, с Европейской конвенцией о защите прав человека. В большинстве случаев поданные иски касаются соответствия решений национальных судов Статье 8 и шагов, предпринятых после похищения ребенка одним из родителей. Отсутствие на европейском уровне консенсуса о способах охраны детства и законности вмешательств привело к признанию широкой свободы усмотрения, которой обычно пользуются государства при рассмотрении подобных дел. Свобода маневра, однако, напрямую зависит от серьезности ситуации и от того, чьи интересы в ней затронуты: судя по всему, свобода усмотрения оказывается более широкой в обстоятельствах, имеющих отношение к необходимости помещения ребенка под общественную опеку, и более узкой, когда речь идет о праве на доступ или иных правовых гарантиях, необходимых для сохранения права на семейную жизнь.

С 1980 года до своего роспуска Комиссия рассмотрела только шесть дел, касавшихся Гагской конвенции. Ограниченное количество дел, рассмотренных Комиссией, не позволило вывести какую-либо тенденцию. Практика Суда за тот период свидетельствовала о том, что Комиссия довольно свободно толковала границы свободы усмотрения, ни разу не признав факта нарушения Конвенции. Напротив, многочисленные факты нарушений, обнаруженные Судом за последующее время, сложились в динамичную практику Суда, связанную с Гагской конвенцией 1980 г., и в основном касались исполнения судебных приказов о возвращении детей, прав опеки и доступа. В ходе рас-

смотрения дела *Иньякколо-Дзениде против Румынии (Ignaccolo-Zenide v Romania)* Суд пояснил, что Статья 8 Конвенции должна толковаться с учетом Гаагской конвенции 1980 г. (при условии, что государство, участвующее в разбирательстве, её ратифицировало²³⁴). Далее в деле *Бьянчи против Швейцарии (Bianchi v Switzerland)*, суть которого состояла в том, что похищение ребенка матерью стало препятствием к его воссоединению с отцом, Суд вынес решение о нарушении Швейцарией Статьи 8 вследствие непринятия адекватных мер по обеспечению выполнения целей и задач Гаагской конвенции 1980 г.. В деле *Монори против Венгрии и Румынии (Monory v Hungary and Romania)* Суд пошёл еще дальше, вмешавшись во внутрисударственное применение Гаагской конвенции и применив санкции в отношении национальных властей за неправильное применение Статьи 8. Центральное значение Гаагской конвенции настолько признается Судом, что он руководствуется ее принципами даже в тех случаях, когда национальные суды не ссылаются на Гаагскую конвенцию²³⁵.

В последнее время у Суда было много возможностей отметить позитивные обязательства, вытекающие из Статьи 8, в делах о похищении детей и трансграничных контактах. Суд признавал нарушения в тех случаях, когда государства не предпринимали всех необходимых мер для облегчения исполнения вынесенных на основе Гаагской конвенции предписаний о возвращении или не предпринимали немедленных действий по принудительному исполнению предписания о возвращении. И наоборот, иски родителей о том, что меры по исполнению таких предписаний, включая действия по принуждению, нарушают их права на семейную жизнь, отклонялись в связи с соблюдением высших

---

²³⁴ Байрамы против Албании (*Bajrami v. Albania*).

²³⁵ Иглесиас Хиль и А.У.И. против Испании (*Iglesias Gil and A.U.I. v. Spain*).

интересов ребенка, что является принципом, четко выработанным практикой Страсбургского Суда²³⁶. Судебное рассмотрение сосредотачивается на той части процедуры, которая может быть тщательно изучена *a posteriori*, как, например, старания властей; возможности, предоставленные заинтересованным лицам для защиты своих интересов; процессуальная справедливость; изложение достаточных и адекватных причин вмешательства в осуществление права на уважение семейной жизни. На практике Суд редко критиковал решения национальных властей по существу²³⁷.

Главным ориентиром в этом вопросе является недавнее постановление Большой Палаты по делу *Нойлингер и Шурук против Швейцарии (Neulinger and Shuruk v Switzerland)*, в котором Суд дал очень подробное и исчерпывающее определение принципа соблюдения высших интересов ребенка. Дело рассматривалось по заявлению матери и ее сына, родившегося в Израиле и незаконно вывезенного матерью из страны в двухлетнем возрасте. Отец мальчика стал требовать его возвращения, но мать аргументировала свой отказ тем, что сама она не могла вернуться в Израиль из-за риска судебного преследования и осуждения за похищение. Поэтому, если мальчику предстояло вернуться, то только одному. Поскольку он не видел отца в течение двух лет и поведение последнего было, по меньшей мере, спорным, это противоречило бы интересам ребенка. В конце концов, Федеральный суд, отменив предыдущие решения, приказал вернуть ребенка в течение девяти дней. В этом решении Фе-

---

²³⁶ Хокканен против Финляндии (*Hokkanen v. Finland*); Пини и Бертани, и Манера, и Атрипалди против Румынии (*Pini and Bertani and Manera and Atripaldi v. Romania*); Волески против Чехии (*Voleski v. the Czech Republic*); в деле Бове, в которых констатация нарушения была обусловлена либо изъятиями в национальном законодательстве, либо тем, что национальные власти не воспользовались механизмами Гаагской конвенции от 25 октября 1980 г.

²³⁷ Хаасе против Германии (*Haase v. Germany*).

деральный суд руководствовался тем, что исключения из принципа о возвращении, предусмотренные Гаагской конвенцией, должны были толковаться с ограничениями, а мать не представила необходимых доказательств возможного судебного преследования и отсутствия источника дохода в Израиле. В январе 2009 года Палата Суда вынесла постановление, признав большинством в один голос (четыре против трех), что в данном решении Статья 8 не была нарушена. В июле 2010 года Большая Палата, в которую дело было возвращено на повторное рассмотрение, опровергла сделанные выводы. Большая Палата рассмотрела все факты дела и все-таки предотвратила возвращение мальчика в Израиль. В этом деле самым важным фактором было время. Так же как и при рассмотрении предписаний о депортации, Суд исходил из фактического положения дел, учитывая ситуацию и интересы заявителей на момент пересмотра дела, которое происходило почти три года спустя после решения Федерального суда и пять лет после незаконного вывоза мальчика.

По сути, Суд ввел требования быстроты и тщательности, закрепленные в Гаагской конвенции, в свою практику по Статье 8, осознавая отрицательное и часто непоправимое влияние времени в ситуациях с похищением детей²³⁸. Однако в деле *Нойлингера и Шурука* не поднимался вопрос о недостатке усердия со стороны швейцарских или израильских властей. На самом деле большая часть времени была потрачена на рассмотрение дела в Страсбурге, сначала в одной из Палат, а потом – в Большой Палате. Очевидно, Суд счел, что было бы несправедливо заставлять заявителей отвечать за последствия такого промедления, поскольку у них не было возможности контролировать ситуацию. Ставя превыше всего интересы ребенка, Большая Палата приняла во внимание текущую ситуацию, в ко-

---

²³⁸ Сильвестр против Австрии (*Sylvester v. Austria*). В деле Мейр против Португалии (*Maire v. Portugal*) Суд пошел настолько далеко, что установил шестинедельный срок, по прошествии которого отсутствие действий дает право на подачу запроса о причинах задержки.

торой находился мальчик, и последствия, которые имело бы его возвращение. На другой чаше весов преимущества для ребенка вернуться без матери в нестабильную семейную обстановку в Израиле были мизерны. Большинством в шестнадцать голосов против одного Большая Палата постановила, что возвращение ребенка в Израиль не отвечало его интересам, так как, в случае принудительного исполнения решения Федерального суда, была бы нарушена Статья 8 Конвенции. Суд также подчеркнул, что в подобных делах национальные суды должны тщательно изучать всю семейную ситуацию и целый набор прочих факторов информативного, эмоционального, психологического, материального и медицинского свойства и давать взвешенную и обоснованную оценку интересов каждого из вовлеченных лиц, не упуская из виду намерение найти наилучшее решение для похищенного ребенка в контексте требования о его возвращении в страну происхождения. Руководствуясь принципами, выработанными по делу *Нойлингер и Шурук*, Суд не установил нарушений в деле *Рабан против Румынии (Raban v Romania)*²³⁹, решив, что национальный суд принял правильное решение, тщательно оценив успешную интеграцию детей в новое окружение в стране своей матери.

---

²³⁹ Просьба заявителя о передаче дела на рассмотрение в Большую Палату, неожиданно поддержанная двумя государствами (Германией и Соединенным Королевством, считавших, что данное дело могло иметь важные последствия в отношении позитивных обязательств, возможно несовместимых с Гаагской конвенцией) была отклонена.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

Дела приведены с датой принятия постановления или, соответственно, решения (реш.). Если в тексте есть ссылка и на решение, и на постановление, дата каждого документа приводится в алфавитном указателе. Дела, не завершённые к моменту написания книги, помечены звёздочкой. Пометка (БП) указывает на то, что постановление по делу принято Большой Палатой Суда.

За дополнительной информацией обращайтесь к электронной базе данных HUDOC на сайте: <http://hudoc.echr.coe.int/>

А

A, B, and C v. Ireland (GC) (А, В и С против Ирландии), (БП), 16 декабря 2010 г. **37, 93**

A. v. Croatia (А. против Хорватии), 14 октября 2010 г. **64, 137**

A.A. v. the United Kingdom (А.А. против Соединенного Королевства), 20 сентября 2011 г.* **65, 160**

A.W. Khan v. the United Kingdom (А.В. Хан против Соединенного Королевства), 12 января 2010 **157**

Abdulaziz, Cabales and Balkandali v. the United Kingdom (Абдулазиз, Кабалес и Балкандали против Соединенного Королевства), 28 мая 1985 г. **85, 164**

ADT v. the United Kingdom (ADT против Соединенного Королевства), 31 июля 2000 г. **82**

Ahmut v. the Netherlands (Ахмут против Нидерландов), 28 ноября 1996 г. **166**

- Albanese, Vitiello and Campagnano v. Italy (Альбанезе, Витьелло и Кампаньяно против Италии), 23 марта 2006 г. **65**
- Aliev v. Ukraine (Алиев против Украины), 29 апреля 2003 г. **89**
- Amman v. Switzerland (Амман против Швейцарии), 16 февраля 2000 г. **32**
- Anayo v. Germany (Анайо против Германии), 21 декабря 2010 г. **40**
- Andreou Papi v. Turkey (Андреу Папи против Турции), (реш.), 26 сентября 2002 г. **58**
- Aristimuño Mendizabal v. France (Аристимуньо Мендизабаль против Франции), 17 января 2006 г. **168**
- Association 21 December 1989 and others v. Romania (Ассоциация 21 декабря 1989 г. и другие против Румынии), 24 мая 2011 г. **31**
- Association for European Integration and Human Rights and Ekimdzhev v. Bulgaria (Ассоциация Европейской интеграции и прав человека и Экимджиев против Болгарии), 28 июня 2007 г. **75**

В

- V. v. France (В. против Франции), 25 марта 1992 г. **27, 117**
- V.C. v. Switzerland (В.С. против Швейцарии), (реш.), 27 ноября 1995 г. **60**
- Babylonová v. Slovakia (Бабилонова против Словакии), 20 июня 2006 г. **65**
- Backlung v. Finland (Баклунг против Финляндии), 6 июля 2010 г. **40**
- Vajrami v. Albania (Байрамы против Албании), 12 декабря 2006 г. **174**
- Beard v. the United Kingdom (GC) (Беард против Соединенного Королевства), (БП), 18 января 2001 г. **12**
- Beldjoudi v. France (Бельджуди против Франции), 26 марта 1992 г. **157**
- Benhebba v. France (Бенхебба против Франции), 10 июля 2003 г. **160**
- Bensaid v. the United Kingdom (Бенсаид против Соединенного Королевства), (реш.), 25 января 2000 г. **42**

- Berrehab v. the Netherlands (Беррехаб против Нидерландов), 21 июня 1988 г. **51, 54, 81**
- Behacqua and S. v. Bulgaria (Беваква и S. против Болгарии), 12 июня 2008 г. **136**
- Bianchi v. Switzerland (Бьянчи против Швейцарии), 22 июня 2006 г. **174**
- Bigaeva v. Greece (Бигаева против Греции), 28 мая 2009 г. **17**
- Boso v. Italy (Бозо против Италии), (реш.), 5 сентября 2002 г. **38**
- Botta v. Italy (Ботта против Италии), 24 февраля 1998 г. **21**
- Boughanemi v. France (Буганеми против Франции), 24 апреля 1996 г. **49, 52, 54**
- Boultif v. Switzerland (Бултиф против Швейцарии), 2 августа 2001 г. **154-159, 171**
- Bove v. Italy (Бове против Италии), 30 июня 2005 г. **135, 175**
- Boyle v. the United Kingdom (Бойл против Соединенного Королевства), 9 февраля 1993 г. **49**
- Brândușe v. Romania (Брэндуше против Румынии), 7 апреля 2009 г. **64, 126**
- Bruggeman and Scheuten v. Germany (Брюггеман и Шойтен против Германии), (реш.), 19 мая 1976 г. **25, 37**
- Buckley v. the United Kingdom (Бакли против Соединенного Королевства), 26 августа 1996 г. **57-58, 63, 80, 146**
- Burghartz v. Switzerland (Бургхартц против Швейцарии), 22 февраля 1994 г. **27**
- Bykov v. Russia (GC) (Быков против России), (БП) 10 марта 2009 г. **63**

С

- S.G. and others v. Bulgaria (С.Г. и другие против Болгарии), 24 апреля 2008 г. **153**
- Camenzind v. Switzerland (Каменцинд против Швейцарии), 27 февраля 1985 г. **60**
- Campbell and Fell v. the United Kingdom (Кэмпбелл и Фелл против Соединенного Королевства), 28 июня 1984 г. **63**

- Chapman v. the United Kingdom (GC) (Чэпмэн против Соединенного Королевства), (БП) , 18 января 2001 г. **12, 28, 57, 139**
- Chappell v. the United Kingdom (Чаппел против Соединенного Королевства), 30 марта 1989 г. **63, 83**
- Chave nee Jullien v. France (Шав, урожд. Жюльен, против Франции), (реш.), 9 июля 1991 г. **32**
- Chelu v. Romania (Келу против Румынии), 12 января 2010 г. **57**
- Christie v. the United Kingdom (Кристи против Соединенного Королевства), (реш.), 27 июня 1994 г. **59**
- Ciubotaru v. Moldova (Чуботару против Молдовы), 27 апреля 2010 г. **28**
- Codarcea v. Romania (Кодарча против Румынии), 2 июня 2009 г. **64, 114**
- Copland v. the United Kingdom (Копланд против Соединенного Королевства), 3 апреля 2007 г. **36, 60**
- Costello-Roberts v. the United Kingdom (Костелло-Робертс против Соединенного Королевства), 25 марта 1993 г. **17, 43**
- Coster v. the United Kingdom (GC) (Костер против Соединенного Королевства), (БП), 18 января 2001 г. **12**
- Cotlet v. Romania (Котлец против Румынии), 3 июня 2003 г. **144**
- Craxi v. Italy (no. 2) (Кракси против Италии № 2), 17 июля 2003 г. **89, 144**
- Cruz-Varas v. Sweden (Круз-Варас против Швеции), 20 марта 1991 г. **151**
- Cyprus v. Turkey (GC) (Кипр против Турции), (БП), 10 мая 2001 г. **63**
- D**
- Dadouch v. Malta (Дадуш против Мальты), 20 июля 2010 г. **18**
- Dankevich v. Ukraine (Данкевич против Украины), 29 апреля 2003 г. **89**
- Deés v. Hungary (Дееш против Венгрии), 9 ноября 2010 г. **141**

Demades v. Turkey (Демадес против Турции), (реш.), 24 августа 1999 г. **56**
Demopoulos and others v. Turkey (GC) (Демопулос и другие против Турции), (БП), 1 марта 2010 г. **58**
Dickson v. the United Kingdom (Диксон против Соединенного Королевства), 18 апреля 2006 г. **39, 88**
Doorson v. the Netherlands (Доорсон против Нидерландов), 26 марта 1996 г. **89**
Dubetska and others v. Ukraine (Дубецкая и другие против Украины), 10 февраля 2011 г. **128**
Dudgeon v. the United Kingdom (Даджен против Соединенного Королевства), 22 октября 1981 г. **25, 82, 108**

Е

E.B. v. France (E.B. против Франции), 22 января 2008 г. **13, 22**
E.S. and others v. Slovakia (E.S. и другие против Словакии), 15 сентября 2009 г. **45, 136**
Ebcin v. Turkey (Эбсин против Турции), 1 февраля 2011 г. **47**
Elli Poluhas Dödsbo v. Sweden (Элли Полухас Доодзбо против Швеции), реш. 2 сентября 2004 г., постановление 17 января 2006 г. **24, 87**
Enea v. Italy (GC) (Энеа против Италии), (БП), 17 сентября 2009 г. **73**
Erdem v. Germany (Эрдем против Германии), 5 июля 2001 г. **88**
Eriksson v. Sweden (Эрикссон против Швеции), 22 июня 1989 г. **71**
Ernst and others v. Belgium (Эрнст и другие против Бельгии), 15 июля 2003 г. **86**
Estate of Kresten Filtenborg Mortensen v. Denmark (Управление наследством Крестена Фильтенборга Мортенсена против Дании), (реш.), 15 мая 2006 г. **20**
Evans v. the United Kingdom (GC) (Эванс против Соединенного Королевства), (БП), 10 апреля 2007 г. **38, 87**

F

Fadeyeva v. Russia (Фадеева против России), 9 июня 2005 г. **122, 147**

Florea v. Romania (Флорья против Румынии), 14 сентября 2010 г. **43**

Foka v. Turkey (Фока против Турции), 24 июня 2008 г. **34**

Frérot v. France (Фреро против Франции), 12 июня 2007 г. **61**

Frette v. France (Фретте против Франции), (реш.), 12 июня 2001 г. **22**

Friedl v. Austria (Фридль против Австрии), 26 января 1995 г. **89**

Friend and Contryside Alliance and others v. the United Kingdom (Френд и Кантрисайд Эллайанс и другие против Соединенного Королевства), (реш.), 24 ноября 2009 г. **22, 58**

Funke v. France (Функе против Франции), 25 февраля 1993 г. **63**

G

G. v. the Netherlands (G. против Нидерландов), 8 февраля 1993 г. **53**

G.C. v. Bulgaria (G.C. против Болгарии), 24 апреля 2008 г. **78**

Gardel v. France (Гардель против Франции), 17 декабря 2009 г. **103**

Gaskin v. the United Kingdom (Гаскин против Соединенного Королевства), 7 июля 1989 г. **119-120**

Genovese v. Malta (Дженовезе против Мальты), 11 октября 2011 г.* **18**

Georgi Nikolaishvili v. Georgia (Георгий Николаишвили против Грузии), 13 января 2009 г. **29**

Giacomelli v. Italy (Джакомелли против Италии), 2 ноября 2006 г. **123**

Gillan and Quinton v. the United Kingdom (Гиллан и Куинтон против Соединенного Королевства), 12 января 2010 г. **34, 76**

- Gillow v. the United Kingdom (Гиллоу против Соединенного Королевства), реш. 9 декабря 1992 г., постановление 24 ноября 1986 г. **56, 80**
- Girard v. France (Жирар против Франции), 30 июня 2011 г. **24**
- Glass v. the United Kingdom (Гласс против Соединенного Королевства), 9 марта 2004 г. **42**
- Gnahore v. France (Ньяоре против Франции), 19 сентября 2000 г. **93**
- Goodwin v. the United Kingdom (GC) (Гудвин против Соединенного Королевства), (БП), 11 июля 2000 г. **117, 130**
- Grant v. the United Kingdom (Грант против Соединенного Королевства), 8 января 2009 г. **161**
- Guerra and others v. Italy (GC) (Гуерра и другие против Италии), (БП), 19 февраля 1998 г. **12, 123-124**
- Guillot v. France (Гийо против Франции), 24 октября 1996 г. **27**
- Gül v. Switzerland (Гюль против Швейцарии), 19 февраля 1996 г. **163-166**
- Gülmez v. Turkey (Гюльмез против Турции), 20 мая 2008 г. **74**
- Gurgenidze v. Georgia (Гургенидзе против Грузии), 17 октября 2006 г. **29**

Н

- Haas v. Switzerland (Хаас против Швейцарии), 20 января 2011 г. **12**
- Haase v. Germany (Хаасе против Германии), 8 апреля 2004 г. **175**
- Nadri-Vionnet v. Switzerland (Адри-Вионне против Швейцарии), (реш.), 2 мая 2006 г. **24**
- Haiduová v. Slovakia (Гайдуова против Словакии), 30 ноября 2010 г. **137**
- Halford v. the United Kingdom (Хэлфорд против Соединенного Королевства), 25 июня 1997 г. **60**
- Handyside v. the United Kingdom (Хендисайд против Соединенного Королевства), 7 декабря 1976 г. **84-85**
- Naralambie v. Romania (Хараламбие против Румынии), 27 октября 2009 г. **33, 64**

- Hartung v. France (Хартунг против Франции), (реш.), 13 ноября 2009 г. **57**
- Hatton and others v. the United Kingdom (GC) (Хэттон и другие против Соединенного Королевства), (БП), 8 июля 2003 г. **12, 81, 108, 140**
- Haydarie and others v. the Netherlands (Хайдари и другие против Нидерландов), (реш.), 20 октября 2005 г. **163**
- Hendriks v. the Netherlands (Хендрикс против Нидерландов), 8 марта 1982 г. **54**
- Hokkanen v. Finland (Хокканен против Финляндии), 24 августа 1994 г. **175**

I, J

- I. v. Finland (I. против Финляндии), 17 июля 2008 г. **65**
- I. v. the United Kingdom (I. против Соединенного Королевства), 11 июля 2002 г. **117, 130**
- Iglesias Gil and A.U.I. v. Spain (Иглесиас Хиль и A.U.I. против Испании), 29 апреля 2003 г. **174**
- Ignaccolo-Zenide v. Romania (Иньякколо-Дзениде против Румынии), 25 января 2000 г. **174**
- Jäggi v. Switzerland (Йагги против Швейцарии), 13 июля 2006 г. **40**
- Jakupovic v. Austria (Якупович против Австрии), 6 февраля 2003 г. **159**
- Jalloh v. Germany (GC) (Яллох против Германии), (БП), 11 июля 2006 г. **42-43**
- Jane Smith v. the United Kingdom (GC) (Джейн Смит против Соединенного Королевства), (БП), 18 января 2001 г. **12**
- Jankauskas v. Lithuania (Янкаускас против Литвы), 24 февраля 2005 г. **88**
- Janković v. Croatia (Янкович против Хорватии), 5 марта 2009 г. **114**
- Johnston v. Ireland (Джонстон против Ирландии), 18 декабря 1986 г. **51**
- Jolie and Lebrun v. Belgium (Жоли и Лебрюн против Бельгии), 14 мая 1986 г. **50**

К

- K. and T. v. Finland (GC) (К. и Т. против Финляндии), (БП), 12 июля 2001 г. **133**
- K.A. and A.D. v. Belgium (К.А. и А.Д. против Бельгии), (реш.), 15 сентября 2003 г. **26**
- K.A. v. Finland (К.А. против Финляндии), 14 января 2003 г. **93, 135**
- K.U. v. Finland (К.У. против Финляндии), 2 декабря 2008 г. **138**
- Karassev v. Finland (Карасев против Финляндии), (реш.), 12 января 1999 г. **18**
- Kaushal v. Bulgaria (Каушал против Болгарии), 2 сентября 2010 г. **153**
- Kaya v. Romania (Кайя против Румынии), 12 октября 2006 г. **153**
- Keegan v. Ireland (Киган против Ирландии), 26 мая 1994 г. **52**
- Keegan v. the United Kingdom (Киган против Соединенного Королевства), 18 июля 2006 г. **82**
- Kennedy v. the United Kingdom (Кеннеди против Соединенного Королевства), 18 мая 2008 г. **66**
- Kerkhoven and Hinke v. the Netherlands (Керкховен и Хинке против Нидерландов), 19 мая 1992 г. **19**
- Khokhlich v. Ukraine (Хохлич против Украины), 29 апреля 2003 г. **89**
- Klass v. Germany (Класс против Германии), 22 сентября 1993 г. **13, 59, 63, 66, 79, 98**
- Kopp v. Switzerland (Копп против Швейцарии), 25 марта 1998 г. **60**
- Kruskovic v. Croatia (Крушкович против Хорватии), 21 июня 2011 г. **120**
- Kutzner v. Germany (Кутцнер против Германии), 26 февраля 2002 г. **93**
- Kuznetsov v. Ukraine (Кузнецов против Украины), 29 апреля 2003 г. **89**
- Kyrtatos v. Greece (Киртатос против Греции), 22 мая 2003 г. **145, 148**

L

- L. v. Lithuania (L. против Литвы), 11 сентября 2007 г. **118**
- L.C.B. v. the United Kingdom (L.C.B. против Соединенного Королевства), 9 июня 1998 г. **125**
- L.L. v. France (L.L. против Франции), 10 октября 2006 г. **90**
- Laskey, Jaggard and Brown v. the United Kingdom (Ласки, Джаггард и Браун против Соединенного Королевства), (реш.), 18 января 1995 г. **25, 82**
- Leander v. Sweden (Леандер против Швеции), 26 марта 1987 г. **32, 63, 79**
- Lee v. the United Kingdom (GC) (Ли против Соединенного Королевства), (БП), 18 января 2001 г. **12**
- Liberty and other organizations v. the United Kingdom («Либерти» и другие организации против Соединенного Королевства), 1 июля 2008 г. **75**
- Liu and Liu v. Russia (Лю и Лю против России), 6 декабря 2007 г. **78**
- Loisidou v. Turkey (Луизиду против Турции), 18 декабря 1996 г. **59**
- López Ostra v. Spain (Лопез Остра против Испании), 9 декабря 1994 г. **12, 43, 111, 123, 140**
- Luordo v. Italy (Луордо против Италии), 17 июля 2003 г. **84**
- Lupsa v. Romania (Лупса против Румынии), 8 июня 2006 г. **153**

M

- M. v. Switzerland (M. против Швейцарии), 26 апреля 2011 г. **65, 91**
- M.C. v. Bulgaria (M.C. против Болгарии), 4 декабря 2003 г. **43**
- M.S. v. Sweden (M.S. против Швеции), 27 августа 1997 г. **33, 86**
- Maire v. Portugal (Мейр против Португалии), 26 июня 2003 г. **176**
- Malone v. the United Kingdom (Малоун против Соединенного Королевства), 2 августа 1984 г. **59, 66, 70**

- Marckx v. Belgium (Маркс против Бельгии), 13 июня 1979 г. **49, 51, 112, 129**
- Margareta and Roger Andersson v. Sweden (Маргарета и Роджер Андерссон против Швеции), 25 февраля 1992 г. **54, 59, 83**
- Maslov v. Austria (GC) (Маслов против Австрии), (БП), 23 июня 2008 г. **159**
- Matter v. Slovakia (Маттер против Словакии), 5 июля 1999 г. **42, 65**
- McCann v. the United Kingdom (Макканн против Соединенного Королевства), 13 мая 2008 г. **56**
- McGinley and Egan v. the United Kingdom (МакГинли и Иган против Соединенного Королевства), 9 июня 1998 г. **124**
- McKay-Korecka v. Poland (Маккей-Копецка против Польши), (реш.), 19 сентября 2006 г. **56**
- Mengeshu Kimfe v. Switzerland (Менгеша Кимфе против Швейцарии), 29 июля 2010 г. **167**
- Menteş and others v. Turkey (Ментеш и другие против Турции), (реш.), 9 января 1995 г. **56**
- Merger and Gross v. France (Мержер и Кросс против Франции), 22 декабря 2004 г. **50**
- Messina (no. 2) v. Italy (Мессина №2 против Италии), 28 сентября 2000 г. **88**
- Mianowski v. Poland (Миановски против Польши), 16 декабря 2003 г. **73**
- Mikulić v. Croatia (Микулич против Хорватии), 7 февраля 2002 г. **40, 100**
- Mileva and others v. Bulgaria (Милева и другие против Болгарии), 25 ноября 2010 г. **149**
- Mizzi v. Malta (Мицци против Мальты), 12 января 2006 г. **99**
- Moldovan and others v. Romania (no. 2) (Молдован и другие против Румынии № 2), 12 июля 2005 г. **57, 142**
- Monory v. Romania and Hungary (Монори против Румынии и Венгрии), 5 апреля 2005 г. **174**
- Moreno Gómez v. Spain (Морено Гомес против Испании), 16 ноября 2004 г. **140, 148**
- Moretti and Benedetti v. Italy (Моретти и Бенедетти против Италии), 27 апреля 2010 г. **135**
- Mosley v. the United Kingdom (Мозли против Соединенного Королевства), 10 мая 2011 г. **29, 121**
- Moustaquim v. Belgium (Мустаким против Бельгии), 18 февраля 1991 г. **151**

Murrey v. the United Kingdom (Мюррей против Соединенного Королевства), 28 октября 1994 г. **32, 63**
Musa and others v. Bulgaria (Муза и другие против Болгарии), 11 января 2007 г. **153**
Muscio v. Italy (Мушо против Италии), (реш.), 13 ноября 2007 г. **60**
Mustafa and Armagan Akin v. Turkey (Мустафа и Армаган Акин против Турции), 6 апреля 2010 г. **133**

N

Narinen v. Finland (Наринен против Финляндии), 1 июня 2004 г. **59**
Nazarenko v. Ukraine (Назаренко против Украины), 29 апреля 2003 г. **89**
Negrepontis-Giannisis v. Greece (Негрепонтис-Гианнисис против Греции), 3 мая 2011 г. **102**
Neulinger and Shuruk v. Switzerland (GC) (Нойлингер и Шурук против Швейцарии), (БП), 6 июля 2010 г. **175-177**
Niedbala v. Poland (Недбала против Польши), 4 июля 2000 г. **73**
Niemetz v. Germany (Нимитц против Германии), 16 декабря 1992 г. **21, 35, 56**
Nnyanzi v. the United Kingdom (Нньянзи против Соединенного Королевства), 8 апреля 2008 г. **78**
Norris v. Ireland (Норрис против Ирландии), 26 октября 1988 г. **63, 67**
Novoseletskiy v. Ukraine (Новоселецкий против Украины), 22 февраля 2005 г. **139**
Nunez v. Norway (Нунес против Норвегии), 28 июня 2011 г. **161-162**

O

Obst v. Germany (Обст против Германии), 23 сентября 2010 г. **105-106**
Odievre v. France (GC) (Одиевр против Франции), (БП), 13 февраля 2003 г. **100**
Olsson v. Sweden (Олссон против Швеции), 24 марта 1988 г. **49, 62, 71, 93, 131**

- Omojudi v. the United Kingdom (Омоджуди против Соединенного Королевства), 24 ноября 2009 г. **156**
Öneryıldız v. Turkey (Онерылдыз против Турции), 30 ноября 2004 г. **124**
Onur v. the United Kingdom (Онур против Соединенного Королевства), 17 февраля 2009 г. **156**
Özpinar v. Turkey (Озпынар против Турции), 19 октября 2010 г. **64, 105-108**

P, Q, R

- P.G. and J.H. v. the United Kingdom (P.G. и J.H. против Соединенного Королевства), 25 сентября 2001 г. **34, 59, 76**
Panullo and Forte v. France (Панулло и Форте против Франции), 30 октября 2001 г. **24**
Pawlik v. Poland (Павлик против Польши), 19 июня 2007 г. **135**
Peck v. the United Kingdom (Пэк против Соединенного Королевства), 28 января 2003 г. **32, 90**
Peev v. Bulgaria (Пеев против Болгарии), 26 июля 2007 г. **36**
Petrina v. Romania (Петрина против Румынии), 14 октября 2008 г. **30, 90**
Pfeifer v. Austria (Пфайфер против Австрии), 15 ноября 2007 г. **30**
Phinikaridou v. Cyprus (Финикариду против Кипра), 20 декабря 2007 г. **131**
Pini and Bertani and Manera and Atripaldi v. Romania (Пини и Бертани, и Манера, и Атрипалди против Румынии), 22 июня 2004 г. **175**
Pla and Puncernau v. Andorra (Пла и Пунсернау против Андорры), 13 июля 2004 г. **50**
Ploski v. Poland (Плоски против Польши), 12 ноября 2002 г. **88**
Poltoratskiy v. Ukraine (Полторацкий против Украины), 29 апреля 2003 г. **89**
Powell and Rayner v. the United Kingdom (Пауэлл и Рейнер против Соединенного Королевства), 21 февраля 1990 г. **12, 110**

- Pretty v. the United Kingdom (Претти против Соединенного Королевства), 29 апреля 2002 г. **23, 26**
- Prokhorovich v. Russia (Прокопович против России), (реш.), 8 января 2004 г. **56, 58**
- R. v. Finland (R. против Финляндии), 30 мая 2006 г. **135**
- R.R. v. Poland (R.R. против Польши), 26 мая 2011 г. **38**
- Raban v. Romania (Рабан против Румынии), 26 октября 2010 г. **177**
- Rainys and Gasparavicius v. Lithuania (Райнис и Гаспаравичус против Литвы), (реш.), 22 января 2004 г. **18**
- Raninen v. Finland (Ранинен против Финляндии), 16 декабря 1997 г. **43**
- Rasmussen v. Denmark (Расмуссен против Дании), 28 ноября 1984 г. **40, 85**
- Rees v. the United Kingdom (Риз против Соединенного Королевства), 17 октября 1986 г. **85, 116**
- Refah Partisi (the Welfare Party) v. Turkey (Партия Рефах (Партия благоденствия) против Турции), 13 февраля 2003 г. **84**
- Reigato Ramos v. Portugal (Рейгато Рамос против Португалии), 22 ноября 2005 г. **135**
- Reklos and Davourlis v. Greece (Реклос и Давурлис против Греции), 15 января 2009 г. **29, 64**
- Roche v. the United Kingdom (GC) (Роуч против Соединенного Королевства), (БП), 19 октября 2005 г. **69, 125**
- Rodrigues da Silva and Hoogkamer v. the Netherlands (Родригес да Сильва и Хоогкамер против Нидерландов), 31 января 2006 г. **170**
- Rotaru v. Romania (GC) (Ротару против Румынии), (БП), 4 мая 2000 г. **31**

S

- S. and Marper v. the United Kingdom (GC) (S. и Марпер против Соединенного Королевства), (БП), 4 декабря 2008 г. **32-33, 81, 87, 103**

- S.H. and others v. Austria (GC) (S.H. и другие против Австрии), (БП), 3 ноября 2011 г. **95**
- Sahin v. Germany (GC) (Сахин против Германии), (БП), 8 июля 2003 г. **132**
- Salapa v. Poland (Салапа против Польши), 19 декабря 2002 г. **74**
- Schalk and Kopf v. Austria (Шальк и Копф против Австрии), 24 июня 2010 г. **20, 49**
- Schlumpf v. Switzerland (Шлумпф против Швейцарии), 8 января 2009 г. **27, 118**
- Schonenberger and Durmaz v. Switzerland (Шоненбергер и Дурмаз против Швейцарии), 20 июня 1988 г. **63**
- Schuth v. Germany (Шют против Германии), 23 сентября 2010 г. **105-106**
- Sciacca v. Italy (Шакка против Италии), (реш.), 4 сентября 2003 г. **29**
- Scozzari and Giunta v. Italy (GC) (Скоццари и Джунта против Италии), (БП), 13 июля 2000 г. **92**
- Segerstedt-Wiberg and others v. Sweden (Зегерштедт-Виберг и другие против Швеции), 6 июня 2006 г. **33**
- Sen v. the Netherlands (Сен против Нидерландов), 21 декабря 2001 г. **152, 166**
- Şerife Yiğit v. Turkey (Шерифе Йигит против Турции), 2 ноября 2010 г. **50**
- Shimovolos v. Russia (Шимоволос против России), 21 июня 2011 г. **69**
- Shofman v. Russia (Шофман против России), 25 ноября 2005 г. **131**
- Sidabras and Dziautas v. Lithuania (Сидабрас и Джяутас против Латвии), (реш.), 21 октября 2003 г. **18**
- Sidiropoulos v. Greece (Сидиропулос против Греции), 10 июля 1998 г. **68**
- Silver and others v. the United Kingdom (Сильвер и другие против Соединенного Королевства), 25 марта 1983 г. **61, 72-73**
- Sisojeva and others v. Latvia (GC) (Сысоева и другие против Латвии), (БП), 15 января 2007 г. **169**
- Slivenko and others v. Latvia (Сливенко и другие против Латвии), 9 октября 2003 г. **152**
- Smirnova v. Russia (Смирнова против России), 24 июля 2003 г. **65**

- Smith and Grady v. the United Kingdom (Смит и Грейди против Соединенного Королевства), 27 сентября 2009 г. **79**
- Söderbäck v. Sweden (Содербек против Швеции), 28 октября 1998 г. **52**
- Soering v. the United Kingdom (Серинг против Соединенного Королевства), 7 июля 1989 г. **151**
- Stés Colas Est and others v. France (Компания «Колас Эст» и другие против Франции), 16 апреля 2002 г. **36, 57**
- Stubbings v. the United Kingdom (Стаббингс против Соединенного Королевства), 22 октября 1996 г. **113**
- Sunday Times v. the United Kingdom («Санди Таймс» против Соединенного Королевства), 26 апреля 1979 г. **68**
- Surugiu v. Romania (Суругью против Румынии), 20 апреля 2004 г. **140**
- Sylvester v. Austria (Сильвестр против Австрии), 24 апреля 2003 г. **176**
- Szuluk v. the United Kingdom (Сулук против Соединенного Королевства), 2 июня 2009 г. **74, 89**

T, U, V

- T.P. и К.М. v. the United Kingdom (GC) (Т.Р and К.М. против Соединенного Королевства), (БП), 10 мая 2001 г. **72**
- Taskin and others v. Turkey (Ташкин и другие против Турции), 10 ноября 2004 г. **12, 149**
- Tătar v. Romania (Татар против Румынии), 27 января 2009 г. **124**
- Taylor-Sabori v. the United Kingdom (Тейлор-Сабори против Соединенного Королевства), 22 октября 2002 г. **60**
- Ternovsky v. Hungary (Терновски против Венгрии), 14 декабря 2010 г. **39**
- Тома v. Romania (Тома против Румынии), 24 февраля 2009 г. **64**

Tuquabo-Teckle and others v. the Netherlands (Туквабо-Текле и другие против Нидерландов), 1 декабря 2005 г. **163, 167**

Turek v. Slovakia (Турек против Словакии), 14 февраля 2006 г. **33**

Tysięc v. Poland (Тысенц против Польши), 20 марта 2007 г. **114**

Üner v. the Netherlands (GC) (Унер против Нидерландов), (БП), 18 октября 2006 г. **157-159**

Uzun v. Germany (Узун против Германии), 2 сентября 2010 г. **75**

V.C. v. Slovakia (V.C. против Словакии), решение 16 июня 2009 г., постановление 8 ноября 2011 г.* **65, 115**

Van Kuck v. Germany (Ван Кюк против Германии), 12 июня 2003 г. **27, 117**

Velcea and Mazare v. Romania (Велча и Мазэре против Румынии), 1 декабря 2009 г. **50**

Venema v. the Netherlands (Венема против Нидерландов), 17 декабря 2002 г. **132**

Vo v. France (Во против Франции), 8 июля 2004 г. **94**

Voleski v. Czech Republic (Волески против Чешской Республики), 29 июня 2004 г. **175**

Von Hannover v. Germany (Фон Ганновер против Германии), реш. 8 июля 2003 г., постановление 24 июня 2004 г. **29, 121**

W, X, Y, Z

Wagner and J.M.W.L. v. Luxembourg (Вагнер и J.M.W.L. против Люксембурга), 28 июня 2007 г. **55**

Wainwright v. the United Kingdom (Уэйнрайт против Соединенного Королевства), (реш.), 13 декабря 2005 г. **42**

Wakerfiel v. the United Kingdom (Уэйкерфил против Соединенного Королевства), 1 октября 1990 г. **19**

Weber and Saravia v. Germany (Вебер и Саравиа против Германии), (реш.), 29 июня 2006 г. **75**

- Wieser and Bicos Beteiligungen GmbH v. Austria (Визер и компания «Бикос Бетайлигунген ГмбХ» против Австрии), 16 октября 2007 г. **60**
- William Faulkner v. the United Kingdom (Уильям Фолкнер против Соединенного Королевства), 4 июня 2002 г. **73**
- Wisse v. France (Виссе против Франции), 20 декабря 2005 г. **32**
- Worva v. Poland (Ворва против Польши), (реш.), 16 мая 2002 г. **42**
- X and Y v. Liechtenstein (X и Y против Лихтенштейна), (реш.), 14 июля 1977 г. **150**
- X and Y v. Switzerland (X и Y против Швейцарии), (реш.), 3 октября 1978 г. **80**
- X and Y v. the Netherlands (X и Y против Нидерландов), 26 марта 1985 г. **113**
- X v. Belgium (X против Бельгии), (реш.), 7 декабря 1982 г. **32**
- X v. Germany (X против Германии), (реш.), 10 марта 1981 г. **24**
- X v. Iceland (X против Исландии), 4 марта 1976 г. **20**
- X v. Switzerland (X против Швейцарии), 10 июля 1978 г. **19, 50**
- X v. the United Kingdom (X против Соединенного Королевства), (реш.), 1 июля 1977 г. **54**
- X v. the United Kingdom (X против Соединенного Королевства), (реш.), 12 октября 1978 г. **60**
- X v. the United Kingdom (X против Соединенного Королевства), (реш.), 13 мая 1980 г. **38**
- X v. the United Kingdom (X против Соединенного Королевства), (реш.), 6 октября 1982 г. **20, 31**
- X, Y and Z v. the United Kingdom (GC) (X, Y, и Z против Соединенного Королевства), (БП), 22 апреля 1997 г. **48, 53, 130**
- Y.F. v. Turkey (Y.F. против Турции), 22 июля 2003 г. **42**
- Yazgul Yilmaz v. Turkey (Язгуль Йилмаз против Турции), 1 февраля 2011 г. **43**
- Yousef v. the Netherlands (Юсеф против Нидерландов), 5 ноября 2002 г. **130**

Yousef v. the United Kingdom (Юсеф против Соединенного Королевства), 30 июня 1992 г. **54**

Z v. Finland (Z. против Финляндии), 25 февраля 1997 г. **33**

Zaunegger v. Germany (Цаунеггер против Германии), 3 декабря 2009 г. **131**

Znamenskaya v. Russia (Знаменская против России), 2 июня 2005 г. **24**

Zwadka v. Poland (Звадка против Польши), 23 июня 2005 г. **135**